ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (16)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера:
Приморский край: векторы перспективного развития

От редакции **5**

Ворожбит О.Ю., Байшева М.С. Перспективы развития рыбной промышленности Приморья **7**

Кузнецова Е.А. Транспортно-логистический кластер Приморского края: текущее состояние и перспективы развития **13**

Родя Л.В. Интеллектуальный общественный транспорт Приморья: проблемы и перспективы развития **18**

Щур О.О. Туристско-рекреационная и игорная зоны как приоритетные направления социально-экономического развития Приморского края (критический анализ) **24**

Зарубежная Россия (продолжение)

Каневская Г.И. От редактора рубрики **30**

Массов А.Я. Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857-1917 гг.) **33**

Антошин А.В. Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.) **43**

Семёнова Л.Н. Белорусские корни русской трудовой иммиграции в Канаде в первой половине XX в. **52**

Бакулина А.А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918 – 1945 гг.) **60**

Теория и методология регионоведческих исследований

Елацков А.Б. Геополитика: наука и мифология **68**

Социальные и демографические структуры

Фадеева Е.В. Имущественно-правовое положение женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура **75**

Культурные и идеологические факторы регионализации

Поповкин А.В. О чём мы можем подумать вместе с Китаем: к вопросу об этике государственной службы в перспективе нравственного идеала человека в культурах России и Китая..... **82**

Юдина В.И. Историческая обусловленность формирования регионального музыкального диалекта (Орловская область) **91**

Владивосток
2011

Политические отношения и управление регионом

Бурлаков В.А. Определение места российского Дальнего Востока в геополитической структуре современной России: постановка проблемы **98**

Мировая система и межрегиональные отношения

Журбей Е.В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс Администрации Дж. Буша – старшего **107**

Научные сообщения

Донских О.А. Нина Михайловна Кристесен – основательница русистики на пятом континенте **121**

Фостер Л.А. О роли приходских школ в изучении русского языка в США **130**

Белоглазов Г.П. Жертвы «Чёрной смерти» (к 100-летию подвига русских врачей в Маньчжурии) **132**

Научная жизнь

Лукин А.Л. В Северо-Восточной Азии появилась новая структура по многостороннему сотрудничеству **137**

К читателям **140**

Сокращения **141**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, О.В. Лобода, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: http://www. ojkum. ru

E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (16)

Scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

Vladivostok **2011**

THE THEME:
PRIMORSKY TERRITORY: VECTORS OF LONG-TERM DEVELOPMENT

From the editorial **5**

Vorozhbit O.Y., Baysheva M.S. Prospects of development of the fishing industry of Primorye **7**

Kuznetsova E.A. Transport and logistics cluster of Primorsky Territory: current status and development prospects **13**

Rodya L.V. Intellectual Public Transport of Primorye: Problems and Prospects of its Development **18**

Shur O.O. Tourist-recreational and gambling zones as priority directions of social and economic development of Primorski Territory (The critical analysis) **24**

RUSSIA ABROAD (CONTINUED)

Kanevskaja G.I. From the editor of a heading **30**

Massov A.Ya. The Activity of Russian Consuls in Australia Aimed at Protection of the Interests of Russian Citizens and Immigrants (1857-1917) **33**

Antoshin A.V. The culture of Russian diaspora in USA (1960 – 1980) **43**

Semenova L.N. Belarussian Roots of the Russian Labour Immigration in Canada at the first half of the XX century ... **52**

Bakulina A.A. To the question about government`s regulations of the position of russian emigrants in Manchuria (1918 – 1945) **60**

THE THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL RESEARCHES

Elatskov A.B. Geopolitics: Science & Mythology **68**

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Fadeeva E.V. The property status and restitution of women in traditional family of native peoples of the Lower Amur ... **75**

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Popovkin A.V. What we can think together with China: to the question of the ethics of public service in perspective of the moral ideal of human cultures in Russia and China **82**

Udina V.I. The historical conditionality of formation of a regional musical dialect (the Orel area) **91**

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

Burlakov V.A. Definition of the place of the Russian Far East in geopolitical structure of modern Russia: statement of the problem **98**

World system and inter-regional relations

Zhurbey E.V. Foreign policy and foreign police process of the George H.W. Bush administration **107**

Scientific messages

Donskikh O.A. Nina Christesen – Founder of Russian Studies at the fifth continent **121**

Foster L.A. The role of parochial schools in the study of russian language in the USA **130**

Beloglazov G.P. Victims of the «Black Death» (to 100 anniversary of the feat of Russian physicians in Manchuria) **132**

Scientific life

Lukin A.L. Northeast Asia gets one more multilateral cooperation mechanism..... **137**

To readers **140**

Reductions **141**

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina,V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, Yi.V. Latushko,
A.M. Kuznetsov, D.A. Litoshenko, O.V. Loboda, A.L. Lukin, Yi.A. Naumov,
S.V. Sevastyanov, Choi Nak Jun, O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: http://www. ojkum. ru

E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Тема настоящего номера во многом необычна для нашего журнала. Во-первых, в фокусе внимания «Ойкумены» оказался объект значительно меньшего территориального масштаба, чем те регионы, рассмотрению которых были посвящены предшествующие ее выпуски. Во-вторых, в данном случае наш интерес к этому объекту весьма специален: предметом анализа выступает лишь один из основных структурных уровней социально-территориальной системы – экономический.

При всей рискованности подобного пространственно и дисциплинарно локализованного анализа с точки зрения возможностей корректного соотнесения его результатов со знаниями, полученными в смежных географических и научных областях, он имеет и несомненные преимущества. Сужение предмета исследования позволяет повысить плотность, насыщенность его описания, что дает возможность получать (в заданных предметных рамках) более надежные обобщения и объяснения, и, в конечном счете, выстраивать более обоснованные прогнозы. Последнее, а именно прогностическая направленность, обращенность к изучению перспектив регионального развития составляет третью особенность темы настоящего номера журнала.

Выбор в качестве объекта изучения такого субрегиона РДВ как Приморский край обусловлен не только патриотическими чувствами большинства членов редакционной коллегии «Ойкумены». Место Приморья в структуре дальневосточного региона действительно исключительно. Обладая самым благоприятным и выгодным географическим положением, наиболее значительными демографическими ресурсами, крупным и относительно диверсифицированным экономическим потенциалом, Приморский край имеет объективно лучшие среди дальневосточных субъектов РФ перспективы дальнейшего развития. Широта и богатство спектра возможных вариантов экономической самореализации края в будущем придают особую значимость проблеме определения ее приоритетных направлений. Свое видение отраслевых приоритетов развития экономики Приморского края, оценки текущего состояния ряда ее секторов и контуры их вероятного будущего представляют авторы работ, входящих в эту рубрику.

Открывающая рубрику статья О.Ю. Ворожбит и М.С. Байшевой посвящена традиционной отрасли специализации Приморского края, которая является на сегодня одной из системообразующих составляющих его экономики, – рыбной промышленности. Обращая внимание на неблагополучное состояние продовольственной безопасности страны и региона, авторы статьи выявляют ключевые проблемные блоки, препятствующие восстановлению и дальнейшему развитию рыбного хозяйства края. Перспективы активизации рыбохозяйственной деятельности в Приморье исследователи связывают с кластерной политикой, направленной на интеграцию рыбопромышленников и географически и экономически смежных с ними предпринимательских структур.

Предметом следующей статьи рубрики, подготовленной Е.А. Кузнецовой, является настоящее и будущее транспортного комплекса Приморского края. По мнению автора, именно транспортному обеспечению

принадлежит огромная роль в реализации социально-экономического потенциала Дальнего Востока и Приморья. Развитие транспортного комплекса выступает необходимым условием как перехода Приморского края к инновационной модели экономического роста, так и его вовлечения в интеграционные процессы, происходящие в АТР. В статье сформулированы задачи, стоящие перед транспортно-логистическим кластером Приморья, и даны развернутые рекомендации относительно направлений работы над их решением.

Анализ проблематики транспортной отрасли экономики региона продолжает статья Л.В. Родя. В центре представленного автором исследования находится сфера городских автобусных пассажирских перевозок. В последние годы эта сфера становится объектом инновационных, информационно-управленческих преобразований, целью которых является создание «интеллектуального» общественного транспорта. Рассматривая взаимодействие федеральных и региональных органов власти в процессе формирования национальной интеллектуальной транспортной системы, автор оценивает влияние их деятельности на состояние общественного транспорта городов Приморского края.

Перспективам развития туристической индустрии Приморья посвящено исследование О.О. Щур. По мнению автора, создание в крае особой экономической зоны туристско-рекреационного типа может выступить локомотивом развития различных сегментов сферы обслуживания региона и оказать общее позитивное влияние на динамику его социально-экономических показателей. Вместе с тем, ожидаемый кумулятивный эффект от появления в Приморье туристско-рекреационной зоны может быть достигнут лишь при условии предварительного решения целого комплекса препятствующих ее полноценному функционированию инфраструктурных, инвестиционных, экологических и иных проблем.

Редколлегия

УДК 332.1

Ворожбит О.Ю., Байшева М.С.

Перспективы развития рыбной промышленности Приморья

Prospects of development of the fishing industry of Primorye

Рыбохозяйственная деятельность имеет существенное значение для Приморского края. На сегодняшний день наметились негативные тенденции, порождающие угрозу продовольственной безопасности нашей страны. В статье определены ключевые проблемные блоки, препятствующие развитию рыбного хозяйства. Разработаны предложения по активизации рыбохозяйственной деятельности в Приморье на основе интеграции рыбопромышленников и смежных предпринимательских структур.

Ключевые слова: *Приморский край, рыбная промышленность, кластер, рыбохозяйственная деятельность*

◆

Fishery activities are essential to the Primorsky Territory. To date, there have been negative tendencies that generate threats to food security of our country. The paper identifies key problem blocks, impeding the development of fisheries. The proposals to enhance fisheries in the Primorsky Territory on the basis of integration of fishermen and related business entities.

Key words: *Primorsky Territory, the fishing industry, a cluster, fishery activities*

Рыбная промышленность является одной из системообразующих составляющих экономики региона, призванная обеспечивать устойчивое снабжение населения необходимыми по количеству и качеству рыбными продуктами питания. Кроме того, у рыбного хозяйства Приморья огромные возможности по расширению присутствия на мировых рынках.

По данным официальной статистики рыбохозяйственный комплекс Приморского края вносит весомый вклад в формирование валового регионального продукта – более 17 млрд. рублей (5,5%); даёт рабочие места 17 тыс. человек (2,9% занятых в организациях края). В 2009 году среднемесячная заработная плата одного работающего в рыбном хозяй-

ВОРОЖБИТ Ольга Юрьевна, д.э.н., заведующая кафедрой «Финансы и налоги» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*). **E-mail:** Olga.Vorozhbit@vvsu.ru

БАЙШЕВА Мария Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры «Финансы и налоги» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*). **E-mail:** Mariya.Baysheva@vvsu.ru

ситуация сложилась в результате ряда объективных и субъективных причин. Однако на сегодняшний день приходится констатировать факт спада предпринимательской активности в рыбохозяйственной деятельности Приморья.

Для того чтобы найти выход из сложившейся ситуации необходимо провести анализ причин кризисного состояния в рыбном хозяйстве, выявить ключевые проблемные блоки, определить возможные пути их преодоления.

Экономические реформы, проводимые в нашей стране в 90-х годах прошлого столетия, привели к тому, что в результате приватизации единый рыбохозяйственный комплекс распался на отдельные структуры, каждая из которых занялась добычей, обработкой и сбытом рыбопродукции. Следствием этого явился спад добычи рыбы и морепродуктов в целом по Российской Федерации практически в два раза.

В числе основных причин такой негативной динамики следует выделить отсутствие опыта работы в изменившихся условиях, просчёты в организационной, финансовой, кредитной и внешнеторговой политике государства, а также отсутствие государственной поддержки в самом начале осуществления реформ. В результате произошло существенное удорожание рыбопродукции, на фоне низкой платёжеспособности населения снизилась её конкурентоспособность, и как логическое следствие конкурентоспособность рыбохозяйственных организаций.

Отсутствие технических условий у рыбохозяйственных организаций для обеспечения переработки рыбной продукции в соответствии со стандартами качества, признанными в мире привели к крайне низкому уровню их конкурентоспособности на внешнем рынке. По-прежнему преобладающей остаётся сырьевая ориентация экспорта рыбной продукции.

Анализ ближайшей истории развития рыбной промышленности ДВФО и её нынешнего состояния, оценка конкурентоспособности рыбохозяйственной деятельности позволили выявить ряд ключевых проблемных блоков, связанных с угрозами экономической безопасности нашей страны *рис. 1*.

Дезинтеграция в рыбохозяйственной деятельности. Распад рыбохозяйственного комплекса привёл к созданию значительного количества самостоятельных рыбохозяйственных структур. На сегодняшний день приходится констатировать факт отсутствия организационных и экономических связей между добычей рыбы и морепродуктов и их переработкой. Практически отсутствуют межотраслевые связи рыбопромышленных организаций с предприятиями других отраслей. Это приводит к низкой экономической эффективности рыбохозяйственной деятельности, снижению инвестиционной привлекательности в этой области.

Увеличение числа добывающих компаний в условиях ограниченных сырьевых ресурсов происходит за счёт их перераспределения, а не освоения новых объектов лова. Выделением лимитов на добычу рыбы и морепродуктов в малых объёмах рыбохозяйственные предприятия подталкиваются на браконьерство, ибо полученная квота не даёт возможности возместить произведённые затраты на промысловую деятельность.

Решением данной проблемы, с нашей точки зрения, могут стать интеграционные процессы, способствующие появлению крупных рыбохозяйственных объединений, концентрирующих в своих руках рыбодобычу, рыбопереработку и сбыт готовой продукции. Создание рыбопромышленного кластера в Дальневосточном регионе позволит объединить крупных, средних и мелких рыбопромышленников, направить их усилия на достижение единой цели – повышения конкурентоспособности рыбохозяйственной деятельности, а соответственно и эффективности

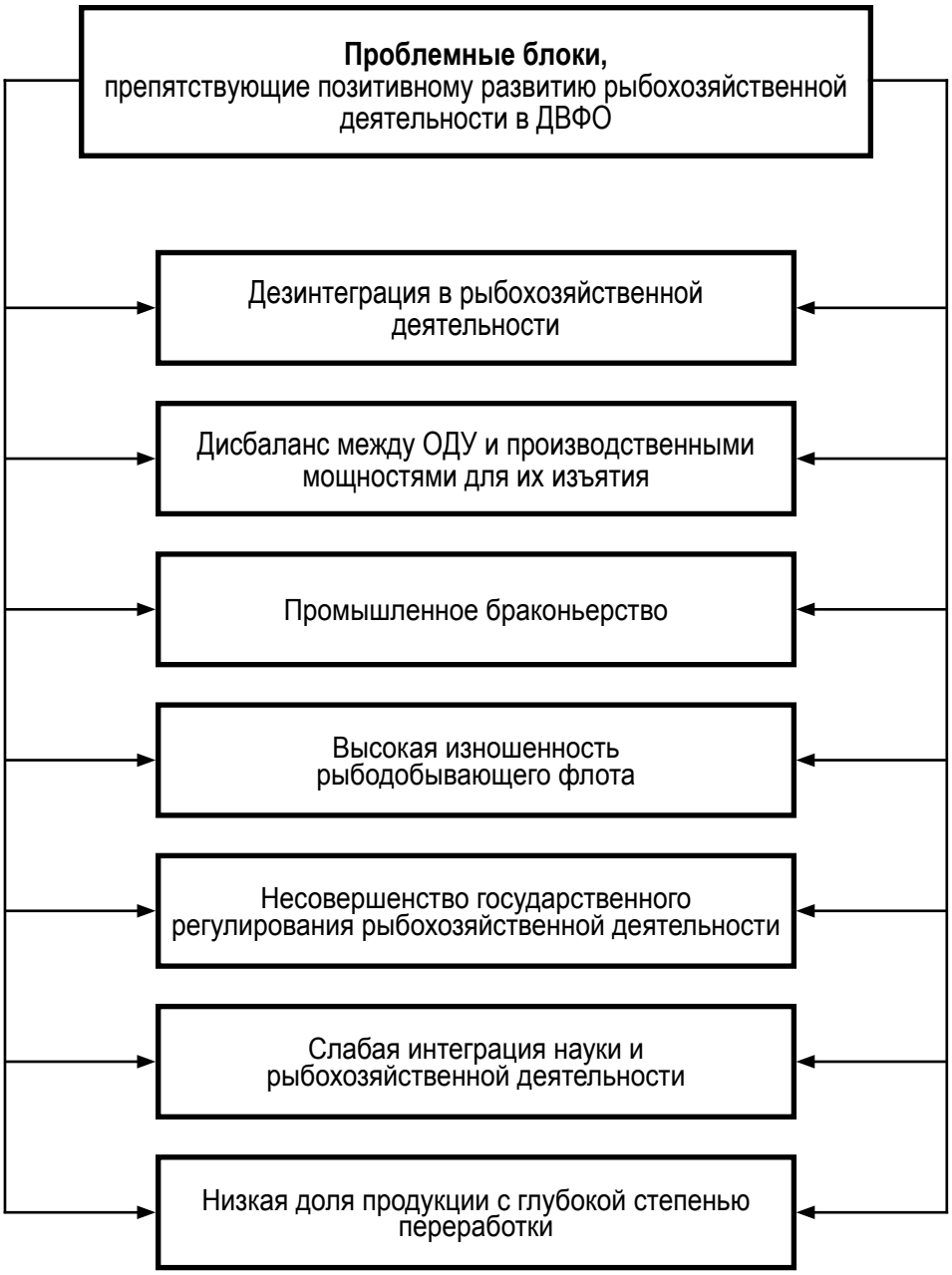

Рис. 1. Проблемные блоки, препятствующие позитивному развитию рыбохозяйственной деятельности

стве края составила 19214,6 рублей и в реальном выражении выросла **[2]**.

В последние годы в Приморском крае явно прослеживаются негативные тенденции в развитии рыбного хозяйства, которые явно прослеживаются в результанте анализа информации, приведённой в статистических сборниках. Во-первых, доля рыбохозяйственных предприятий в показателях Приморья имеет тенденцию к снижению. Во-вторых, Приморье исторически являлось лидером по добыче рыбы и морепродуктов, в последние годы на первые позиции выходит Камчатский край. Такая

деятельности каждой рыбохозяйственной организации.

Основоположником теории кластерного развития в экономике по праву считается М. Портер. В результате проведённых исследований он пришёл к выводу о том, что конкурентоспособность имеет свойство распространяться на ближайшее окружение.

Кластер – интегрированная структура, объединяющая группу географически локализованных предпринимательских структур, связанных между собой общностью социально-экономических целей **[1, с. 278]**.

Кластер охватывает весь путь производства: от научных разработок, добычи рыбы и морепродуктов до выпуска конечного продукта. Между участниками кластера сохраняются конкурентные отношения, что является его отличительной особенностью от других интегрированных структур.

В качестве примера использования кластерной политики, направленной на развитие рыбной промышленности, можно привести опыт Норвегии. Вначале 1990-х гг. правительство этой страны начало осуществлять интеграционный проект по объединению всех предприятий рыбохозяйственного сектора, с целью повышения их конкурентоспособности в условиях глобализации мировой экономики. Инициатива включала в себя формирование исследовательской сети, внедрение передовых технологий, проведение совместных Интернет-презентаций. В проект были вовлечены 450 организаций Норвегии, которые напрямую или косвенно работают на рыбную промышленность. Результатом осуществления кластерной политики явилось то, что если перед началом интеграции (в 1990 г.) затраты на производство и реализацию одного килограмма лосося составляли 70 норвежских крон (при франко цене, включающей доставку до границы Норвегии), то уже в 1996 г. эти затраты снизились почти в 3 раза и составляли 24 норвежских кроны. Результатом такой политики стало резкое увеличение потребления норвежского лосося в Западной Европе, почти в 10 раз **[3]**. Соответственно показатели конкурентоспособности норвежской продукции значительно увеличились.

Считаю, что на Дальнем Востоке рыбопромышленный кластер должен быть создан именно в Приморье. Такой вывод базируется на анализе рыбохозяйственной деятельности в субъектах ДВФО. Предпринимательская активность в рыбной промышленности среди других субъектов ДВФО более высокая в Приморском крае и в Камчатском крае. На основании анализа потенциальных возможностей этих субъектов, вывод о создании кластера в Приморье очевиден.

Ядром рыбопромышленного кластера должны стать крупные рыбопромышленные организации, они должны заниматься и добычей, и переработкой. Вокруг лидеров кластера сосредотачиваются крупные, средние и малые рыбохозяйственные предприятия, которые могут специализироваться на выпуске отдельных видов продукции, осуществлении отдельных операций, добыче рыбы и морепродуктов. Кроме рыбопромышленных предприятий участниками кластера должны стать организации поставляющие орудия лова, тару, оказывающие сопутствующие услуги. Кластер включает инфраструктурные звенья.

Инновации являются обязательной составляющей кластера, в этой рыбопромышленный кластер должен в обязательном порядке иметь в своём составе структуру, разрабатывающую новые виды продукции, новые технологии. Это могут быть институты ДВО РАН, НИИ ДВФО, ведущие вузы.

Кадровое обеспечение рыбопромышленного кластера могут также осуществлять вузы – участники кластера. При этом сотрудничество будет, безусловно, взаимовыгодным. Кластер и организации, входящие в его состав будут определять приоритетные направления научных иссле-

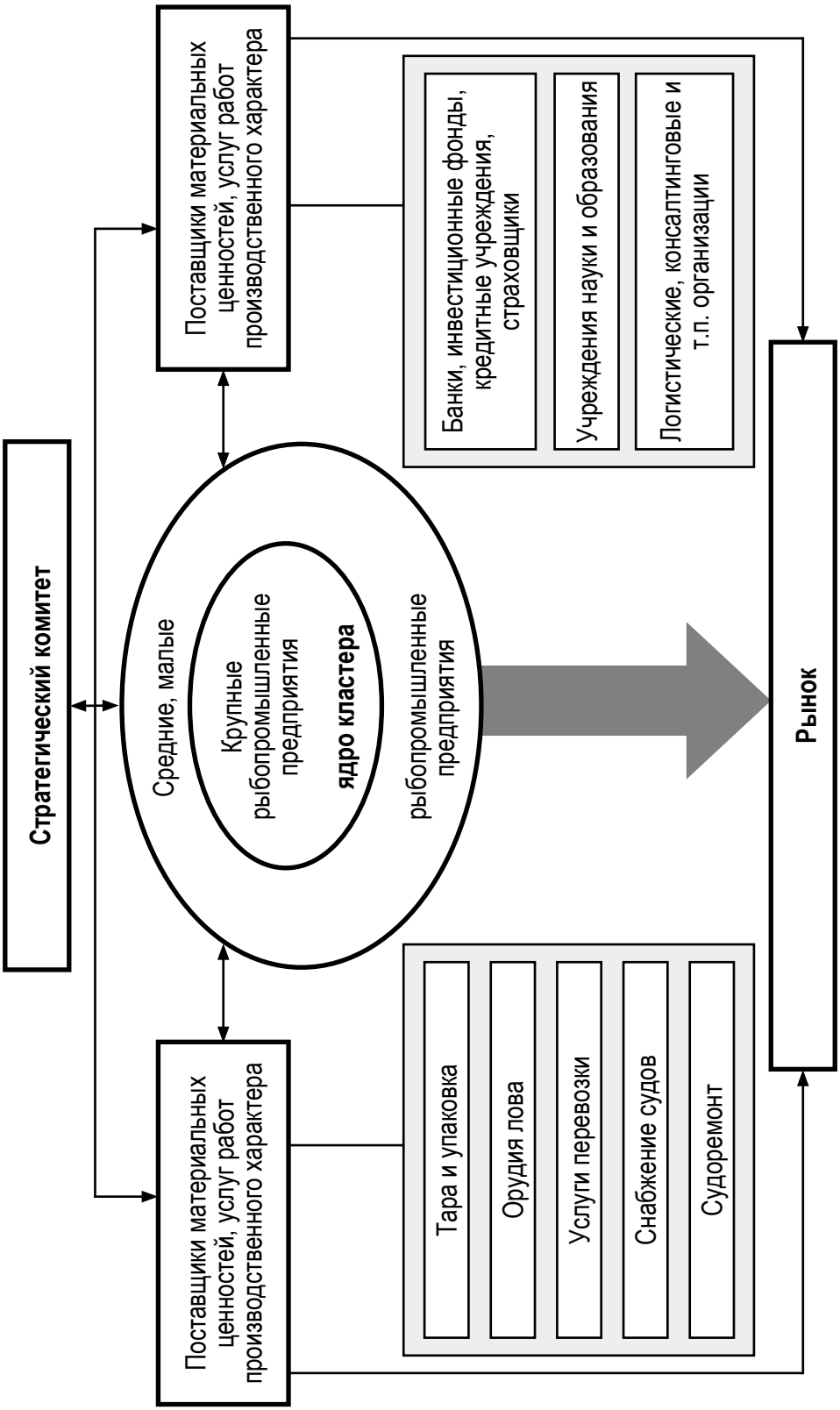

Рис. 2. Организационная структура рыбопромышленного кластера

дований, осуществлять их финансирование, результаты исследований получат практическое применение, что повысит не только конкурентоспособность рыбохозяйственной деятельности, но и конкурентоспособность вузов. Организация практик, совершенствование учебных планов, привлечение специалистов из реального сектора в учебный процесс, трудоустройство выпускников и т.п.

Обеспечение сбыта продукции кластера требует наличия соответствующих структур для проведения конъюнктурных исследований, продвижения продукции, ведения работ по охвату рынка, мониторинга конкурентов.

Следует отметить, что региональное экономическое развитие на основе стимулирования кластеров предполагает инициативу и совместные усилия бизнеса и администраций субъектов. Роль, которую должны играть администрации территорий и бизнес при развитии отраслевых кластеров разная, но взаимодополняющая.

Роль администрации должна состоять в поддержке и инициировании процессов активизации кластеров. Региональные администрации практически всегда сильно вовлечены в деятельность бизнеса. Бизнес же часто оказывает сильное влияние на администрацию. Поэтому особенно важно участие администрации в кластерных совещаниях и принятии решений, касающихся развития кластеров.

У территориальных администраций имеется высокоэффективный способ стимулирования кластеров. Этот инструмент – целевые программы. Они могут оказать существенное влияние на развитие кластера.

Основные принципы создания рыбопромышленного кластера в Приморье:

- Принцип добровольности.
- Принцип целостности.
- Принцип «ядра» – ведущего предприятия.
- Принцип поддержки и содействия со стороны административных органов.
- Принцип равноправной заинтересованности членов кластера.
- На *рис. 2* представлена предлагаемая организационная структура рыбопромышленного кластера.

Создание рыбопромышленного кластера позволит решить широкий спектр экономических, социальных и иных проблем. В условиях кластера повысится конкурентоспособность выпускаемой рыбной продукции за счёт обеспечения факторов на неё воздействующих, а соответственно возрастёт конкурентоспособность и самих производителей.

◆

Литература

1. Портер, М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость.: пер. с англ. / М. Э. Портер. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 715 с.

2. Приморский край и субъекты ДВФО в 2009 году. 2010: Бюллетень / Владивосток: Приморскстат, 2010. 88 с.

3. Food and food products. Электронный ресурс. URL: http://www.fao.org.

УДК 332.1

Кузнецова Е.А.

Транспортно-логистический кластер Приморского края: текущее состояние и перспективы развития

Transport and logistics cluster of Primorsky Territory: current status and development prospects

В условиях глобализации и высокой динамики социально-политических процессов социально-экономическое развитие Дальнего Востока является стратегическим вопросом. И огромная роль в реализации возможностей обширного региона принадлежит транспортному обеспечению. Всё более актуальными становятся вопросы развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, проблемы развития рынка логистических услуг, обеспечение взаимосвязанности логистических цепочек, в том числе и повышение прозрачности государственного регулирования в сфере логистических услуг.

Ключевые слова: *Приморский край, транспортная система, транспортное обеспечение, логистический сервис*

◆

In the conditions of globalization and high dynamics of socio-political processes socio-economic development of the Far East is a strategic issue. And a huge role in realization of possibilities of extensive region belongs to the Transportation Division. Becoming increasingly relevant questions of transport infrastructure development of the Far East, the problems of the market development of logistics services, ensuring the coherence of logistics chains, including increasing the transparency of government regulation in the field of logistics services.

Key words: *Primorski Territory, a transport system, a transportation division, a logistics services*

Российский Дальний Восток является территорией, обладающей значительным потенциалом освоения и вовлечения в сферу геополитических интересов сопредельных государств. Происходит постепенное смещение финансовых и инвестиционных потоков в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в которых в ближайшее время будет производиться не менее половины мирового валового внутреннего продукта.

В условиях глобализации и высокой динамики социально-политических процессов социально-экономическое развитие Дальнего

КУЗНЕЦОВА Елена Анатольевна, аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*). **E-mail:** Elena_zagorodnev@mail.ru

Востока является стратегическим вопросом. И огромная роль в реализации возможностей обширного региона принадлежит транспортному обеспечению. Всё более актуальными становятся вопросы развития транспортной инфраструктуры Дальнего Востока, проблемы развития рынка логистических услуг, обеспечение взаимосвязанности логистических цепочек, и в том числе повышение прозрачности государственного регулирования в сфере логистических услуг.

Развитие транспортной системы становится в настоящее время необходимым условием реализации инновационной модели экономического роста не только Приморского края, но и Российской Федерации, и улучшения качества жизни населения **[1, с. 7]**.

В АТР происходят беспрецедентные по масштабам интеграционные процессы, сопровождающиеся формированием и укреплением разнообразных объединений и организаций, включающих большое количество субъектов внешнеэкономической деятельности и международного сотрудничества. В ряде ведущих государств данного региона активизируются процессы модернизации, целенаправленно осваиваются новейшие транспортно-логистические технологии **[2, с. 1]**.

Транспортный комплекс южного Приморья может стать эффективным партнёром транспортных систем Японии, Южной Кореи, Китая, Монголии и иных стран. Это приведёт к повышению конкурентоспособности всего региона. Важными условиями для этого являются продуманное позиционирование транспортной системы на рынке, эффективное целеполагание в освоении транзита и использование международного опыта. Интеграция Приморского края в транспортную систему Азии, должна осуществляться во всех сферах транспорта и видах перевозок, связанных с международным товародвижением. Созрела необходимость в формировании целостной транспортно-логистической системы, которая включала бы в себя порты, железную дорогу, судоходные компании и склады, позволила бы обеспечить качественный сервис, соответствующий мировым стандартам, на всех стадиях транспортировки груза. Единая система транспортировки и логистик грузов увеличит не только пропускную способность ключевых транспортных узлов Приморья, но и повысит степень привлекательности транспортного комплекса Приморья для грузоотправителей стран Северо-Восточной Азии **[3, с. 54]**.

Основная цель развития транспортно-логистического кластера Приморского края – интеграция в транспортно-логистическую систему Азиатско-Тихоокеанского региона и приведение транспортно-логистической системы Приморского края в соответствие со стандартами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для достижения поставленной цели, необходимо обеспечить реализацию задач транспортно-логистического комплекса Приморского края. (*см. рис. 1.*)

Для реализации указанных задач развитие транспортного комплекса Приморского края должно осуществляться по следующим направлениям. (*см. рис. 2.*)

Остановимся на каждом из направлений развития транспортно-логистического комплекса Приморского края подробнее.

1. Для развития портовой системы необходимо:

♦ формирование портово-производственной зоны и эшелонированного порта на базе п. Восточный-Находка, включающей строительство современного терминального комплекса, складских сооружений, строительство второго железнодорожного пути от станции Находка-Восточная до разъезда Хмыловский, а также строительство объездной дороги к Находке. Перспективными грузами для комплекса Восточный-Находка являются контейнерные грузы, уголь, продукция нефтехимического

Рис. 1. Задачи транспортно-логистического комплекса Приморского края

комплекса, зерно, продукция лесопромышленного комплекса (преимущественно деревопереработки), продукция рыбопереработки;

♦ усиление специализации транспортных узлов;

♦ развитие производственных зон и синхронизация развития портовых комплексов и производственных зон (прежде всего со специализацией на нефтепереработке и газопереработке (включая нефтехимию и нефтегазохимию), деревопереработке, рыбопереработке и переработке морской продукции, производстве продукции судостроения и судоремонта, металлообработке). Специализация производственной зоны должна быть увязана со специализацией порта, рядом с которой она создаётся;

♦ усиление скоординированности действий отдельных субъектов по развитию транспортных узлов. Это может быть достигнуто за счёт создания координационных комиссий транспортных узлов, состоящих из участников перевозочного процесса, таких как представители отделений и станций железной дороги, стивидорных и судоходных компаний, автопредприятий, экспедиторов, портовых властей, логистического центра, контрольных органов и органов исполнительной власти.

2. Для увеличения масштаба субъектов транспортно-логистического кластера необходимо:

♦ стимулирование роста российских судоходных компаний (в том числе формирование национальной судоходной компании, общий дедвейт которой должен составлять не менее 4 млн.тонн), а также терминального бизнеса;

♦ поддержка транснационализации российских транспортно-логистических корпораций;

♦ стимулирование развитие деятельности транспортно-логистических операторов мирового уровня на территории региона;

♦ усиление скоординированности развития транспортных узлов за счёт формирования ассоциативных органов управления на региональном уровне.

3. Для интеграции в макрорегиональную систему перевозок необходимо:

♦ развитие на базе существующего аэропорта – хаба;

♦ формирование порта-хаба на базе портового комплекса Восточный-Находка. В перспективе портовый комплекс Восточный-Находка может стать портом-хабом регионального значения (с ориентацией на грузы из

Направления развития транспортно-логистического комплекса Приморского края

- развитие портовой системы;
- увеличение масштаба субъектов транспортно-логистического кластера;
- интеграция в макрорегиональную систему перевозок;
- обеспечение высокого качества транспортного сервиса;
- увеличение объемов транзитных грузов из стран АТР через российские порты;
- повышение логистического потенциала Приморского края, в условиях функционирования транспортно-логичестического кластера.

Рис. 2. Направления развития транспортно-логистического комплекса Приморского края

портов западного побережья Японии направлением на Северную Америку, в более отдалённой перспективе – северо-корейские грузы);

♦ обеспечение транзита грузов из северо-восточного Китая через порты Приморского края, в том числе за счёт развития а) автодорожной сети, б) пограничных переходов **[3, с. 49-52]**.

4. Грузопотоки на рынке контейнерных перевозок – не в пользу российского транзита. Активная политика крупных компаний – перевозчиков контейнеров – привела к перераспределению транзитного грузопотока Европа – Азия на зарубежные порты в обход Транссибирской магистрали. Причинами низкого объёма транзитных контейнерных перевозок при высоком транзитном потенциале и уникальных возможностях магистрали являются:

♦ неспособность железнодорожных перевозок конкурировать по себестоимости с морскими;

♦ задержки груза по маршруту при передаче груза внутри мультимодальной цепочки;

♦ непрозрачность конечной стоимости доставки груза для клиента;

♦ отсутствие инструмента, обеспечивающего оптимальное взаимодействие грузовладельцев, железных дорог, смежных видов транспорта, экспедиторов и других участников в цепи доставки грузов.

Один из основных путей обеспечения высокого качества транспортного сервиса на регулярной основе – тесное взаимодействие участников мультимодальной цепочки (железнодорожников и портовиков) в целях создания эффективных технологий международных перевозок, применение которых позволит предоставлять владельцам грузов транспортный сервис на уровне мировых стандартов.

5. Для решения стратегической задачи увеличения объёмов транзитных грузов из стран АТР через российские порты необходимо:

♦ инвестирование в развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры;

♦ сокращение эксплуатационных расходов на перевозке грузов за

счёт оптимизации графика движения, распределения грузопотоков, совершенствования транспортной логистики;

- формирование сквозной тарифной ставки.

6. Повышение логистического потенциала Приморского края, в условиях функционирования транспортно-логичестического кластера возможно при оптимизации имеющихся ресурсов и рациональном их использовании (портовая, железнодорожная и т.д.) всеми экономическими субъектами транспортной цепочки.

Проблемы транспортной отрасли не новы и в основном известны. Их решение требует практических действий.

Существует два возможных пути развития событий: либо скромно встраиваться в новую глобальную экономику, претендуя лишь на некоторый доход, либо превращать транспорт в инновационную магистраль Приморского края и России.

Задача состоит не только в том, чтобы воспроизвести и реализовать амбициозные инвестиционные проекты, но и в пересмотре имеющихся взглядов на существующее положение дел в транспортной отрасли, в повышении эффективности взаимодействия всех участников мультимодальных цепочек, а также внедрении новых технологий, что само по себе станет фактором приоритетного вложения денег различными финансовыми группами именно в транспортную сферу.

◆

Литература

1. Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010-2015 годы). (в ред. Постановления Правительства РФ от 20 мая 2008 года № 377, вступает в силу с 1 января 2010 года). Электронный ресурс. URL: http://www.mintrans.ru/documents/detail.php?ELEMENT_ID=9806 [Дата обращения: 26.02.2011].

2. Выступление министра транспорта Российской Федерации Левитина И.Е. на Четвёртом Тихоокеанском экономическом конгрессе, «Развитие сотрудничества в сфере транспорта в Азиатско-тихоокеанском регионе». [Электронный ресурс]. URL: http://www.pacific-congress.ru/archive/2010/ru/total-materials/ [Дата обращения: 26.02.2011].

3. Итоговые материалы Четвёртого Тихоокеанского экономического конгресса, дискуссионная сессия «Дальний Восток – транзитный узел в Азиатско-тихоокеанском регионе». Электронный ресурс. URL: http://www.pacific-congress.ru/archive/2010/ru/total-materials [Дата обращения: 26.02.2011].

4. Закон Приморского края от 20 октября 2008 года № 324-КЗ «О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года». Электронный ресурс. URL: http://www.zspk.gov.ru/laws/2008/10.html [Дата обращения: 26.02.2011].

УДК 332.1

Родя Л.В.

Интеллектуальный общественный транспорт Приморья: проблемы и перспективы развития

Intellectual Public Transport of Primorye: Problems and Prospects of its Development

В статье рассматривается концептуальная схема «интеллектуализации» транспорта в сфере городских автобусных пассажирских перевозок, приводятся формы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в России при формировании национальной интеллектуальной транспортной системы, призванной обеспечить повышение качества и безопасности транспортных услуг, выявляется специфика отечественного интеллектуального общественного транспорта в Приморье.

Ключевые слова: *общественный транспорт, интеллектуальная транспортная система, интеллектуальный транспорт, система ГЛОНАСС, регион, безопасность*

◆

The article is devoted to the conceptual scheme of transport "intellectualization" in the sphere of municipal bus passenger traffic, to the forms of interaction of the Federal and regional authorities in Russia when forming national intellectual transportation system called to improve the quality and safety of transportation service and to the specific character of domestic intellectual public transport in Primorye.

Key words: *public transport, intellectual transportation system, intellectual transport, Global Positioning System, region, safety*

Позитивные изменения в облике мирового и российского общественного транспорта в XXI веке сопровождаются рядом негативных последствий, масштабы и значимость которых дают основание оценивать их как стратегические вызовы национального масштаба. К их числу относятся: неприемлемый уровень людских потерь, рост потребления не возобновляемых источников энергии и негативного влияния на окружающую среду, постоянно растущие задержки пассажиров, связанные как с объективным недостатком мощностей транспортной инфраструктуры, так и с низким уровнем управления транспортными потоками.

Мировым транспортным сообществом решение найдено в создании уже не систем управления транспортом, а транспортных систем, в ко-

РОДЯ Лариса Владимировна, к.э.н., старший преподаватель кафедры экономики филиала Дальневосточного федерального университета в *г. Уссурийске*. **E-mail:** larisarodya@mail.ru

торых средства связи, управления и контроля изначально встроены в транспортные средства и объекты инфраструктуры. При этом, возможности управления, на основе получаемой в реальном времени информации, доступны не только транспортным операторам, но и всем пользователям транспорта.

Таким образом, «интеллектуальный транспорт», неотъемлемая часть интегрированной системы: человек – транспортная система – транспортные средства, с максимальным использованием новейших информационно-управляющих технологий. В этом случае можно говорить о появлении и работе интеллектуальной транспортной системы (ИТС) **[3]**.

Одно из основных направлений ИТС, которое активно продвигается во всём мире – реализация концепции интеллектуального автомобиля. Работает международная программа «Транспортные средства повышенной безопасности». Уже первые опыты использования бортовых интеллектуальных систем показали, что они способны уменьшить число ДТП на 40 процентов, а число ДТП со смертельным исходом – на 50 процентов.

Приморье, как часть транспортной системы России, не остаётся безучастным в вопросах адаптации интеллектуальной транспортной системы и интеллектуального транспорта. При этом в Российской Федерации до настоящего времени отсутствует единая политика зрелого процесса развития ИТС, отсутствуют официальные организационные структуры ответственные за развитие ИТС как основного средства инновационного развития транспорта, достаточно активно разрабатываются только отдельные разрозненные элементы ИТС, что диктуется не долговременной стратегий, а текущими потребностями рынка.

Сейчас наблюдается четыре процесса, связанные с ИТС: разработка различными предприятиями и организациями собственных моделей ИТС; адаптация зарубежной и отечественной радиоэлектронной аппаратуры к собственным моделям; предоставление локальных услуг (в основном мониторинга и дистанционной охраны автотранспорта). Современное состояние рынка ИТС в России отличает разрозненность, фрагментарность, отсутствие национальных стандартов, недостаточная системность контактов с международными ассоциациями ИТС.

Стихийное развитие локальных региональных систем, уже сейчас формирует среду, когда интеграция в единую национальную ИТС России может оказаться технически невозможной. В связи с эти возникает острая необходимость создания транспортной системы нового поколения, что соответствует сценарию инновационного развития национальных транспортных систем. Для скорейшего решения этой задачи приняты ФЗ от 14.02.2004 г. № 22 – ФЗ, Постановление Правительства РФ от 25.08.2008г. № 601, приказы Министерства транспорта от 9. 03.2010г. № 55 и от 21.06.2010г. № 136. Получено прямое поручение Председателем Правительства РФ В. Путина (протокол совещания от 14.04.2009г. № ВП–П9–8пр). Закон «Об интеллектуальных транспортных системах» появится весной 2011 года. Представлена на обсуждение Концепция ФЗ РФ «Интеллектуальной транспортной системы Российской Федерации».

Данная Концепция интересна, прежде всего, тем, что в ней определяется понятие полноты и качества удовлетворения общественной потребности в транспорте. Таким образом, качество включает следующие ключевые показатели: эффективность транспортной системы в целом; оперативность и доступность транспортных услуг для потребителя; комплексная безопасность; информированность субъектов транспортной деятельности; надёжность транспорта.

Необходимо также отметить, что в основных информационных ис-

точниках функционал ИТС России разделён на два кластера: функционал дорожной инфраструктуры ИТС и функционал интеллектуального транспортного средства. Относительно ГОТ указанные функционалы включают в себя следующие показатели: функционал дорожной инфраструктуры ИТС – управление городским движением; предупреждение столкновений и безопасность; дорожная обстановка и погодные условия; проведение дорожных работ; управление перевозками; управление при ДТП; управление при чрезвычайных ситуациях; электронные системы платежей и цены; информирование участников транспортного процесса; управление данными и т.д. Функционал интеллектуального транспортного средства включает три группы показателей: предупреждение столкновений; ассистент водителя; оповещение о произошедшем столкновении.

Как показывает опыт большинства государств, в развитии ИТС в условиях рыночной экономики, только единая государственная политика позволяет объединить общие усилия для решения общенациональных задач в транспортном комплексе. Государство осуществляет стратегически инновационную функцию – поддерживает базисные технологические и экономические инновации, придавая им начальный импульс.

Согласно решению Правительства РФ, органам власти субъектов федерации рекомендовано разработать собственную Концепцию региональной политики в области внедрения и использования инновационных навигационных отечественных технологий.

Межведомственная комиссия по информационной безопасности при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе отметила, что к настоящему времени в регионах Дальнего Востока по объёмам и эффективности не получило должного развития использование технологий ГЛОНАСС. Анализ официальных статистических данных использования в регионах Дальневосточного федерального округа современных навигационных технологий показывает тенденцию явного смещения в сторону зарубежного сегмента GPS **[6]**.

Пионером применения системы ГЛОНАСС в Дальневосточном федеральном округе, на практике стал Хабаровск. Полученный правительством Хабаровского края в 2009 – 2010 годах опыт работы показывает, что внедрение отечественных навигационных технологий ГЛОНАСС уже на первом этапе его использования способствует появлению значительных положительных эффектов в отдельных отраслях краевой экономики.

В Приморье развитие общественного транспорта осуществляется на основе Транспортной стратегии России до 2030 года. Впервые данный документ предусматривает обеспечение доступности и качества транспортных услуг для населения в соответствии с социальными стандартами. Для различных слоёв населения стандарты определяют «минимальную потребительскую корзину транспортных услуг» – объём, доступность и стоимость перевозок в пассажирском сообщении, параметры стоимости, комфортности, своевременности транспортного обслуживания населения. В связи с низкой транспортной доступностью эти стандарты имеют для региона и страны в целом огромное социальное и экономическое значение. Однако их реализация потребует затрат бюджетов всех уровней и серьёзной научной и законотворческой проработки на уровне федерации и регионов.

Основная нагрузка по установке средств спутниковой навигации легла на регионы в начале 2010 г. В каждом муниципальном образовании Приморского края разработаны и утверждены долгосрочные целевые программы «Повышения безопасности дорожного движения …».

Задачи данной Программы вытекают из положений Концепции ИТС России в частности по установке, замене и модернизации существующих технических средств организации дорожного движения на территории муниципальных образований. Первые сообщения о намерениях властей столицы Приморья оборудовать системами спутникового контроля общественный транспорт появились в начале 2010 года. Весь муниципальный транспорт должен будет «встать» под всевидящий спутниковый контроль до конца мая 2011 г. В свою очередь, все частные автоперевозчики будут обязаны подключиться к системе до конца года. При этом стоимость GPS устройства (20 тыс. руб.), устанавливаемого в автомобиль, будут оплачивать сами автоперевозчики **[5]**.

Кроме того, с целью реализации программы внедрения спутниковой навигации в транспортную систему Приморья, в крае создано предприятие ООО «Центр мониторинга транспорта». Данное предприятие является уполномоченным органом и технологическим партнёром единственного Федерального сетевого оператора в области ГЛОНАСС ОАО «Навигационно – информационные системы» и партнёром группы компаний «M2M телематика» на территории Приморского края.

Чтобы оценить масштабы появления и развития интеллектуального транспорта Приморья, проанализируем положение общественного автомобильного транспорта в отдельных муниципальных образованиях **[2]**.

МЦП «Повышение безопасности дорожного движения в городе Владивостоке на 2011 – 2012 годы» предусматривает: проект организации дорожного движения; разработку схем расположения технических средств организации дорожного движения; установка светофорных объектов и модернизация существующих. Для реализации этой программы на период 2011 – 2012 гг. предусматривается финансирование в объёме 28 млн. руб. за счёт средств бюджета Владивостокского городского округа.

Главой города И. Пушкарёвым было принято решение о восстановлении работы муниципального транспорта в г. Владивостоке. Для этой цели были закуплены 30 автобусов (КАВЗ-4239 вместимостью 88 пассажиров, оборудованных откидными помостами для инвалидов – колясочников и системами спутниковой навигации). Изменится схема движения транспорта в городе, принято решение исключить 10 существующих маршрутов и ввести 7 новых. Полное обновление автобусного парка планируется к 2012 году.

Среди планируемых новшеств – электронные табло на основных остановочных пунктах. На них будет транслироваться время подхода на посадку и отправления того или иного автобуса. Это позволит пассажирам рассчитать время, выбрать для себя маршрут, исходя из того, какой автобус подойдёт быстрее. Перевозчики, которые будут вкладывать средства в развитие и совершенствование автомобильного парка, останутся на рынке автоперевозок Владивостока. Все остальные будут лишены такого права уже в начале 2011 года.

Кстати, первые 14 муниципальных автобусов, осуществляющих перевозки на самом протяжённом городском маршруте № 45 «Железнодорожный вокзал – Угольная», уже оснащены аппаратурой ГЛОНАСС – GPS. В настоящее время на территории возвращённого в муниципальную собственность предприятия «ВПОПАТ – 1» ведутся работы по оборудованию единого диспетчерского пункта, который позволит полностью контролировать прохождение не только этих, но и всех коммерческих автобусов по маршрутам, их пробег (соответственно, и расход топлива), объёмы пассажиропотоков. Установленная система спутниковой навигации позволяет диспетчерской службе полностью контролировать про-

хождение транспорта по маршрутам **[7]**.

Одним из проявлений ИТС является электронная система оплаты проезда. Данная система планируется к внедрению в г. Владивостоке под названием «Удобный маршрут». Внедрение электронной системы оплаты проезда является важной составной частью масштабной реформы общественного транспорта Владивостока. Она позволит вести точный учёт пассажиропотоков, что в свою очередь даёт возможность более чёткого функционирования ныне действующих, а также разработки и утверждения новых маршрутов, сделает финансовую составляющую деятельности транспортной компании прозрачной. Кроме того, во Владивостокском городском округе действуют МЦП «Разработка маршрутной сети ГПТ г. Владивостока» **[1]**.

Наряду с краевым центром изменения происходят и в других крупных городах Приморья. Так, летом 2010г. в Находку из Республики Корея были доставлены три пассажирских автобуса марки «Daewoo», оснащённые системой ГЛОНАСС. Стоит напомнить, что в Приморье такую систему первой запустила Находка ещё в 2008 году **[5]**.

В Уссурийском городском округе организация единой диспетчерской службы на основе GPS, совершенствование пассажиропотока на автобусных маршрутах в Уссурийском городском округе планируется реализовать уже в феврале 2011 г. Следуя за краевым центром, УГО поддерживает Муниципальную целевую программу «Повышение безопасности дорожного движения в УГО в 2007 – 2012 гг.» Общее финансирование предусматривает 53 721,1 тыс. руб. средств местного бюджета.

Артёмовское муниципальное предприятие «Пассажирские перевозки» пополнили автопарк отечественными "Нифазами". Особенность новых автобусов – в их возможности перевозить людей с ограниченными физическими возможностями, пользующихся инвалидными колясками. Просторный салон, удобные кресла, низкие подножки – всё для комфорта пассажиров. Надо сказать, что сегодня Артём входит в тройку лидеров Приморского края по организации транспортного обслуживания населения **[4]**.

Развитие интеллектуального общественного транспорта в Приморье предусматривает оснащение автотранспортных средств не только аппаратурой спутниковой навигации, но и внедрение наземных систем функциональных дополнений. При этом данные работы будут выполняться за счёт внебюджетных источников финансирования.

Таким образом, в региональном масштабе развитие программы интеллектуального транспорта становится одной из эффективных мер для решения социальных проблем, развития системы городского общественного транспорта и движущей силой для формирования передового информационно – телекоммуникационного общества.

◆

Литература

1. В общественном транспорте Владивостока введут электронную системы оплаты проезда [Электронный ресурс] // Пресс – служба администрации Владивостока. URL: http://www.vl.ru.

2. GPS/ ГЛОНАСС мониторинг общественного транспорта во Владивостоке [Электронный ресурс] / Служба информации Piligrim – Москва.

URL: http://www.GPSearch.org

3. Досенко, В. ИТС – необходимый элемент инновационного развития [Электронный ресурс] / В. Досенко // Газета «Новый Севастополь». 2010. 28 октября. URL: http://new – Sebastopol.com

4. Новые автобусы вышли на дороги Артёма [Электронный ресурс] / Пресс служба администрации г. Артёма. URL: http://www. DV – ZVEZDA. RU.

5. Общественный транспорт Находки не останавливается в развитии [Электронный ресурс] // Пресс – служба администрации Находкинского городского округа. URL: http://www. nakhodka – c.ty.ru

6. Органы власти регионов и городов Дальнего Востока должны оказать содействие для скорейшего внедрения на своей территории отечественных навигационных систем [Электронный ресурс] // Пресс – служба Полномочного представителя Президента РФ в ДФО. URL: http:// www. dfo.gov.ru

7. Система ГЛОНАСС – GPS появится на общественном транспорте Владивостока до конца года [Электронный ресурс] // Пресс – служба администрации Владивостока. URL: http://www.vl.ru.

УДК 332.1

Щур О.О.

Туристско-рекреационная и игорная зоны как приоритетные направления социально-экономического развития Приморского края (критический анализ)

Tourist-recreational and gambling zones as priority directions of social and economic development of Primorski Territory (The critical analysis)

В соответствии с Федеральным законом № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и Федеральным законом № 240-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Правительством РФ, а также региональными властями были приняты меры по созданию на территории Приморского края особых экономических зон туристско-рекреационного, игорного и портового типов. На сегодняшний момент эти усилия не возымели должного эффекта. Автор статьи выявляет основные причины этого фиаско и определяет приоритетные направления развития Приморского края в данной сфере.

Ключевые слова: *Приморский край, туристско-рекреационная зона, игорная зона, особые экономические зоны, депрессивный регион, точки роста*

◆

According to the Federal law № 116-ФЗ «About special economic zones in the Russian Federation» and the Federal law № 240-ФЗ «About modification of the Federal law «About special economic zones in the Russian Federation» and separate acts of the Russian Federation» the Government of the Russian Federation, and also the regional authorities have been taken measures on creation special economical zones of tourist-recreational, gambling and port types in Primorski Territory. For today these measures haven't conceived due effect. In article attempt on the basis of the critical analysis is undertaken to reveal principal causes of the given fiasco and to define the priority directions on development of Primorski Territory.

Key words: *Primorski Territory, a tourist-recreational zone, a gambling zone, special economic zones, depressive region, growth points*

На протяжении многих лет исследователи в области регионального развития пытаются определить наиболее приоритетные и оптимальные

ЩУР Оксана Олеговна, соискатель, ассистент кафедры социологии, экономики и философии Уссурийского государственного педагогического института (*г. Уссурийск*). **E-mail:** ogorom@yandex.ru

по своим условиям и характеристикам направления развития депрессивных регионов, одним из которых является и Приморский край.

С момента образования данного субъекта Российской Федерации было предложено значительное количество проектов по повышению качества жизни населения, показателей экономического и социального развития. При этом реализация данных проектов иногда не только не приносила положительных результатов, но и способствовала ухудшению общего состояния экономики и социальной развитости региона.

Переход на рыночные отношения лишний раз подтверждает тот факт, что уровень развития экономики страны зависит не только от величины общих показателей (ВВП, НВП и т.п.), характеризующих социально-экономическое состояние в целом, но и от степени развития и доли вовлечённости в экономические отношения всех её территориальных единиц (регионов, краёв, муниципальных образований). Это обусловливает всевозрастающий интерес к практике формирования и дальнейшего развития соответствующих особых экономических зон.

Данные зоны в мировой практике выступают так называемыми «точками роста», способствующими не только более эффективному социально-экономическому развитию соответствующих депрессивных регионов, но и их вовлечению в общие интеграционные процессы.

Так на сегодняшний день в рамках Стратегий развития Дальнего Востока и Приморского края до 2025 г. было предложено создать туристско-рекреационную и игорную зоны на территории Приморского края.

Выбор этих типов зон был обоснован наличием определённых характеристик, способных оказать положительное влияние на реализацию соответствующих проектов на территории данного региона. К таковым характеристикам относятся:

- выгодное территориально-географическое месторасположение;
- благоприятные климатические условия;
- богатый природно-ресурсный потенциал;
- наличие объектов, представляющих культурно-историческую ценность;
- наличие более благоприятной экологической обстановки по отношению к приграничным территориям.

Названные характеристики в рамках реализации проектов по созданию туристско-рекреационной и игорной зон можно не только классифицировать на общие и частные, но и немного расширить (*См. рис. 1*).

Из данной классификации следует, что создание особой экономической зоны для развития депрессивного региона, вне зависимости от её типологии, должно отталкиваться от почти одних и тех же характеристик, которыми должна обладать соответствующая территориальная единица.

На взгляд автора, это объясняется тем, что как создание туристско-рекреационной зоны, так и создание игорной зоны связано с развитием в Приморском крае сферы обслуживания. В свою очередь, развитие сферы обслуживания способно выступить определённым локомотивом для развития других сфер деятельности в регионе.

Так, создание данных зон позволит увеличить объёмы строительных работ, инвестиционных потоков, количество привлекаемых людей в трудовую деятельность, увеличить объёмы производственных мощностей действующих на территории региона хозяйствующих субъектов из-за возрастающей величины спроса на различные виды товаров. Последний фактор способен оказать существенное влияние на необходимость повышения качества предоставляемых товаров, услуг и разработки их новых видов. Это, в свою очередь, потребует разработки новых и модер-

Рис. 1. Классификация характеристик, способствующих созданию туристско-рекреационной и игорной зон

низации старых видов технологий, что невозможно осуществить без повышения уровня инновационной и инвестиционной активности в Приморском крае.

Сами проекты по созданию туристско-рекреационной и игорной зоны имеют следующие характеристики.

Игорная зона предположительно будет размещена в районе мыса Черепаха бухты Муравьиной в 70 км от Владивостока и 23 км от международного аэропорта **[1, с. 1]**.

Площадь зоны составит 620 га. Проектом предусматривается строительство на этой территории трёх гостиниц на 600 номеров в каждой, четырёх казино на 1000 игровых автоматов, 45 игорных столов, 20 покер-столов, 10 VIP столов в каждом. Кроме того, на территории игорной зоны будут построены конференц-центр на 1800 мест, торгово-развлекательные центры, бары и рестораны на 510 мест, автопарковка на 2150 мест. Стоимость реализации первого этапа, предусматривающего строительство первой гостиницы и казино, оценивается в 2,8 млрд. руб.

В ближайшее время планируется заключить договор на аренду земельного участка площадью 263 гектара сроком на 15 лет **[2, с. 1]**.

В общей сложности здесь планируется построить несколько гостиниц 3-5 звёзд на 2500 номеров общей площадью 430 тысяч квадратных метров, и в каждой – своё казино соответственно классу, а также 12 гостевых вилл. Кроме того, здесь планируется построить яхт-клуб, горнолыжный центр и гольф-клуб, объекты для пляжного отдыха, многофунк-

циональный торгово-выставочный комплекс общей площадью около 100 тысяч квадратных метров. Общая стоимость проекта оценивается в 30,6 млрд. рублей. Инициаторы проекта обещают создать здесь 3,5 тысячи рабочих мест.

Первый этап игорной зоны планируется реализовать уже в 2012 году. К этому времени здесь появятся первые участники «профильного» бизнеса, а затем уже гольф, лыжи и т.д. И эти этапы большого пути намечены на 2017-2025 годы **[2, с. 2]**.

Что касается характеристик проекта по созданию туристско-рекреационной зоны, то по оценкам органов управления рекреационно-туристической деятельностью в Приморском крае, создаваемая рекреационно-хозяйственная инфраструктура такой зоны должна будет обеспечивать ежегодный длительный отдых, санаторное лечение и всевозможные виды туризма – от так называемого пляжного до маршрутного. Учитывая, что общая площадь, необходимая для организации длительного и кратковременного отдыха – 58,7 тыс. га, необходимо будет благоустроить 230–250 га морских и примерно столько же речных и приозёрных пляжей. Общая потребность в санаторно-курортных учреждениях составляет 7,2 тыс. мест, из них не менее 1,9 тыс. мест – детские **[4, с. 89]**.

Общие объёмы инвестиций всех проектов на территории Российской Федерации по созданию и развитию туристско-рекреационных зон составили 56,9 млрд. рублей в период с 2007 по 2010 гг. При этом в рамках реализации проекта по созданию всей необходимой инфраструктуры для проведения саммита АТЭС 2012 в городе Владивостоке федеральным бюджетом планируется выделить 147 млрд. рублей. Данный объём инвестиций планируется использовать не только на создание социальной инфраструктуры, гостиничных комплексов, но также на модернизацию транспортных развязок, реконструкцию аэропорта, строительство объектов на острове Русский. Также разработчики проекта планирует создать дополнительно более 6000 рабочих мест **[5, с. 1]**.

Поскольку ресурсы для организации курортно-санаторного отдыха в крае очень велики – это перспективная ветвь развития экономики края.

В то же время, при всех положительных характеристиках Приморского края, способных оказать положительное влияние на создание и развитие туристско-рекреационной и игорной зон на его территории, не всё выглядит столь благоприятно.

Выделим основные аспекты, являющиеся сдерживающими факторами в реализации столь грандиозных проектов (*См. табл. 1*).

Из выделенных автором факторов следует, что на сегодняшний день с учётом сложившихся условий в регионе и стране в целом, реализация вышеупомянутых проектов кажется необоснованной, а в некотором случае и просто невозможной.

В первую очередь, это касается создания игорной зоны в бухте Муравьиной. В тоже время, автор не уменьшает роли данного проекта в улучшении социально-экономического развития Приморского края, но при наличии иных условий и решении значительного перечня сопутствующих проблем.

Таким образом, по мнению автора, наиболее приоритетным и оптимальным в рамках сложившейся ситуации является проект по созданию туристско-рекреационной зоны.

В тоже время, здесь следует отметить тот факт, что создание и дальнейшее эффективное развитие данного типа ОЭЗ возможно при выполнении следующих условий.

1. Акцент при развитии туристической инфраструктуры и разра-

Таблица 1. Факторы, оказывающие негативное влияние на реализацию проектов по созданию игорной и туристско-рекреационной зон на территории Приморского края

Факторы	Туристско-рекреационная зона	Игорная зона
Административные	Низкий уровень защищённости бизнеса, бюрократические препятствия, отсутствие чётко проработанной законодательной базы	Высокий уровень коррупции, отсутствие стабильной и хорошо проработанной законодательной базы, административные препятствия
Материальные	Отсутствие развитой гостиничной инфраструктуры, развитого внутреннего туристического бизнеса и соответствующих туристических продуктов	Отсутствие в целом материальной основы для зарождения данной зоны в определённом законодательством месте, отсутствие представителей развлекательного бизнеса
Транспортные	Отсутствие полноценных дорог и развитой притранспортной инфраструктуры, низкий уровень комфортабельности самого транспорта	
Услуги	Низкий уровень качества предоставляемых услуг с учётом необоснованно завышенной цены на них, отсутствие уникальных продуктов и сопутствующих им дополнительных услуг (из сферы развлечений, шоп-туры, сувенирная продукция и т.д.)	
Информационные	Отсутствие не только грамотно проработанных рекламных кампаний, но и какой-либо полноценной информации о существующих туроператорах, компаниях, акциях и т.д.	Полное отсутствие какой-либо информации о данном проекте для широких масс населения, и невозможность получения достоверной информации о реализации данного проекта
Финансовые	Маленькие объёмы финансирования, как со стороны бюджетов различных уровней, так и со стороны частных инвесторов	
Трудовые	Отсутствие высококвалифицированных и узкоспециализированных кадров	

ботки соответствующих туристических продуктов следует делать, в первую очередь, на внутренний рынок. Это позволит удержать часть населения Приморского края от выезда в приграничные территории, это позволит увеличить объёмы выручки местных предпринимателей, и как следствие, поступлений в бюджет регионального и муниципального уровней.

2. Для реализации первого пункта необходимо пересмотреть политику ценообразования на предлагаемый перечень туристических продуктов в сторону снижения. Это позволит расширить целевую аудиторию и увеличить прибыль за счёт роста объёма оборотов.

3. При реализации второго пункта необходимо не забывать о такой немаловажной составляющей как уровень качества предоставляемых продуктов и сервисного обслуживания. Так как, заплатив даже небольшую сумму при какой-либо покупке, каждый потребитель желает получить и полноценное обслуживание. Здесь следует уделить внимание воспитанию культуры поведения трудовых ресурсов.

4. В рамках реализации данного проекта также следует уделить внимание сохранению уникальности природных ресурсов Приморского края, а также улучшению экологической обстановки в регионе.

5. Реализация четвёртого пункта невозможна без развития научно-исследовательского потенциала региона, как следствие, строительство объектов на острове Русском в рамках реализации законопроекта по соз-

данию и развитию ДВФУ на его территории, как нельзя лучше отвечает современной действительности.

6. Для увеличения объёмов инвестиционных потоков, в первую очередь, со стороны частного капитала необходимо более чётко проработать законодательную базу, снизить инвестиционные риски за счёт развития страховой деятельности и обеспечения стабильности нормативно-правовой базы и политической деятельности. Также следует проработать более широкий перечень предоставляемых преференций и налоговых льгот.

7. Для увеличения потоков туристов также следует уделить значительное внимание развитию транспортной инфраструктуры и придорожного бизнеса.

Таким образом, создание туристско-рекреационной зоны на территории Приморского края, как и любой другой, не будет эффективным, если не подойти к решению существующих проблем комплексно.

Исходя из вышесказанного, автор считает, что развитие Приморского края как депрессивного региона невозможно без привлечения иностранного капитала, развития инновационной и научно-исследовательской деятельности, а также стабильной и полноценно проработанной законодательной базы.

В целом, следует отметить тот факт, что при всех существующих проблемах, развитие туризма за счёт создания туристско-рекреационной зоны в Приморском крае окажет положительное влияние на динамику социально-экономических показателей региона, а также будет способствовать его дальнейшему вовлечению в мировые интеграционные процессы.

◆

Литература

1. Дробышева И. Игорная зона «Приморье» откроется к саммиту АТЭС / И. Дробышева // Российская Бизнес-газета. 2010. № 760. с. 1-3.

2. Игорные зоны в России. Справка. Электронный ресурс. URL: http://www.rian.ru/society/20090630/175902914.html

3. Мартышенко Н.С. Формирование туристского кластера и управление его развитием на территории Приморского края / Н.С. Мартышенко // Регион: системы, экономика, управление. 2008. № 2. С. 122-132.

4. Тодоров А.И. Перспективы развития рекреационно-туристического потенциала Приморского края. Электронный ресурс. / А.И. Тодоров. URL: http://www.elibrary.ru

5. Шаповалов А. Особые экономические зоны растут в цене: Источник РосОЭЗ / А. Шаповалов // Коммерсант. 2007. № 4. С. 5-6.

От редактора рубрики

Журнал продолжает (см. № 4 за 2010 г.) знакомить читателей с исследованиями по теме истории русского зарубежья, которая уже в течение двадцати лет остаётся одной из центральных в отечественной историографии.

Эмиграция – это явление, присущее всем странам и народам. Но особую роль она сыграла в истории России. Ни одна страна мира не испытала на себе столь массовой эмиграции наиболее трудоспособной, культурной части своего населения. Российское зарубежье начало складываться в XIX в. и продолжает пополняться до настоящего времени, насчитывая около 29,5 миллионов человек. Российская эмиграция не только во многом изменила облик российского общества, но и стала существенным фактором влияния на политическую, культурную и социально-экономическую жизнь стран-реципиентов.

Особое место зарубежная Россия занимает в системе международных отношений. С одной стороны, она сама во многом является результатом международных событий, а с другой, в свою очередь, оказывает влияние на их развитие.

В советское время по идеологическим причинам государство игнорировало факт самого существования российского зарубежья и не поощряло контактов с эмигрантами. В 1990–2000-е годы политика по отношению к ним в корне изменилось. Правительство РФ признало эмигрантов нашими зарубежными соотечественниками и стремится к развитию сотрудничества с ними. Начался уникальный в истории мировой цивилизации процесс возвращения в Россию её зарубежного мира. Происходит сближение России с дальним зарубежьем, устанавливаются контакты с его культурными организациями, издательствами, учёными, бизнесменами. Регулярно в нашей стране стали проводить съезды соотечественников. В октябре 2006 г. на конгрессе соотечественников в Санкт-Петербурге президент В.В. Путин заявил, что взаимодействие с российской диаспорой является одним из национальных приоритетов страны.

Таким образом, российское зарубежье стало существенной составной частью внутренней и внешней политики РФ, включено в орбиту внешнеэкономических и политических интересов государства. Стоят задачи выработки адекватной политики по отношению к зарубежным соотечественникам, активизации диалога с ними, расширения масштабов и форм сотрудничества, для чего необходимо иметь представление об истории российского зарубежья, о вкладе наших соотечественников в демографию, экономику, политику и культуру стран-реципиентов, об их роли в развитии взаимосвязей этих стран с Россией.

Как и в предыдущем номере, на страницах журнала представлены статьи по проблемам истории русской эмиграции стран АТР: США, Канады, Китая и Австралии. Но на сей раз, они принадлежат перу авторов,

---

КАНЕВСКАЯ Галина Ивановна, д.и.н., профессор кафедры регионоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** gkanevskaya@mail.primorye.ru

главным образом, из западной части России, из ближнего и дальнего зарубежья, знакомство с которыми, безусловно, представляет интерес для дальневосточных читателей.

В работе А.Я. Массова (Санкт-Петербург), ведущего отечественного исследователя истории российско-австралийских отношений, автора ряда монографий и составителя сборников документов, рассматривается деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857 – 1917 гг.). Статья имеет солидную источниковую базу и основана, прежде всего, на малодоступных документах из отечественных (РГИА, АВПРИ, РГА ВМФ, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки) и австралийских (NAA) архивов. Хронологические рамки статьи охватывают весь период существования консульской службы Российской империи на пятом континенте, которая из внештатных вице-консульств в Мельбурне и Сиднее выросла к 1917 г. до Генерального консульства Российской империи в Австралии и Новой Зеландии (Мельбурн) . Обширный фактический материал, впервые вводимый автором в научный оборот, свидетельствует, что работа консулов с подданными Российской империи и иммигрантами носила многообразный характер, включая защиту их интересов, оформление документов, материальную помощь, содействие православным Австралии в деле организации их религиозной жизни, стремление защитить русскую диаспору от влияния революционных идей. В заключении А.Я. Массов отмечает, что в последние два десятилетия российские дипломаты на пятом континенте возродили традиции своих дореволюционных предшественников по работе с соотечественниками, что соответствует современным тенденциям политики РФ по отношению к русскому зарубежью.

К числу малоизученных проблем отечественной историографии относится культурная жизнь русской эмиграции в США. Именно этой проблеме посвящена статья А. В. Антошина (Екатеринбург) «Культура российской диаспоры в США (1960-х–1980-х гг.)». Автор её, специализируясь на изучении истории российской эмиграции послевоенного периода, работал в ряде зарубежных архивов и недавно защитил докторскую диссертацию на тему «Идейно-политические позиции российских эмигрантов в эпоху «холодной войны» (середина 1940-х – конец 1960-х гг.)». Главным источником для написания статьи послужила периодические издания русских эмигрантов, выходившие в 1966–1983 гг. в США. Использованы и архивные материалы из ГАРФ и ОР РГБ. Статья А.В. Антошина посвящена своеобразному, переломному этапу в истории культуры русского зарубежья, когда на арене культурной жизни русской Америки присутствовали представители трёх волн эмиграции: белые эмигранты, «ди пи» и эмигранты из СССР 1970-х годов, положившие начало новому этапу в истории культуры русского зарубежья. Автор приводит их имена, характеризует основные направления в развитии русской культуры в США и институты, способствующие её сохранению. По мнению А.В. Антошина, источники свидетельствуют о противоречивости социокультурных процессов, происходящих внутри русской диаспоры: при всём её стремление к сохранению русскости в реальности происходил процесс ассимиляции русской молодёжи.

Заметный вклад в изучение истории российской эмиграции в Канаде внесла исследователь из Беларуси Л.Н. Семёнова (Минск). В статье, представленной в журнале, она обратила внимание на полиэтничность русской диаспоры, «к которой в разных странах по разным причинам в разные периоды относили себя беларусы, украинцы и представители других этносов». «Для беларусов вообще характерна неопределённость, и даже раздвоенность национального самосознания, вполне объяснимая в условиях Российской империи и Советского Союза, и сохраняющаяся

поныне», – считает автор. Как сообщает Л.Н. Семёнова, термины «беларус», «белорусский язык» по инициативе белорусской диаспоры впервые появились в канадских переписях только в 1971 г. На основе опубликованных воспоминаний иммигрантов и документов из НАРБ автор даёт характеристику русской трудовой иммиграции в Канаде первой половины XX в. и её общественных организаций с определением «русский» (Русские рабоче-фермерские клубы, Федерация русских канадцев), выявляя их белорусские корни.

В дальневосточной историографии история российской эмиграции в Маньчжурии давно является предметом активной разработки. Но, похоже, эмиграционная тематика неисчерпаема, о чём свидетельствует статья А.А. Бакулиной (Владивосток). Автор сумела найти свой аспект исследования, сконцентрировав внимание на эволюции политико-правового статуса российских эмигрантов в Маньчжурии в период 1918–1945 гг. Первоисточниками для написания статьи послужили свидетельства эмигрантов и опубликованные документы внешней политики Советского Союза рассматриваемого в статье периода. Кроме того, А.А. Бакулина использовала работы отечественных авторов по истории российской эмиграции в Китае. В дополнении к разделению российских эмигрантов на категории по экономическому и политическому факторам, в статье дана чёткая дифференциация их правового статуса. Прослеживая этапы эволюции политико-правового положения россиян в Маньчжурии, автор приходит к выводу, что нестабильность их статуса определялась изменением международно-правовой ситуации на КВЖД, ходом развития, как советско-китайских, так и международных отношений в целом.

В последние годы из небытия воскресли имена многих наших соотечественников, проявивших себя в различных областях деятельности в странах Европы, Америки или Азии, но о русских австралийцах, даже самых выдающихся, на родине знают мало. В 2011 г. исполняется столетие со дня рождения самой известной русской австралийки, основательницы русистики на пятом континенте Н.М. Кристесен, урождённой Максимовой (1911, Благовещенск – 2001, Мельбурн). Ею были созданы первое в стране отделение русского языка и литературы при Мельбурнском университете (1946 г.) и Ассоциация австралийских и новозеландских славистов (1970 г.). Под её редакцией издавались журнал ««Melbourne Slavonic Studies» (с 1967 г.) и монографическая серия «Русские в Австралии» (с 1968 г.), двадцать книг из которой Нина Михайловна прислала во Владивосток (они хранятся в библиотеке ДВФУ). О деятельности Н.М. Кристесен рассказывает её биограф О.А. Донских, друживший и сотрудничавший с ней в последние годы её жизни и записавший её воспоминания.

Ещё одна работа, также представленная в рубрике «Научные сообщения» и основанная на свидетельстве очевидца, принадлежит перу нашей соотечественницы из США Л.А. Фостер, проживающей в США с 1950 г. Получив докторскую степень в Гарварде, она преподавала в ряде университетов, а затем работала в Информационном Агентстве США (на радио «Голос Америки» и в Отделе по обменам). Л.А. Фостер является составителем двухтомной «Библиографии русской зарубежной литературы, 1918 – 1968 гг.» (Бостон, 1970), а также автором многих статей на разнообразные темы, печатавшихся в Америке и в России. В предлагаемом вниманию читателей сообщении Л.А. Фостер пишет о роли приходских школ в сохранении родного языка у детей, живущих в инокультурном окружении, выявляет факторы, которые способствовали оживлению интереса к изучению русского языка и культуры в США.

◆

УДК 93/99.Р4/Р5:93/

Массов А.Я.

Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857 - 1917 гг.)

The Activity of Russian Consuls in Australia Aimed at Protection of the Interests of Russian Citizens and Immigrants (1857-1917)

С самого начала своей деятельности русские консулы в Австралии проявляли заботу об интересах русских подданных и эмигрантов, оказавшихся на пятом континенте. Они снабжали выходцев из России необходимыми документами, участвовали в защите русских от судебных преследований, в отдельных случаях оказывали посильную материальную помощь. Русские консулы покровительствовали православным верующим и содействовали строительству первого православного храма в Мельбурне. После революции 1905-07 гг. в России в Австралии появились политэмигранты. Перед консульской службой встала задача по возможности оградить русскую диаспору в Австралии от пропагандистской активности русских радикалов.

Ключевые слова: *Австралия, консулы, русская диаспора, эмиграция, иммигранты*

◆

Russian consuls in Australia have always protected Russian citizens and emigrants who came to be on the fifth continent. They supplied Russian expatriates with necessary documents, took part in protection of prosecuted Russians, and in some cases supported them with feasible pecuniary aid. Russian consuls patronized orthodox believers and facilitated building of the first Orthodox Church in Melbourne. A group of political emigrants appeared in Australia after the Russian revolution of 1905-07. Consular service faced with a problem of protecting Russian diaspora in Australia from propaganda of Russian radicals.

Key words: *consuls, Russian diaspora, emigration, immigrants*

Первые выходцы из России появились в Австралии ещё в начале XIX в. Это были каторжники, попавшие на пятый континент за провинности, совершённые во время их пребывания в Англии. Так, например, в 1823 г. командир русского шлюпа Ладога Ан.П. Лазарев писал о встреченных им в Хобарте (Тасмания) четырёх бывших каторжниках, говоривших по-русски. Один из них, Иван Потоцкий, был выслан на

МАССОВ Александр Яковлевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (*г. Санкт-Петербург*). **E-mail:** amassov@gmail.com

Тасманию за воровство ещё в 1803 г. **[7, с. 65-66; 1]**. Известны и имена других каторжников, оказавшихся в Австралии в первой половине XIX в. **[2]**. Со времени открытия в Австралии золота (1851 г.) и начала «золотой лихорадки», одним из последствий которой стал стремительный рост населения пятого континента, число русских, или, точнее сказать, выходцев из России в австралийских переселенческих колониях стало быстро расти. В 1863 г. мичман русского корвета «Богатырь» П.С. Муханов отмечал, что «в Мельбурне трудно пройти по улице, не встретив кого-нибудь, говорящего по-русски», и указывал, что в городе «довольно много» поляков, немцев и евреев из западных российских губерний (Муханов, П.С. Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком её. – **РНБ ОР. Ф. 608 (Помяловский И.В.). Оп. 1, Д. 3031. Л. 63**). Выходцы из России пополняли, в основном, ряды золотоискателей. Вспомним в этой связи вошедшую в австралийский фольклор легенду (несомненно, имеющую под собой реальные основания) о некоем Русском Джеке – старателе на приисках Западной Австралии, работавшем там в 80-е гг. XIX в. **[12]**. Среди выходцев из России было немало дезертиров, бежавших с русских кораблей – как торговых, так и военных, заходивших в порты пятого континента. Причины бегства были различны. Чаще всего моряки-дезертиры стремились попасть на золотые прииски, соблазнённые надеждой на быстрое обогащение и ослеплённые блеском жизни в австралийских портовых городах. На это обстоятельство, например, в 1871 г. обращал внимание командир клипера «Гайдамак» капитан-лейтенант М.Е. Колтовский, сообщая об исчезновении с клипера унтер-офицера Ларионова и матросов Белицкого и Брагина **(РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3063. Л. 514 об.-515; Ф. 870. Оп. 1. Д. 9752. Л. 51)**. Многие среди оказавшихся в Австралии россиян принадлежали к людям авантюрного склада или к тем, кого обычно называют «перекати поле»[1].

Следует подчеркнуть, что почти до самого конца XIX в. появление русских в Австралии не было следствием сколько-нибудь целенаправленной эмиграции в эту страну, а являлось, скорее, конечным итогом жизненных передряг и приключений. Однако это, происходившее пока достаточно спонтанно, но уже заметное увеличение количества российских подданных в австралийских колониях, можно расценивать как начало формирования российской диаспоры в Австралии. В целом на пятом континенте по переписи 1891 г. насчитывался 2881 эмигрант из России **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 34)**.

В 1857 г. в австралийских переселенческих колониях учреждается русская консульская служба. На пост российских нештатных консулов были назначены местные коммерсанты Дж. Деймион (в Мельбурне) и Э.М. Поль (в Сиднее). В 1875 г. их ранг был поднят до уровня консулов. Учреждение консульской службы России на антиподах было связано, главным образом, со стремлением русского правительства иметь оперативную и точную информацию о стремительном и удивительно успешном социально-экономическом развитии переселенческих колоний Великобритании, о нарастании процесса их политической интеграции, который в конечном итоге привёл к образованию в 1901 г. Австралийского Союза – формально нового британского доминиона, а фактически нового независимого государства. Вместе с тем одной из важнейших задач российских консулов стала защита интересов русских подданных, оказавшихся в Австралии.

Работа консулов с подданными Российской империи с самого начала становления русской консульской службы в Австралии приобрела

---

[1] Подробнее о выходцах из России, оказавшихся в Австралии во второй половине XIX в., см. **[15; 16]**.

достаточно многообразный характер. Консулы продлевали паспорта и выдавали новые документы взамен утраченных. В 1863 г, например, с просьбой восстановить российский паспорт к Дж. Деймиону обратился российский подданный армянин по национальности Аредян (в архивном документе на английском языке его фамилия передаётся как Aredoon). В том же году о продлении российского паспорта консула просил некто В. Кноп **(АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 27, 28)**. Консулы выступали посредниками в установлении контактов россиян, оказавшихся в Австралии, с теми или иными русскими государственными учреждениями (см., например, переписку о предоставлении права на въезд в Россию проживавшему в Австралии российскому подданному поляку Ю. Вагнеру в 1859 г.) **(АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1146. Л. 4)**. Участвовали консульские представители России и в розыске людей. Так по просьбе, поступившей от Императорского российского консульства в Лондоне, Дж. Деймион участвовал в поиске некоего Пелиховского, видимо, одного из золотоискателей, который в итоге нашёлся в Новой Зеландии. «Эти люди, – жаловался в этой связи Дж. Деймион, – не имеют постоянного места жительства, и их подчас очень нелегко найти» **(АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 12)**. Не редки были случаи, когда консулы должны были выправлять бумаги, связанные со смертью россиян (дело о смерти в 1859 г. моряка-финна и русского подданного Ф. Энберга, члена команды одного из торговых судов, находившихся в Австралии) **(АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1146. Л. 19 и сл.)**. Дж. Деймион, знавший русский язык и умевший писать по-русски, помогал в подготовке писем в Россию. В 1863 г., например, он написал и отправил по консульским каналам письмо в Архангельскую губернию для отца некоего И. Шорина. Этот Шорин оказался в Австралии после 12 лет скитаний по разным странам и, как с удивлением отмечает русский консул, уже изрядно подзабыл свой родной язык **(АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 45)**.

Особой заботой консулов было участие в поимке дезертиров и определении их дальнейшей судьбы. В 1863 г. русскому консульскому представительству пришлось вызволять из сиднейской тюрьмы и помочь в отправке в Россию О.Антонова, осуждённого на три месяца за квартирную кражу. Этот бывший военный моряк дезертировал с корвета «Гридень» ещё в 1857 г. во время посещения русским кораблём Южной Африки. В Австралию О. Антонов попал в 1860 г., успев побывать до этого в Англии и Америке. Дезертиром с торгового судна являлся и В. Артёмов, уроженец Саратовской губернии, который обратился за помощью в российское консульство в Мельбурне в 1867 г. **(АВПРИ. Ф. 256. Оп. 555а. Д. 1264. Л. 22-24, 44-44 об.; Ф. 256. Оп. 555 а. Д. 1322. Л. 189 об.)**. Не без помощи консулов были возвращены на корабль беглецы с клипера «Гайдамак» уже упоминавшиеся унтер-офицер Ларионов и матросы Белицкий и Брагин **(РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3063. 514 об.-515; Ф. 870. Оп. 1. Д. 9752. Л. 51)**.

Живейшее участие в своих делах находили со стороны российских нештатных консулов в Мельбурне и Сиднее приезжавшие в Австралию русские путешественники, специалисты, учёные. Так, в 1881 г. Дж. Деймион помог русскому писателю-путешественнику Э.Р.Циммерману посетить парламент Виктории и тюрьму в Мельбурне **[11, с. 482-485]**. Демократические институты власти, успешно работавшие в Австралийских переселенческих колониях, всегда вызывали пристальный интерес россиян. Это же относится и к пенитенциарным учреждениям: по понятным причинам тема содержания заключённых и каторжников всегда очень интересовала русских. С благодарностью отзывался о помощи Дж. Деймиона русский горный инженер М.А. Шостак, побывавший в Австралии в служебной командировке в 1884 г. **(РГИА. Ф. 468. Оп. 21. Д. 1114.**

Л. 49 об.). Консул в Сиднее Э. Поль поддерживал дружеские отношения с Н.Н. Миклухо-Маклаем и даже предоставил ему для временного проживания свой дом, когда в 1878 г. русский учёный и путешественник приехал в Сидней. В 1880 г. Э.М. Поль передал Н.Н. Миклухо-Маклаю собранные для него в России по подписке деньги (4500 рублей), предназначенные для продолжения исследований русского учёного **[3]**.

В 90-х гг. XIX в. начинается целенаправленная систематическая эмиграция русских на пятый континент, ставшая важным этапом в формировании уже не столько российской, сколько собственно русской диаспоры в Австралии. Ведущий отечественный специалист по истории русской диаспоры в Австралии Г.И. Каневская считает возможным обозначить период с конца XIX в. до конца первой мировой войны как первую волну русской эмиграции в Австралию **[5, с. 359-360]**. К 1914 г. по данным российского консульства в Мельбурне в Австралийском Союзе насчитывалось примерно 11 тыс. выходцев из России **[6, с. 45]**. Многие эмигранты первой волны были крестьянами, и главной причиной, по которой они стремились попасть в Австралию, стали сведения о наличии свободных земель на пятом континенте. Центром русской эмиграции стал штат Квинсленд и его столица город Брисбен. Во-первых, потому, что это был первый австралийский порт на пути тех русских, кто направлялся в Австралию через российский Дальний Восток. И, во-вторых, именно в Квинсленде в конце XIX в. было наибольшее количество свободных и пригодных для обработки земель, а правительство этой колонии проводило политику передачи земель вновь прибывающим поселенцам на льготных условиях. После первой русской революции состав русской диаспоры в Австралии пополнили эмигранты-революционеры, которых насчитывалось не более 500 человек, но которых отличали радикализм взглядов и необычайная политическая активность. Нагрузка на российских консулов в части их работы с русскими подданными заметно увеличилась. Однако работу с ними вели теперь уже профессиональные русские дипломаты.

В 1894 г. нештатное консульство в Мельбурне было преобразовано в штатное, в консульский округ которого в 1896 г вошли помимо Виктории Квинсленд, Южная Австралия, Тасмания, Западная Австралия и Новая Зеландия, а после 1901 г. – вся территория Австралийского Союза. В 1902 г. статус российского консульского представительства был вновь повышен – оно было преобразовано в российское генеральное консульство в Австралийской федерации и Новой Зеландии. Расширение российского консульского представительства в Австралии во многом также было вызвано увеличением количества дел и усложнением работы консулов, связанной с защитой русских подданных и резидентов. Хотя австралийские власти в целом не препятствовали такого рода деятельности русских консулов, однако в некоторых случаях, особенно когда речь шла об имущественных вопросах (главным образом, установления или подтверждения прав наследования на собственность умерших россиян) возникали сложности. Проблемы обычно появлялись тогда, когда спорные дела имели место не в Виктории, а в других колониях, не входивших в консульский округ русского представительства в Мельбурне. В этой связи российский консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг в феврале 1896 г. обратился в министерство иностранных дел в Петербург с предложением расширить экзекватуру императорского российского консула в Мельбурне на все австралийские колонии и Новую Зеландию. Консул мотивировал своё предложение тем, что «в виду независимости друг от друга колониальных правительств» его «официальное положение в одной колонии может быть не признаваемо в другой». Кроме того, «в виду немалого числа русских уроженцев, живущих в Австралии»,

Р.Р. Унгерн-Штернберг указывал на необходимость соответствующих полномочий, чтобы «сохранять во многих случаях права» как самих этих подданных, так и проживающих в России их наследников **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 139-139 об.)**. Аргументацию консула сочли в Петербурге убедительной, и в экзекватуру российского консула в Виктории были включены и другие австралийские колонии **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 126)**.

На защиту прав русских поданных консулы вставали незамедлительно. При этом не имело значения, идёт ли речь о русских или о людях других национальностей. В 1897 г, например, консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг принял активное участие в вызволении из австралийской тюрьмы жителя Финляндии и, следовательно, российского подданного И. Андерсона. Этот матрос, служивший на английском торговом судне, во время пребывания его корабля в Аделаиде был арестован за участие в поножовщине поссорившихся между собой членов экипажа. В результате драки был убит один матрос-англичанин. Суд в Аделаиде признал И. Андерсона виновным и приговорил его к 10 годам каторжных работ. По мнению Р.Р. Унгерн-Штернберга, который опирался на отзывы австралийских экспертов, вина И. Андерсона была не вполне доказана и осуждение в известной мере могло быть объяснено «неприязненным [отношением] австралийских политиканов вообще ко всему русскому» **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 11)**. «Я … вынес тяжёлое впечатление – в этих краях российский подданный страдает невинно», – так доносил консул в Мельбурне об этом инциденте в императорское российское посольство в Лондоне **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 24-24 об.)**.

Получив карт-бланш от российского посла в Англии Е.Е.Стааля[1], Р.Р. Унгерн-Штернберг с необычайной энергией начал кампанию за пересмотр дела И. Андерсона. В переписку по этому вопросу были втянуты не только премьер-министр, лидер парламента и губернатор Южной Австралии, но и политики Лондона (в том числе премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании лорд Солсбери). Борьба за освобождение матроса заняла два года и в конечном итоге усилия, начало которым положил Р.Р.Унгерн-Штернберг, дали свои результаты. В марте 1900 г. лорд Солсбери сообщил Е.Е. Стаалю, что дело Андерсона, наконец, пересмотрено и после «тщательного изучения губернатор Южной Австралии даровал амнистию русскому моряку» **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 98)**.

В 1911 г. консул А.Н. Абаза столь же энергично пытался добиться пересмотра дела Б. Зеньковича, обвинённого в убийстве и ограблении также русского подданного А. Эйсмонта. Отложив все текущие дела, А.Н. Абаза поехал в Сидней, где присутствовал на судебных заседаниях. По версии обвинения убийство было умышленным. По словам подсудимого, он всего лишь оборонялся в ходе ссоры, и намерений убивать у него не было. Присяжные взяли сторону обвинения и приговорили Б. Зеньковича к смертной казни. Однако А.Н. Абаза посчитал, что судебный процесс не был полностью объективным из-за крайне некачественного перевода с русского языка на английский. По ходу процесса А.Н. Абаза несколько раз вынужден был исправлять плохо знавшего русский язык переводчика. Кроме того, в австралийской прессе появились статьи с искажённой информацией об обстоятельствах дела, которые могли повлиять на присяжных. После окончания процесса русский консул про-

[1] Из письма Е.Е. Стааля Р.Р. Унгерн-Штернбергу от 2 мая 1898 г. следует, что посольство, «вполне одобряя принятые Вами меры…, согласно и впредь на все непредвиденные Уставом действия Ваши в связи с настоящим вопросом» **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 890. Л. 17)**

вёл консультации с адвокатами подсудимого и написал письмо судье с разъяснением своих возражений. Одновременно по неофициальным каналам он попытался предпринять меры, которые привели бы к замене соответствующей апелляционной инстанцией смертной казни на длительное тюремное заключение. К сожалению, исход всего этого дела по документам пока проследить не удалось **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1404. Л. 8-18)**.

Постоянной задачей русского консульского представительства в Австралии оставалась отправка неудачливых и разорившихся российских эмигрантов обратно на родину. Материалы о делах такого рода во множестве встречаются в архивных документах. Проблема при этом состояла в постоянной нехватке денежных средств, и консулы неоднократно обращались в российское посольство в Лондоне (именно ему формально подчинялось российское консульство в Мельбурне) с запросами о порядке и расходах на отправку таких бедолаг в Россию. В одном из таких запросов, испрашивая разрешение потратить деньги на эти цели из статьи «чрезвычайные расходы», консул Р.Р.Унгерн-Штернберг писал: «Во вверенное мне консульство часто являются с просьбою об отправке на родину российские подданные… Оставлять подобных лиц без помощи считаю невозможным, и пока ни одному русскому подданному в участии и помощи не было отказано» **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 820. Л. 76-76 об.)**. В 1900 г. консул в Мельбурне Н.П. Пассёк обратился к генерал-губернатору Великого княжества Финляндского по поводу судьбы 125 финских поселенцев в Квинсленде, которые приехали вместе с семьями в эту австралийскую колонию в 1897-98 гг., но так и не смогли наладить жизнь на новом месте. При этом возвращение на родину также оказалось для них нереальным из-за отсутствия денежных средств. Не имея возможности оплатить поездку такой большой группы людей, консул дипломатично замечает, что если бы у генерал-губернатора Великого княжества Финляндского нашлись специальные суммы для возвращения этих поселенцев, то это было бы, «как мне кажется, лучшим исходом для десятков семейств русских подданных, которые по возвращении на родину служили бы живым примером опасности покидать родину». Информация о попавших в беду финнах, по мнению консула, даёт основания к масштабному «расследованию вопроса о переселенческой ситуации в Финляндии» **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 9-9 об.)**.

Новым направлением работы русских консулов со времени организации штатного российского консульства в Мельбурне стала поддержка и помощь православным Австралии в деле организации их религиозной жизни. Здесь следует отметить, что наряду с выходцами из России к православной конфессии относилось значительное число осевших на пятом континенте греков, а также православных подданных Османской империи – сирийцев и ливанцев. Уже первый штатный консул России в Мельбурне А.Д. Путята, занявший свой пост в 1894 г., выяснил положение дел в православной общине Мельбурна и активно поддержал её стремление построить собственный православный храм. С этой целью консул вступил в переписку с обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым и русским консулом в Иерусалиме С.В. Арсеньевым. В письмах А.Д. Путяты речь шла о материальной помощи со стороны Синода и о содействии консула С.В.Арсеньева в переговорах с Иерусалимской патриархией о посылке в Австралию знающего арабский и греческий языки православного священника **(РГИА. Ф. 797. Оп. 64. Д. 160. Л. 7-7 об., 2-2 об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3581. Л. 6-7; РГИА. Ф. 799, Оп. 5. Д. 851. Л. 2-5 об.)**. Однако довести до конца начатое дело А.Д. Путята не успел. В декабре 1894 г. он скончался от обострения болезни почек **[17, с. 11]**. Следующий русский консул Р.Р. Унгерн-Штернберг, лютеранин

по вероисповедованию, особой активности в решении конфессиональных проблем православных не проявлял, хотя и переправил в Петербург послание православных верующих Сиднея с просьбой о помощи в строительстве храма. Однако поскольку сиднейская община находилась под юрисдикцией Иерусалимской патриархии, русский Синод в помощи отказал **(РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 382. Л. 2-2об., 4-5)**. Точно также Синод никак не отреагировал на просьбу нового консула России в Мельбурне Н.П.Пассека об оказании в 1900 г. помощи православной общине Виктории в строительстве церковного здания в Мельбурне **(см. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 16об.)**. Тогда Н.П.Пассёк энергично принялся за дело сам. Русский консул видел в поддержке православных верующих не только свой нравственный долг, но и несомненную политическую выгоду для России. «Мне хотелось бы вселить в сердце не только здешних православных, но и всему населению здешней английской колонии, - писал он в июне 1900 г., - что великая православная Русь… везде и всегда покровительствовала православию, невзирая на народы и их подданства» **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 16)**. Н.П. Пассёк возглавил Комитет православной общины Мельбурна, который сумел по подписке собрать 600 фунтов стерлингов. На эти деньги был куплен участок земли, составлен проект храма и 19 декабря состоялась его торжественная закладка **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 13, 16об.-17)**.

Н.П. Пассёк попытался придать церемонии закладки православного храма как можно более торжественный и в максимальной степени политизированный характер. Сама дата закладки – 19 (6 по ст. ст.) декабря 1900 г. была выбрана не случайно – это был день тезоименитства русского императора Николая II. На церемонию были приглашены представители других религиозных конфессий, а также весь дипломатический корпус Виктории. Гостей встречал лично русский консул, а по завершении церемонии российское консульство устроило приём, подчеркнув тем самим причастность России к судьбам православных граждан Австралии. Телеграмма с сообщением о закладке православного храма в Мельбурне была отправлена министру иностранных дел России В.М.Ламздорфу в Ливадию – с явным расчётом, что содержание депеши станет известно государю. Расчёт Н.П.Пассека полностью оправдался – Николаи II был ознакомлен с полученной из Австралии телеграммой и на обороте телеграфного бланка начертал: «Радуюсь этому событию, благодарю, сообщите о сём всем участникам церемонии»[1] **(АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1004. Л. 17об.)**.

Однако первые православные храмы Австралии были, в основном греческими. У русских своей церкви, как и своих священников до середины 1920-х гг. не было. Между тем по мере роста численности русской диаспоры в начале XX в. и концентрации значительного числа русских в штате Квинсленд и его столице Брисбене потребность в появлении русского храма и русского священника ощущалась всё острее. О необходимости именно в Брисбене разместить резиденцию русского православного священника писал в своём донесении в феврале 1914 г. российский генеральный консул в Мельбурне А.Н. Абаза, занявший этот пост в 1911 г. Русский дипломат особое значение придавал при этом умиротворяющему воздействию на русских иммигрантов религиозной практики **(См. АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1506. Л. 58)**. Было важно сохранить у русских, оказавшихся в Австралии, духовную связь с родиной, ощущение, что они «и в далёкой Австралии не потеряли живой связи с отечеством и что здесь каждый русский в случае надобности может рассчитывать найти себе тёплое участие и сердечную помощь от родных ему людей»

[1] Освящение этого храма в Мельбурне – церкви Благовещения, произойдёт в 1901 г.

(АВПРИ.Ф.184, оп.520, д.1404. Л. 57-58 об.).

Как уже отмечалось, после революции 1905-07 гг. в России русская диаспора на пятом континенте пополнилась радикальными элементами, влияние которых становилось всё заметнее в русской иммигрантской общине. В 1910 г. был образован Союз русских эмигрантов (с 1914 г. он назывался Союз русских рабочих), который вскоре после своего создания под воздействием агитации политэмигрантов оказался на пробольшевистских позициях. Столь же радикально была настроена и эмигрантская русскоязычная пресса. Задача по-возможности уберечь русских австралийцев от воздействия революционной пропаганды становится одним из основных направлений в деятельности русского консульства и его главы А.Н.Абазы. При этом для выявления радикальных элементов в той или иной организации русских эмигрантов, консульство подчас обращалось к услугам полиции. Так, в 1911 г. по поручению русских консульских представителей полиция Квинсленда проверяла «на лояльность» Русское общество взаимопомощи в Брисбене (Fried-Poole c.llection on Russians in Australia (Queensland University, Brisbane). Box 8, folder 3). В том же 1911 г. А.Н.Абаза энергично, но безуспешно протестовал против избрания председателем Союза русских эмигрантов (СРЭ) большевика Ф.А.Сергеева (Артёма), «осуждённого на родине за государственные преступления» **[Цит. по: 4, с. 170-171]**. Более успешной была его борьба против печатных органов СРЭ. В 1912 и 1916 г. с подачи русского консула австралийские власти закрыли издания этого союза «Эхо Австралии» и «Известия Союза русских эмигрантов» **[13, с. 112]**.

Одним из наиболее эффективных средств усиления контроля за жизнью русской общины и способом минимизировать влияние на её членов радикальных элементов А.Н. Абаза считал организационное укрепление и совершенствование русской консульской службы в Австралийском Союзе. «Наше консульское представительство в Австралии, – писал А.Н. Абаза в феврале 1914 г.. в российское министерство иностранных дел, – далеко уже не удовлетворяет современным потребностям и не отвечает непрерывно возрастающим житейским вопросам… Нельзя не видеть, что разбросанное на протяжении… Австралии… многотысячное русское население имеет всего-навсего одно место, а именно консульство в Мельбурне, куда оно может обратиться за советом, помощью и защитою». «Результатом подобного положения, – развивал свою мысль А.Н. Абаза, – является то, что лишённые возможности своевременной поддержки со стороны отечественных властей многие русские принимают, даже против желания, австралийское подданство, между тем как другие – и таких сотни – подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных верноподданных переселенцев в ярых социалистов и анархистов» **(АВПРИ. Ф. 184, оп.520, д.1506. Л. 57)**. А.Н.Абаза предложил открыть российские штатные консульства в столицах штатов Австралийского Союза, и развивать сеть нештатных консульских представителей в других городах Австралии. Предложенные А.Н. Абазой меры были реализованы лишь частично. К 1916 г. штатным оставалось только одно консульское учреждение – российское генеральное консульство в Мельбурне, однако нештатные консульские сотрудники, в основном из числа местных коммерсантов, работали в Аделаиде, Брисбене, Хобарте, Дарвине, Ньюкасле, Перте, Порт-Пири, Сиднее и Фримантле **[8, с. 51]**.

Начало Первой мировой войны поставило перед русскими консульскими представителями в Австралии новые задачи по работе с русскими подданными. В 1915 г. А.Н. Абаза предпринимает активные действия по возвращению в Россию с последующей отправкой на военную службу проживавших в Австралии русских резервистов в возрасте от 21 года

до 38 лет. Ему удалось добиться от австралийских властей запрета на натурализацию россиян в возрасте от 18 до 50 лет **[14, с. 75]**. В случае невозможности возвращения русских граждан призывного возраста домой резервистам предлагалось вступать в армии союзников. По согласованию с министерством обороны Австралии военные власти всех штатов были обязаны регулярно передавать российскому генеральному консулу списки русских, вступивших в австралийскую армию **(NAA. MP 16/1, 15/3/1674)**.

После февральской революции 1917 г. в России революционная активность русских политэмигрантов в Австралии необычайно усилилась. Пытаясь хоть как-то разобраться в положении дел и по возможности найти пути умиротворения русской эмиграции, в октябре 1917 г. А.Н. Абаза лично отправился в инспекционную поездку в Брисбен. Она проходила в тесном взаимодействии с чинами австралийской военной разведки, поскольку русских радикалов небезосновательно обвиняли в проведении антивоенной пропаганды. Итоги поездки были неутешительны. Выяснилось, что большинство русских резидентов в Брисбене сочувствуют анархо-синдикалистам из организации «Индустриальные рабочие мира», а их печатные издания публикуют статьи «нежелательного характера» **(NAA. BP4/1, 66/4/2072**).

К концу 1917 г. и особенно после октябрьского переворота в России консул А.Н. Абаза практически утратил влияние на развитие политической обстановки в русской диаспоре. По инициативе русских радикалов 12 декабря 1917 г. состоялся митинг русских резидентов в Мельбурне, а 14 января 1918 г. – в Брисбене, на которых их участники фактически выразили недоверие российскому генеральному консулу в Австралийском Союзе А.Н. Абазе и выбрали комитеты, которые должны были представлять интересы русских перед федеральным правительством Австралии и соответственно правительствами штатов Виктория и Квинсленд **(NAA. A981, CONS 241)**. А.Н. Абаза пытался протестовать, направив соответствующее письмо премьер-министру Австралии У.М. Хьюзу. Однако секретарь департамента премьер-министра М.Л. Шепард, который ответил на письмо русского консула, протест, по существу, отклонил. В своём ответе он сообщил, что комитеты будут защищать интересы русских только в случае отъезда Абазы из Австралии и правительство Австралийского Союза ни в коей мере не рассматривает их в качестве консульских учреждений **(NAA. A981, CONS 241)**. При этом ещё в начале декабря 1917 г. австралийское правительство отказалось признавать выдаваемые русским консулом паспорта и другие консульские документы. В таких условиях А.Н. Абаза счёл необходимым сложить с себя полномочия русского генерального консула, о чём и уведомил премьер-министра Австралии письмом от 26 января 1918 г. **(NAA. A981, CONS 241)**.

Отставка А.Н. Абазы означала, по сути дела, прекращение консульских связей между Австралийским Союзом и Россией. Попытка Советского правительства назначить в начале 1918 г. своего генерального консула – П.Ф. Симонова оказалась неудачной – Австралия отказывалась иметь какие-либо отношения с Советским правительством **[Подробнее см. 10; 9, с. 108-111, 124-131; 13]**.

Вместе с ликвидацией консульских отношений между Россией и Австралией надолго прервались и традиции работы дипломатических представителей России с русскими австралийцами. Они не были возобновлены и после установления в 1942 г. дипломатических отношений между СССР и Австралийским Союзом: советское государство не желало иметь дело с эмигрантами, которых в СССР расценивали исключительно как предателей родины. Только лишь в последние два десятилетия российские дипломаты на пятом континенте возродили традиции своих

предшественников по работе с соотечественниками. Однако опыт их работы заслуживает, очевидно, самостоятельного исследования.

Литература

1. Говор, Е. Судьба превратного счастия или тайна Джона Потоцкого // Австралиада. Русская летопись. 1996, № 7. С. 3-7.
2. Говор, Е.В. Русский, голландец, индеец-тлинкит. К истории ссыльных россиян в Австралии // Австралиада. Русская летопись. 2000, № 22. С. 3-7.
3. Голос, 23.03.1880.
4. Жуковский, Н.П.. Дипломаты нового мира. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986. 349 С.
5. Каневская, Г.И. «Мы ещё мечтаем о России…» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в – вторая половина 80-х гг. XX в). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 372 С.
6. Каневская, Г.И. «Я бездомный, но зато на воле…». Русские перемещённые лица в Австралии (1947-1954 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. 230 С.
7. Лазарев, Ан.П. Плавание вокруг света на шлюпе «Ладоге» в 1822, 1823 и 1824 годах. Шлюпом начальствовал лейтенант Андрей Лазарев. СПб.: Морск. тип., 1832. 276 С.
8. Олтаржевский, В.П. Начало деятельности российского консульства в Мельбурне (Австралия). // Проблемы истории Австралии и Океании. Иркутск: Иркутский государственный ун-т, 1990. С. 26-45.
9. Рудницкий, А.Ю. Другая жизнь и берег дальний… Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 С.
10. Симонов, П. Три с половиной года советского дипломатического представительства // Международная жизнь. 1922 № 15 (133). С. 61-66.
11. Циммерман, Э.Р. Путешествие по Австралии и Океании // Отечественные записки. 1882. Т. 265, № 12. 1882. С.443-488.
12. Bridge, P.J. Russian Jack. Perth: Hesperian Press, 2002. 134 C.
13. Fried, E. The First Consul: Peter Simonoff and the Formation of the Australian Communist Party // Russia and the Fifth Continent. Ed. by J.McNair and T.Poole. Brisbane: University of Queensland Press, 1992. C. 110-125.
14. Govor, E. Russian Anzacs in Australian History. Sydney: UNSW Press in association with the National Archives of Australia, 2005. 310 c.
15. Govor, E. Russians in Australia, 1804-1920: Convicts, Swagmen and Anzacs // Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian relations 1807-2007. Adelaide: Crawford House Publishing, 2007. C. 116-141.
16. Price, Ch. 1992. Russians in Australia: A Demographic Survey // Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations. Brisbane: University of Queensland Press, 1992. C. 54-80.
17. Protopopov, M. Alexis Dmitrievitch Poutiata. 1st Imperial Russian Consul to the Australian Colonies. Melbourne: University of Melbourne, Department of Germanic Studies and Russian, 1995. 50 c.

УДК 394.91

Антошин А.В.

Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.)

The culture of Russian diaspora in USA (1960 – 1980)

Статья посвящена проблеме истории культуры российской диаспоры. В 1960-1980-е гг. США являлись одним из наиболее важных центров Российского зарубежья. В США в эту эпоху жило немало известных писателей, художников, интеллектуалов. Они внесли большой вклад в историю культуры российской эмиграции.

Ключевые слова: *российская эмиграция в США, культура, период холодной войны*

◆

This article is devoted to the problem of cultural history of Russian diaspora. In 1960 – 1980 the USA were one of the most important centers of Russian zarubejie. There were well-known writers, painters and intellectuals in the USA this epoch. They had made great contribution to the history of Russian emigrant`s culture.

Key words: *Russian emigration in the USA, culture, period of Cold War*

1960-е – 1980-е гг. – один из интереснейших и наиболее противоречивых периодов в истории культуры Русского зарубежья. Во многом это была переходная, переломная эпоха. С одной стороны, во Франции, США и некоторых других центрах «Русского мира» постепенно заканчивали свою творческую деятельность, доживали свой век те люди, которые внесли вклад в историю культуры Русского Парижа эпохи его расцвета. С другой – третьей волной эмиграции из Советского Союза были вынесены в «Русский мир» Европы и за океан такие яркие личности, как писатели А. Солженицын, В. Аксёнов, В. Войнович, Г. Владимов, с. Довлатов, В. Максимов и др., поэты И. Бродский, А. Галич и др., скульптор Э. Неизвестный, виолончелист М. Ростропович и др. Они оказали существенное влияние на культурный облик российской диаспоры этой эпо-

АНТОШИН Алексей Валерьевич, к.и.н., доцент Уральского государственного университета им. А. М. Горького (*г. Екатеринбург*). **E-mail:** alex_antoshin@mail.ru

Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям по гос.контракту № 02.740.11.0348 на выполнение НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр «2009 – 1.1 – 301 – 072 – 017».

хи, способствовали его некоторой трансформации по сравнению с предшествующим периодом.

В США особую роль продолжал играть нью-йоркский «Новый журнал», издававшийся с 1942 г. На его страницах публиковались стихи Н. Моршена, В. Вейдле, И. Чиннова, Ю. Иваска, Г. Глинки, А. Величковского, И. Елагина, Л. Алексеевой, О. Ильинского, Ю. Терапиано, В. Злобина, К. Померанцева, А. Раннита, Н. Юрловой, Д. Кленовского, Я. Бергера, Г. Адамовича, В. Перелешина, Н. Туроверова, И. Одоевцевой и др., проза В. Шаламова, Г. Газданова и др., литературная критика С. Карлинского, Н. Берберовой, Р. Плетнёва, Л. Ржевского, Ю. Мамлеева и др.

Значительную роль в эти годы в литературе российской диаспоры в США играли поэты и прозаики, принадлежавшие ко второй волне эмиграции из СССР. Некоторые из литераторов этой волны, чьё творчество формировалось в исключительно напряжённой атмосфере военных и первых послевоенных лет, и в 1960-1970-е гг. продолжали затрагивать в своих произведениях проблему места и роли поэта в современном обществе. Пожалуй, наиболее ярко об этом писал И. Елагин в «Истории стихотворца»:

«С веком рассорясь,
Жил стихотворец.
Он напевал –
А его наповал.

Он теперь, как прочие,
Ждёт, занявши очередь:
Из могилы выроют,
Реабилитируют» **[5]**.

Как известно, именно в излишней политизированности нередко обвиняли поэтов «второй волны» литературные критики. Реагируя на эти обвинения сторонников «искусства для искусства», критиковавших его гражданскую поэзию, тот же И. Елагин ещё раз подчёркивал свою позицию в стихотворении, которое так и называлось – «Ответ»:

«Насмешливый голос
По телефонному
Проводу.

И всё по тому же
Неугомонному
Поводу.

– Стих сочиняете?
Стали поэтом горластым.
Стихи начиняете

Всяким ненужным балластом…
Хрипи – не хрипи
А чем дальше – тем хуже и хуже.

Поэзия – то, что внутри,
А не то, что снаружи!
– Мой враг телефонный!

Я всё это слышал частенько.
Хотите, чтоб я умилённо
И тенькал, и тренькал?

…Меня не отделишь
От времени. С ним не рассоришь!
Я сын его гульбищ и зрелищ,

Побоищ и сборищ!
Я сын его торжищ
И гноищ, позорищ и пиршеств!

Меня не отторгнешь
От времени. Силой не вырвешь!
… Лечу вышиною

Стремительно, гибельно, круто –
И стих для меня – вытяжное
Кольцо парашюта» **[8]**.

Впрочем, свою мировоззренческую позицию поэты «второй волны» выражали и по-другому. Некоторые из них, напротив, полагали, что собственным творчеством они должны демонстрировать своё принципиально негативное отношение к различным идеологиям, которые стали духовной основой для формирования в XX веке тоталитарных режимов. Очень ярко об этом написал Н. Моршен в стихотворении «Цветок»:

«Чтоб звёздочкой лучистою
Подняться над травой
Подпёрся он плечистою
Системой корневой.

И нежен только с виду он,
А так – шершав и груб.
Не даст себя в обиду он,
Колючий себялюб…

Как гений самомнения
Стоит он перед нами,
И не идёт в сравнение
Он с нашими отцами.

Отцы питались – измами,
Идеями своими,
И жертвовали жизнями
«За дело» и «Во имя».

Стремились к бескорыстию
И брезговали славой,
И шли, душою чистые
На бой святой и правый…

Они рукою дерзкою
Историю творили
И нас в такую мерзкую
Историю втравили.

Бог знает, сколько радостей
Приносит эгоизм,
Чёрт знает, сколько горестей
Наделал альтруизм» **[7]**.

Тот же Н. Моршен в одном из своих произведений показывал и то, что большинство проживавших в США поэтов «второй волны» были слабо интегрированы в американскую культуру, оставаясь в рамках русской литературной традиции с её языком и образами:

«Я свободен, как бродяга,
И шатаюсь налегке
Там, где раньше Миннегага
Проплывала в челноке.

Где с естественною силой
В каждом камне и листке
С ней природа говорила
На индейском языке.

Та эпоха отгорела
Облетела, как цветок,
И теперь иное дело,
Пришлый лад и новый слог.

Шпорник, заячья капуста,
Мята, дикий виноград,
Выражая свои чувства,
По-английски говорят.

Речи саксов, честной, краткой,
Не чуждается мой слух,
Но к наитьям и отгадкам
Я – увы – в ней тугоух.

Мне родной язык роднее
Восхитительнее всех,
Мил мне в нём и стук спондея,
И пиррихия разбег…» **[6]**.

В описываемый период в США проводились разнообразные мероприятия, направленные на пропаганду русского культурного наследия. Большую работу в этом направлении, бесспорно, проводили Русский Центр и Музей русской культуры в Сан-Франциско. Впрочем, и они испытывали немалые трудности организационного и финансового характера. Так, в 1970 г. секретарь Музея А.М. Найдёнов писал О.П. Шидловскому: «Музей наш, хотя и самостоятельная организация, но тесно связана с организацией Русского Центра … Год назад начался резкий кризис…Дошло дело до решения продать здание, а это значит развалить всю организацию. Но весной было выбрано новое правление Русского Центра … Б.И. Вертлугин стал объединять и призывать к поддержке Русского Центра. Произошло чудо. Здание, годами запущенное, было отремонтировано. Артисты организовали для Русского Центра концерт 28 июня, который дал 6 тысяч долларов и на котором в антракте люди выходили на сцену и давали свои чеки. И сейчас этот подъём продолжается» **[ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.]**.

Несмотря на все трудности, русские эмигранты в США осуществля-

ли многочисленные акции историко-культурного плана. Так, например, Американо-Русский институт славяноведения в Нью-Йорке устраивал 21 февраля 1971 г. юбилейное собрание по случаю 150-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. В программе значились: Вступительное слово – протопресвитер о. Георгий Граббе; доклады: «Аполлон Григорьев и Достоевский» – В.С. Крупич, профессор Виллановского университета; «Мальчик у Христа на ёлке» – Клеопатра Болотина; «Драматизация произведений Достоевского» – Н.А. Натова, профессор Университета Джорджа Вашингтона. На вечере было устроено и чтение отрывка из романа «Игрок», драматизированного Клеопатрой Болотиной. В постановке участвовали М. Волин, А. Микешина, с. Караваев, К. Болотина. Программа вечера была составлена под руководством профессора Института В.Н. Литвиновича **[15]**. Такие мероприятия в Американо-Русском институте славяноведения проводились регулярно. В качестве примера можно привести собрание в октябре 1972 г., посвящённое теме «Зарубежная поэзия – антитеза советской поэзии». Среди участников собрания значились артисты В. Апошанский и К. Боголюбов, поэты Н. Белавина, М. Волин, Т. Иванс-Бернацкая **[19]**.

Большую работу проводил в Нью-Йорке и Свято-Серафимовский фонд. Так, например, 8 февраля 1970 г. в его зале был проведён вечер, посвящённый русской сказке в поэзии и литературе. На нём Т. Иванс прочитала доклад об историческом развитии русской сказки и её значении для русского народа. После этого 10-летняя Т. Волкова декламировала «У лукоморья дуб зелёный…», а певица Е. Марковская исполнила песню Леля из оперы «Снегурочка» **[11]**. Такие мероприятия эта структура проводила регулярно. Только в январе-феврале 1971 г. Свято-Серафимовским фондом были устроены лекции профессора Л.Д. Ржевского «Тема жалости у Достоевского», профессора Ю.П. Иваска «Доклад о творчестве И. А. Бунина», А. Седых «Воспоминания о Бунине», профессора Б. А. Константиновского «Великорусская народность как объединитель всех восточнославянских земель». 7 февраля 1971 г. Свято-Серафимовский фонд организовал специальный вечер, посвящённый присуждению А. И. Солженицыну Нобелевской премии. Вступительное слово на этом мероприятии произнёс Р. Б. Гуль, далее выступали профессор П. В. Плетнёв и протоиерей А. Киселёв **[12]**. А в октябре 1972 г. был проведён вечер, посвящённый 125-летней годовщине смерти А.С. Пушкина **[18]**.

В 1960-1970-е гг. довольно заметным явлением культурной жизни «Русского мира» в США были и «литературные четверги», проводившиеся в Первом доме престарелых на Толстовской ферме. Рассказывая о таком «четверге» 18 февраля 1971 г., нью-йоркская газета «Россия» писала: «Публики собралось изрядное количество. Приехали гости и из г. Наяка, что свидетельствует об интересе к нашим четвергам и окружающей ферму публики». О том, как проходили подобные любительские мероприятия, свидетельствует программа вечера. Среди выступавших была В. А. Хегстрем с юмористическим стихотворением «Письмо семинариста гимназистке и ответ на него». М. И. Мейендорф читала свои стихи «как всегда, со свойственным ей подъёмом». Любопытно и то, что на этом литературном «четверге» прозвучало и выступление Н. В. Скрябиной, которая поделилась с аудиторией воспоминаниями о том, как в советской столовой в 1923 г. ей пришлось познакомиться впервые с живыми чекистами **[17]**.

Особую роль играл, бесспорно, продолжавший активно действовать в 1970-е гг. в США Литературный фонд. Так, в декабре 1971 г. в Сан-Франциско состоялся очередной концерт Литературного фонда. Большую роль в его организации сыграла А.Н. Гижицкая, многие годы

работавшая для Литературного фонда в Сан-Франциско. В программе концерта были стихи Ольги Скопиченко, романсы в исполнении Галины Шамбо и Нины Измайловой. Весь доход от мероприятия пошёл на помощь «престарелым работникам искусства за рубежом» **[2]**.

К началу 1980-х гг. во главе Литературного фонда в Нью-Йорке продолжал оставаться редактор «Нового русского слова» Андрей Седых. 23 февраля 1980 г., например, под его председательством состоялось очередное заседание правления Литературного Фонда, в котором приняли участие Нонна Белавина, Женни Грэй, доктор Е.И. Лодыженская, протоиерей Александр Киселёв, Марк Клионский, С.Л. Голлербах и Ричард Янин. Ряд больных членов правления прислали извинения. Председатель доложил о финансовом положении Литературного фонда и представил отчёт о лотерее и концерте, устроенном в Алис Талли Холл 6 февраля. Благодаря лотерее и концерту в кассу Фонда поступило чистыми около 8 тысяч долларов. Кроме того, поступило, согласно воле покойной Елены Торбечко, через Э. В. Гетман пожертвование в 550 долларов. Как сообщало «Новое русское слово», после продолжительного обмена мнениями правление выбрало должностных лиц на 1980 г. Председателем был избран Андрей Седых, 1-м вице-председателем – Р.И. Субботин, вице-председателями переизбраны Л.Д. Ржевский и В. И. Юрасов. Почётными секретарями являлись И.Л. Тартак и В.И. Коварская, секретарями Нонна Белавина и Ричард Янин, зав.сбором – Женни Грэй, казначеем – А.А. Осоргина. В состав Правления постановили кооптировать Агнию Ржевскую. За первые два месяца года 1980 г. правление израсходовало на помощь нуждающимся деятелям русской культуры 5500 долларов» [4].

Нельзя не сказать, конечно, о том, что в 1970-е гг. с появлением эмигрантов «третьей волны» фактически начинается новый этап в истории литературы Русского зарубежья. Такие яркие произведения, как знаменитая эпопея А. Солженицына «Красное колесо», рассказы С. Довлатова, романы Э. Лимонова и других представителей этой волны вошли в историю культуры «Русского мира» в США. «Старые эмигранты» внимательно следили за творчеством тех, кто недавно приехал из Советского Союза, пытаясь понять, насколько оно развивается в русле традиций русской классической литературы. Иногда сравнение оказывалось весьма лестным для новых эмигрантов. Так, например, В.С. Франк весьма положительно отзывался об «Августе 1914» А.И. Солженицына, полагая, что, если философия Л.Н. Толстого в «Войне и мире» – это «философия безответственности» («лучше ничего не делать, как Кутузов»), то основной стержень этики А.И. Солженицына – «горделиво-скорбное чувство ответственности» **(РГБ ОР. Ф. 754. Карт. 5. Ед.хр.1. Л. 8.]**.

Достаточно насыщенной была в те годы и театральная жизнь Русского зарубежья в США. В Нью-Йорке функционировал Театр Русской Драмы, который, например, в марте 1970 г. провёл большой юбилейный спектакль в ознаменование 50-летия сценической деятельности Л.Д. Авчинниковой. По этому случаю была поставлена комедия в четырёх действиях Алексея Толстого «Касатка». В спектакле участвовали Л. Авчинникова, с. Донат, М. Масленникова, Е. Юрченко, В. Апошанский, Л. Гареев, Г. Пахомов, В. Николаев, К. Ржевский, К. Хрустинский **[10]**.

Существовали в США и творческие коллективы, пропагандировавшие русскую народную культуру. Так, например, в Нью-Йорке выступал с концертами балалаечный ансамбль Кутина **[20]**. Русская музыка звучала и на организованном в марте 1971 г. в Паттерсоне (Нью-Джерси) Большом Кавказском вечере. В его концертной программе были русская танцевальная группа, мужской русский ансамбль, «характерные русские и украинские танцы», популярный в те годы Оркестр Лёни Перце-

ва и др. **[16]**.

Важным культурным центром «Русского мира» в США традиционно являлся Сан-Франциско. Здесь функционировали Театр Русской Оперетты, режиссёром которого была Зинаида Биттнер, Ансамбль Русской Песни (руководитель – Д.М. Авраменко), Балетная студия Татьяны Светлановой, Школа Балета Нины Марон-Чесменской [3]. Русские преподаватели музыки (И. Вовк, Л. Клепикова, Г. Ледин, А. Свиридова и др.) входили в состав отдела Калифорнийской Ассоциации учителей музыки, внося свой вклад в культурную жизнь Сан-Франциско [1].

В начале 1980-х гг. в Нью-Йорке – другом центре Русского зарубежья в США – также проводились разнообразные культурные мероприятия, организованные деятелями российской эмиграции. Неслучайно, в 1980 г. на страницах «Нового русского слова» появилось, например, объявление такого содержания: «Культурный центр творческой интеллигенции проводит **Весенний Бал**. Бал состоится 8 марта в 15.00 по адресу 45 Ист 33 стрит «Workmen`s Circle» (Гостей просим прийти в вечерних туалетах). Запись в члены Культурного центра проводится в пятницу, 29 февраля, с 2 до 6, в Субботу 1 марта с 10.00 до 13.00 по адресу: 147 Вест 42 стрит, 3-й этаж, комната 325, телефон в эти часы 221-3169. Адрес для почтовых отправлений: Cultural Center for Russian Immigrants, 770 Lexington Avenue, New York, N.Y. 10021» **[4]**.

Как и во Франции, в США также действовали русские молодёжные организации. Так, например, в 1974 г. в Америке был избран новый старший скаутмастер Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) – Павел Уртьев, как сообщала «Русская мысль», «молодой и энергичный начальник Главной Квартиры ОРЮР, бывший последние годы также и заместителем старшего скаут-мастера» **[23]**. Одновременно был выбран и новый состав Главного суда чести: скаутмастер О. Астромова, скаутмастер А. Жуковский, скаутмастер С. Мартинович и запасными членами скаутмастер Е. Бобров и скаутмастер И. Тимохович. Старший скаутмастер П. Уртьев возглавил ОРЮР после ухода по состоянию здоровья Р. Жукова, занимавшего эту должность в течение 9 лет.

Как свидетельствовала эмигрантская пресса, молодёжные организации русской эмиграции стремились сохранять русские обычаи, отмечая праздники в соответствии со старыми традициями. Так, в феврале 1974 г. сообщалось, что «по примеру прошлых лет, 12 человек из Сиклифского отдела ОРЮР под руководством своего начальника скаутмастера Н. Иванова ходили со звездой и пели колядки русским людям. Собранные 127 долларов были пожертвованы в пользу Русской православной миссии в Иерусалиме» **[23]**.

Функционировали в США и структуры Национальной организации русских разведчиков (НОРР). 12 февраля 1971 г., например, НОРР устраивала в Нью-Йорке костюмированные вечера с участием оркестра Н.Н. Романенко. Весь доход от вечеров поступал в пользу летних лагерей русских разведчиков [14].

В конце 1960-х гг. в США возникло общество «Отрада», проводившее свои мероприятия в Наяке (штат Нью-Йорк). Целью Общества, как отмечала нью-йоркская газета «Россия», было «сохранение и распространение русской православной культуры в нашей подрастающей молодёжи». Для этого члены Общества стремились создать Центр, в котором молодёжь могла бы встречаться, создавать кружки (религиозно-философские, литературные, театральные, спортивные и т.д.) и находить себе спутников жизни среди близких по духу людей. В начале 1970-х гг. началось создание «обширного», вместительного Центра, весь доход от деятельности которого должен был идти на благотворительные цели (поддержка православных церквей, русских приходских школ, лагерей и т.д.) **[13]**.

Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что в реальности процессы ассимиляции русской зарубежной молодёжи всё-таки происходили. В начале 1980-х гг. русскоязычная пресса США уделяла этим процессам значительное внимание. Пожалуй, особенно активно об этом писала «Русская жизнь» – орган Русского центра в Сан-Франциско, преимущественно выражавший взгляды традиционалистски настроенных эмигрантов. На его страницах подчёркивалось: «Происходит ассимиляция русской молодёжи повсюду, но в особенности здесь в Соединённых Штатах…Самое печальное – это отсутствие гордости принадлежать к русскому народу, с его культурой, веками освящённым бытом, привязанностью к Православной Церкви». Публицисты «Русской жизни» указывали на то, что многие молодые эмигранты меняли фамилии, чтобы «как-то походить на американцев»: «Надо иметь в виду американцев, уроженцев Италии, Ирландии, Чехии, которые сохранили свои итальянские, чешские и другие фамилии, и не подумали, чтобы их изменить. Комичнее всего, когда русские меняют свои фамилии, «похожие» на американские, а сами даже читать не умеют по-английски» **[21]**. На страницах газеты Русского Центра в Сан-Франциско подчёркивалось, что многие проблемы связаны с тем, что русским детям в семье зачастую не прививается любовь к Родине: «Если ребёнок не получает дома воспитания в русском национальном духе, иногда даже почти не слыша русской речи – когда брак смешанный, не имея в этом случае даже элементарного понятия о родине своего отца или матери… ребёнок быстро превращается в иностранца» **[22]**. В качестве выхода из положения «Русская жизнь» как раз и предлагала эмигрантам направлять своих детей в Организацию российских юных разведчиков.

Весьма противоречивы были первые результаты интеграции в американское общество советских эмигрантов «третьей волны». Данные об этом содержатся, например, в отчёте М. Поповского об итогах проведённого им в конце 1980-х гг. социологического опроса. М. Поповский отмечал, что 60 % опрошенных им эмигрантов читали американские книги, 71 % – американские газеты, 87 % смотрели американские фильмы. Однако только 40 % опрошенных «хорошо чувствовали себя в обществе американцев». Говоря о процессах ассимиляции, можно привести ещё одну цифру: «Лишь 30 % детей школьного возраста «сколько-нибудь прилично» говорили, читали и писали по-русски **[9]**.

Таким образом, внутри российской диаспоры в США в 1960-1980-е гг. происходили весьма противоречивые социокультурные процессы. «Третья волна» серьёзно изменила состав диаспоры, вынеся на улицы Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и других американских городов десятки тысяч новых эмигрантов, психология которых зачастую сильно отличалась от деятелей первой послереволюционной волны российской эмиграции.

◆

Литература

1. Новая заря (Сан-Франциско). 1971. 10 декабря.
2. Новая заря. 1971. 11 декабря.
3. Новая заря . 1971. 25 декабря.
4. Новое русское слово (Нью-Йорк). 1980. 27 февраля.

5. Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. Кн.83. с. 47.
6. Новый журнал. 1966. Кн.83. с. 65.
7. Новый журнал. 1966. Кн.85. с. 35-36.
8. Новый журнал. 1967. Кн.89. с. 65-66.
9. Огонёк. 1991. № 45. с. 27.
10. Россия. (Нью-Йорк). 1970. 13 февраля.
11. Россия. 1970. 18 февраля.
12. Россия. 1971. 15 января, 29 января.
13. Россия. 1971. 27 января.
14. Россия. 1971. 29 января.
15. Россия. 1971. 19 февраля.
16. Россия. 1971. 26 февраля.
17. Россия. 1971. 3 марта.
18. Россия. 1972. 6 октября.
19. Россия. 1972. 11 октября.
20. Россия. 1972. 13 октября.
21. Русская жизнь (Сан-Франциско). 1983. 2 сентября.
22. Русская жизнь. 1983. 22 сентября.
23. Русская мысль (Париж). 1974. 14 февраля.

УДК 325.14(71)

Семёнова Л.Н.

Белорусские корни русской трудовой иммиграции в Канаде в первой половине XX в.

Belarussian Roots of the Russian Labour Immigration in Canada at the first half of the XX century

В российской трудовой эмиграции в Канаду в первой половине XX в. было много белорусов: до революции выходцев из западных губерний, после советско-польской войны жителей Западной Беларуси, отошедшей Польше. Вместе с русскими и украинцами они были активными членами таких организаций, как Русские рабоче-фермерские клубы (РРФК), Федерация русских канадцев (ФРК), которые сыграли важную роль в развитии русской и белорусской диаспор в Канаде.

Ключевые слова: *диаспора, миграции, трудовая эмиграция, этничность, Русские рабоче-фермерские клубы (РРФК), «Канадский гудок», Федерация русских канадцев (ФРК), «Вестник»*

◆

There were many Belarussians in the Russian labour emigration to Canada at the first half of the XX century. Before the revolution they were peasants by origin from the west provinces. After the Soviet – Poland war they were residents of the West Belarus as Polish territory. Together with Russians and Ukraians they were active participants such organizations as the Russian Labour Farmer Clubs (RLFC) and the Federation of Russian Canadians (FRC). These organizations have played important role in the development of Russian and Belarussian communities in Canada.

Key words: *diaspora, migrations, labour emigration, ethnity, the Russian Labour Farmer Clubs (RLFC), "Canadsky Gudok", the Federation of Russian Canadians (FRC), "Vestnik"*

Феномен диаспоры всегда характеризуется особым вниманием к этничности. Именно осознание этнической идентичности выделяет сообщество диаспоры в населении страны, где оказались её представители, и связывает их с родиной, откуда они выехали. Тем не менее, некоторые диаспоры являются полиэтническими, соответствуя полиэтническому составу наций на родине. Это характерно и для русской диаспоры, к которой в разных странах по разным причинам в разные периоды относили себя белорусы, украинцы и представители других этносов.

СЕМЁНОВА Людмила Николаевна, к.и.н., профессор кафедры политологии и гуманитарных дисциплин Института парламентаризма и предпринимательства (*г. Минск, Беларусь*). **E-mail:** lunis17@mail.ru

В данной статье ставится задача показать, что в составе русской трудовой иммиграции в Канаде и иммигрантских организаций с определением «русский» в первой половине XX в. были, если не преобладали, белорусы.

Существуют большие сложности с определением численности белорусских диаспор. И политики, и государственные чиновники, и учёные единодушно отмечают, что количество лиц, причисляющих себя к белорусам в разные исторические периоды, явно занижено. Как правило, учитываются люди с чётким этническим самосознанием, с активной жизненной позицией, которые входили и входят в национальные организации, землячества, кружки, клубы и т.д. Но есть и другие. Для белорусов вообще характерна неопределённость и даже раздвоенность национального самосознания, вполне объяснимая в условиях Российской империи и Советского Союза, и сохраняющаяся поныне. В одном из интервью чиновник Комитета по делам религии и национальных меньшинств Республики Беларусь сказал: «Далеко не все белорусы хотят открывать свои корни и присоединяться к белорусской диаспоре. Известны нам и случаи, когда наши соотечественники отказывались от белорусского происхождения и записывались в титульную нацию страны, где они проживают. Среди белорусов, живущих нынче за пределами Родины, сейчас наблюдаются две тенденции, противоположные по своей сути. С одной стороны, это их ассимиляция, которая ведёт к уменьшению действующей диаспоры. С другой – возвращение к белорусским корням, что благоприятно сказывается на оживлении белорусского общественного движения» [3]. Следует добавить, что в ассимиляции можно выделить также несколько тенденций: присоединение к титульной нации страны проживания, и – чаще всего – к русским.

Неясность с определением этничности прибывавших иммигрантов провоцировали порой и власти стран, принимающих их. К беларусам это относится в полной мере. Их долго не признавали самостоятельной этнической группой. Например, в Австралии в первой половине XX в. само понятие «белорус» звучало для властей как «белый русский» и было синонимом белой эмиграции. Этнических белорусов они предпочитали записывать как русских, литовцев или поляков **[6, с. 172]**.

Подобное наблюдалось и в Канаде. Термины «белорус», «белорусский язык» по инициативе белорусской диаспоры впервые появились в канадских переписных листах только в 1971 г. В то время по оценкам видного представителя белорусской диаспоры и белорусского национального движения В.Жука – Гришкевича, обнародованным им на конференции 1967 г., в Канаде проживало более 50 000 белорусов **[2, с. XV]**. К настоящему времени белорусские канадцы создали несколько культурно – национальных организаций, издают национальную прессу.

Но представим и другую сторону белорусской диаспоры.

Как отмечают исследователи, Канада испытала четыре волны иммиграции из Российской империи, СССР и постсоветского пространства. К первой волне относятся миграции с 90-х гг. XIX до начала XX в. из западных областей России и знаменитое переселение религиозных сектантов – духоборов. Тогда же в Канаде появились и политические эмигранты - участники революционного движения. Второй волной считается эмиграция в межвоенное время (1919 – 1939 гг.), или её ещё называют послереволюционной. Третья волна в основном состояла из «перемещённых лиц» (так называемых «ди – пи» - displaced persons), покинувших СССР после Второй мировой войны. Послевоенная эмиграция стала одной из самых массовых по числу лиц, покинувших Беларусь по политическим мотивам. Четвёртая волна – это эмиграция из Советского Союза в 1960 – 80-е гг., как правило, по израильской визе. После рас-

пада СССР выделяют пятую волну, перешедшую в режим нормальной экономической миграции **[9, с. 93-94]**.

Уже первая волна российской иммиграции в Канаду была преимущественно белорусской и украинской, так как в основном состояла из населения западных российских губерний: Гродненской, Минской, Виленской, Киевской, Волынской и др. Это была так называемая трудовая, или «долларовая» эмиграция. Бедный люд ехал в США в надежде поправить своё материальное положение. Но некоторые оказывались в соседней Канаде. Выходцы из России обосновывались в Торонто, Тиммисе, Уинсоре (Онтарио), Монреале (Квебек), Сидни (Новая Шотландия), Виннипеге (Манитоба), Ванкувере, Виктории (Британская Колумбия). Иммигранты организовывали кружки, клубы, библиотеки. Об одной из подобных библиотек Павлины Журавской в Ванкувере говорили, что в ней читателей было больше, чем книг. Пытались издавать газеты на русском языке, которые быстро закрывались по экономическим или политическим мотивам. В начале XX в. в Торонто получил известность некто М. Кодис по прозвищу «Гродненский». По специальности он был электротехником, ни снискал популярность как лектор. Особенно удавались ему лекции о необходимости русско-канадской торговли. В Уинсоре в 1909 г. после неудачных поисков работы в США осел Алексей Маслов из деревни Масевичи Пинского уезда Минской губернии. Вскоре туда же приехал его односельчанин Степан Бык. В 1911 г. в Кокрейн приехали братья Трофимовичи и их односельчане из деревни Трухановичи Пружанского уезда Гродненской губернии. Многие выходцы из Пружанского уезда устроились в Тиммисе **[4, с. 18-39]**.

Вторая послереволюционная волна эмиграции была более многочисленной. В ней выделяется поток иммигрантов 1920 – 1930-х гг., прибывших из западнобелорусских и западноукраинских земель, принадлежавших в ту пору Польше. Как определить этническую принадлежность эмигрантов из белорусских земель? В официальных канадских документах и переписях они фигурировали как лица польского или русского происхождения (по стране, откуда они прибыли), при этом некоторые из них сами считали себя русскими, не имея отчётливо выраженного белорусского самосознания. Как и в первой волне, в основном это была трудовая эмиграция беднейших слоёв крестьянства и рабочих. Они вербовались в качестве сельскохозяйственных рабочих канадскими агентствами, посылавшими в города и сёла Западной Беларуси и Украины своих представителей. Некоторые бедняки сами приезжали в Варшаву и на Маршалковской улице в отделении CPR (Canadian Pacific Railway – Канадской тихоокеанской железной дороги) заключали контракты для работы на канадских фермах **[10, с. 9]**. По сей день во многих белорусских семьях сохранилась память о том, как родственники или односельчане уезжали в «Америцу».

Несмотря на бедность, необразованность, незнание языка, иммигранты второй волны оказались весьма деятельными. Их организационная активность привела к серьёзным результатам. В период великой депрессии (1929 – 1933 гг.) рабочее и профсоюзное движение Канады находилось в тяжёлом состоянии. Коммунистическая партия Канады (КПК), существовавшая с 1921 г., организовала Канадскую лигу защиты рабочих. В ней был учреждён русский отдел под руководством Ефима Шпараги из Украины. Своей главной задачей отдел считал установление контактов с рабочими – иммигрантами, выходцами из всех земель бывшей Российской империи. Активистами отдела были украинцы и белорусы. Отдел приступил к выпуску журнала «Солидарность». Всего было издано 8 номеров **[8, с. 177]**.

5 марта 1930 г. в Торонто в библиотеке Украинского рабочего дома

состоялось собрание рабочих с целью создания самостоятельной рабочей организации. На собрании присутствовало 30 человек. Председателем был избран К.Чигирь, впоследствии уехавший в СССР. С докладами выступили И. Пилипчук и Г. Окулевич. Присутствовавшие оформили создание Русского рабочего клуба (РРК) имени М.Горького в Торонто, в котором уже через некоторое время числилось 56 человек. Одним из его руководителей стал Григорий Романович Окулевич – выходец из Западной Беларуси. Идея была подхвачена и вскоре при непосредственной помощи украинских организаций к ноябрю 1930 г. в Канаде было создано 5 подобных клубов **[4, с. 77].**

8 – 9 ноября 1930 г. в Торонто они провели свой первый съезд, главным вопросом повестки дня которого было издание газеты. Была утверждена редколлегия, в состав которой вошли М. Ясный, А. Комаров, уже упоминавшийся Е. Шпарага и другие. Постановили: русскую рабочую газету в Канаде назвать «Канадский гудок» с добавлением: орган русских рабочих Канады. 8 апреля 1931 г. вышел первый номер газеты. В редакционной статье «Наши цели и задачи» были резко очерчены просоветские, коммунистические позиции газеты в духе непримиримой идеологической борьбы тех времён.

В 1934 г. газета предоставляла свои страницы Прогрессивному обществу духоборов в Канаде. В 4-х номерах «Канадского гудка» был помещён «Белорусский уголок» на белорусском языке. Но его убрали, так как не поступило никаких откликов. Уже упоминавшийся В. Жук – Гришкевич писал, что «беларусы просто игнорировали эту российско-коммунистическую западню» **[2, с. 212]**.

Движение рабочих клубов расширялось. С 1933 г. они уже назывались Русскими рабоче-фермерскими клубами (РРФК) имени М.Горького. В 1934 г. функционировали 47 клубов, 10 из них были организованы среди духоборов, которые в основном проживали в сельской местности. Ежегодно проходили съезды РРФК, как правило, в Виннипеге, в которых участвовало от 20 до 50 делегатов от каждого действующего клуба. Всего состоялось 8 съездов, последний прошёл в октябре 1938 г. Клубы пытались создавать русские школы, оказывали помощь забастовочному движению **[4, с. 126-185]**.

80 членов РРФК отправились в рядах канадских отрядов сражаться на стороне республиканского правительства Народного фронта в гражданской войне в Испании в 1936 – 1939 гг. Среди них был Назар Демьянчук – комиссар пулемётной команды, погибший в 1937 г., которого знала вся республиканская Испания. Он был членом РРФК Виннипега. РРФК подарили испанским бойцам санитарный автомобиль, который передали через знаменитого канадского врача, сражавшегося на стороне республики – Нормана Бетюна **[4, с. 171]**.

Вторая мировая война подвела черту под деятельностью Русских рабоче-фермерских клубов. Они и газета «Канадский гудок» были закрыты.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз уже 23 июня 1941 г. активисты русских клубов приняли решение об организации комитетов помощи СССР – Родине, как они с уважением подчёркивали. Первый комитет был организован в Монреале 17 июля. Среди его организаторов были лидеры РРФК, выходцы из Западной Беларуси Окулевич, Ясный, Каузов. 21 сентября 1941 г. 26 комитетов только восточных городов Канады провели в Торонто конференцию. Главным докладчиком на ней был Григорий Окулевич. В своём докладе он поставил вопрос, горячо поддержанный всеми делегатами, о необходимости издания в Канаде русскоязычной газеты. 6 ноября 1941 г. вышел первый номер новой газеты «Вестник». Его редактором был М. Ясный,

администратором И. Шаринский. В 1957 г. Шаринский вернулся на родину, в Минск. Вскоре в 1969 г. он опубликовал книгу своих воспоминаний «Странствия по Канаде» **[10]**. Самое деятельное участие в издании принимал Г. Окулевич, фактически являясь её соредактором **(НАРБ. Ф. 914. Оп. 1. Д. 18, Л. 8)**.

Газета «Вестник», став трибуной для обмена информацией, сплотив своих читателей, подготовила почву для создания новой единой структуры. С 30 по 31 мая 1942 г. в Торонто прошёл 1-й всеканадский русский съезд, на котором была учреждена Федерация русских канадцев (ФРК). На 2-ом съезде ФРК был принят устав, в котором чётко сформулированы цель и задачи организации. Было провозглашено, что федерация «является общественной культурно – просветительской организацией, не примыкающей ни к какой политической партии». На 1-м съезде председателем ФРК был избран И. Грибань, национальным секретарём – Г. Окулевич, финансовым секретарём – Т. Курбан **(НАРБ. Ф. 914. Оп. 1. Д. 18, Л. 8)**. Официально ФРК была зарегистрирована лишь в 1947 г. **(НАРБ. Ф. 914. Оп. 1. Д. 13, 17, 18, 22)**.

Главным делом только что созданной организации стала кампания по сбору средств для борьбы с фашизмом. Помощь направлялась преимущественно на медицинские цели. По подсчётам ФРК, к 25 мая 1942 г. русские канадцы пожертвовали в фонд медицинской помощи 7 396 010 долл. Летом 1942 г. ФРК организовала кампанию по сбору средств на закупку 1 тыс. больничных коек с полным комплектом белья **[4, с. 211]**.

Многие члены ФРК записывались добровольцами в канадский армейский корпус. Об одном из них, Филиппе Тарасенко, командир канадского полка, в котором он служил, писал в письме к его сестре: «Он был храбрым бойцом. Проявлял мужество самой высшей степени. Он всегда думал больше о других, чем о себе, был неутомимым, боеспособным, уверенным и весёлым. Зная его таким, каким я видел его, я понял, что сделало русский народ великим народом. Лучших людей нельзя отыскать» **[5, с. 21]**. Среди добровольцев был и Григорий Окулевич.

В июне 1945 года Г. Окулевич вернулся в Канаду, и по его инициативе Главное правление ФРК закупило 2 000 наручных швейцарских часов в подарок медицинским работникам Красной Армии. ФРК направляла свою помощь Советскому Союзу вплоть до 1947 г., когда в кассе Главного правления в фонде помощи родине остались 161 долл. 20 центов. В 1947 г. ФРК направила в Минск 4 комплекта рентгеновских аппаратов: 1 для университетской клиники и 3 на усмотрение Министерства здравоохранения Белорусской ССР. Также были отправлены 9 рентгеновских флороскопов в Пинск, Ковель, Кобрин, Пружаны, Барановичи, Ровно, Брест. ФРК гордилась ещё одной посылкой, состоявшей из 150 ящиков оборудования для колхозных кузниц Беларуси и Украины **[4, с. 227, 244, 245]**.

Первые послевоенные годы были лучшим временем для ФРК. В декабре 1946 года Г. Окулевич представлял ФРК в славянской делегации Канады, состоявшей из 8 человек, которая приняла участие в работе Всемирного славянского конгресса в Белграде. В рамках программы конгресса Окулевич совершил большое турне по городам Советского Союза, прежде всего родной Беларуси, побывал в Москве, Киеве, Минске, Барановичах, Слониме, Кобрине, Пружанах, некоторых белорусских сёлах. Своими впечатлениями он щедро делился с читателями «Вестника» в большой серии статей. А в начале 1947 г. Окулевич совершил турне по городам Канады и США, где выступал с докладами об СССР перед представителями славянской диаспоры **[4, с. 249]**.

Богатым на юбилеи стал для русских канадцев 1951 год. ФРК отмечала 20-летие русских рабоче-фермерских клубов имени М. Горького

и выхода в свет газеты «Канадский гудок», 10-летие деятельности ФРК и её печатного органа – газеты «Вестник». В сентябре 1951 г. состоялся 5-й съезд ФРК, который тоже посчитали юбилейным. С главным докладом как всегда выступил Григорий Окулевич. Как секретарь он подвёл итоги работы федерации, которые, по общему мнению делегатов, были весьма внушительными. Это, прежде всего, касается численности федерации. Эти данные весьма противоречивы. В архивных документах, сообщающих об этом съезде, встречается число 2200 членов **(НАРБ. Ф. 914. Оп. 2. Д. 8. Л. 3)**. А. Черкасов в своём исследовании «Русские канадцы» приводит данные о 22700 членов в 1949 г. **[9, с. 93]**. Несмотря на такой разброс в числах, можно понять уверенность делегатов съезда: для них, привыкших оперировать десятками, любое число, выраженное в тысячах, было по – настоящему огромным. Как свидетельствуют документы, в 1951 г. в Канаде насчитывалось 190 тыс. русских по стране рождения и 39 тыс. по языку **[1, с. 100]**. Российская диаспора сохраняла политическое деление с послереволюционных времён, более того пополнилась перемещёнными лицами времён Второй мировой войны. Среди этих людей было много недовольных советским строем и коммунистической идеологией. ФРК расценивалась ими как просоветская организация, «рука Москвы», более того, как имперская русская структура, отнимающая у других народов их национальную самобытность. Они создавали свои национальные общества. Именно в это время, в конце 1940 – начале 1950-х гг., были учреждены белорусские национальные организации – «Згуртаваньне беларусау у Канадзе» (ЗБК), «Беларускае Нацыональнае Аб'яднаньне у Канадзе» (БНА). Федерация же по – прежнему объединяла в своих рядах преимущественно иммигрантов 1920 – 1930-х гг., выходцев из Западной Беларуси и Украины и практически не пополнялась новыми людьми.

В 1950-е гг. в Канаде функционировали 46 отделов (отделений) ФРК, 25 из которых считались крупными с широко развитой культурно – просветительской работой **(НАРБ. Ф. 914. Оп. 1. Д. 13, 17, 18, 22)**. Как правило, отделы имели свои правления, при которых были организованы различные комитеты: например, школьный, хозяйственный, культурно – просветительный, концертный, фильмовый, больничный, комитет по устройству банкетов, пикников, базаров и др. Крупные отделы приобрели в свою собственность помещения, которые назывались Русские народные дома. Почти при каждом отделе ФРК была создана библиотека советской литературы, которая приобреталась Главным правлением в СССР по каналам «Международной книги» и Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) в основном бесплатно. Библиотеке Русского народного дома в Торонто было присвоено имя Янки Купалы. Большим спросом в библиотеках пользовались красочные альбомы и грампластинки, была даже налажена их продажа. Библиотеки формировали передвижные фонды, которые были очень популярны, например, в сезонных лагерях лесорубов. Газета «Вестник» регулярно информировала своих читателей о новых поступлениях в библиотеки. В Торонто на Колледж – стрит работал магазин советских товаров, в том числе книжной и сувенирной продукции, с характерным названием «Тройка». Продавцы этого магазина могли общаться со своими покупателями на английском, русском, украинском и белорусском языках. ФРК часто заказывала через ВОКС книги и сувениры для этого магазина.

Со временем в отделах ФРК утвердились следующие формы работы: один раз в неделю в Русских народных домах показывали советские фильмы, раз в месяц проводились лекции о международном положении. В основном лекторами были коммунисты из Главного правления ФРК. К лекциям приурочивались фотовыставки. Один раз в 3 – 4 месяца члены Главного правления устраивали поездки по своим филиалам, встречи

и беседы по этому поводу тоже становились важными мероприятиями. Проводилось и много других мероприятий, кампаний, налаживались тесные связи с ВОКС и его Белорусским филиалом - БелОКС, осуществлялись обмены делегациями, отправка на учёбу в СССР молодёжи, различные совместные проекты.

Однако, концу 1960-х гг. след ФРК полностью исчезает в документации БелОКС, что свидетельствует о закате ФРК.

Федерация медленно таяла. На очередных съездах ФРК докладчики всегда отмечали уменьшение общей численности, сокращение количества отделов, закрытие русских школ, кружков, клубов. Молодёжь, получая канадское образование, естественным образом «канадизировалась». Уходили из жизни основатели ФРК, те люди, на чьём энтузиазме, преданности СССР, искренней вере, бескорыстном труде держались организация и газета. 28 октября 1974 г. скончался бессменный национальный организатор федерации Григорий Романович Окулевич. ФРК не то, чтобы осиротела, она лишилась своей души.

У федерации не было конкретной даты роспуска или упразднения. В конце 1980-х гг. членами ФРК ещё считали себя около 1 тысячи человек **[9, с. 93]**. Федерация исчезала, сходила на нет. Но от неё оставались, на её питательной почве прорастали разнообразные культурно – просветительские кружки, центры, Русские школы. Когда в сентябре 1999 г. в Торонто была открыта Русская воскресная школа, её директор Оксана Мирошниченко подчеркнула, что школа не открывается, а возрождается после 20-летнего перерыва, подхватывая эстафету у Федерации русских канадцев **[7]**.

Но следует помнить и белорусские корни русской диаспоры в Канаде. Те белорусы-эмигранты первой половины XX в. считали русских и украинцев своими братьями, для них было вполне естественным объединяться в единые организации с названием «русский». Чувство славянского единства на чужбине становилось ещё крепче. Более того, оно подкреплялось и классовой солидарностью. В белогвардейские организации объединялись дворяне, рабочие и крестьяне шли в рабочие клубы. Вполне естественным было и то, что эти клубы и ФРК откликались на коммунистическую, просоветскую пропаганду. Крестьяне и рабочие из Западной Беларуси никогда не жили в СССР, уезжая из Польши, скрываясь от польского гнёта, многие из них сохранили память о России, и теперь неведомая для них страна победившей революции, социализма, казалась им светлой мечтой, воплощением идеалов простого рабочего человека. Искренняя вера в эту страну, в выбранный ею социалистический путь согревала жизнь наших соотечественников в далёкой Канаде.

◆

Литература

1. Голубева – Монаткина, Н.И. О современной языковой культуре потомков русских эмигрантов в Канаде / Н.И. Голубева – Монаткина // США * Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 10. С. 97-103.

2. Жук – Грышкевич, Р. Жыцьце Вінцэнта Жук – Грышкевича / Р. Жук – Грышкевич. Торонто, 1993. 520 с.

3. Как живёшь, белорусская диаспора? [Электронный ресурс]. URL: http://

www.belarustime.ru/print/belarus/culture/diaspore. [Дата обращения: 8.07.2010]

4. Окулевич, Г. Русские в Канаде / Г. Окулевич. Торонто: Издание ФРК, 1952. 357 с.

5. Прокша, Л. По обе стороны океана / Л. Прокша. Минск.: Полымя, 1968. 98 с.

6. Рудницкий, А.Ю. Другая жизнь и берег дальний … Русские в австралийской истории / А.Ю. Рудницкий. М.: Наука, 1991. 192 С.

7. Русскоязычная община Канады [Электронный ресурс]. URL: http:// canada.mobile.ru. [Дата обращения: 10.08.2010]

8. Сороко – Цюпа, О.С. История Канады / О.С. Сороко – Цюпа. М.: Высшая школа, 1985. 304 с.

9. Черкасов, А.И. Русские канадцы / А.И. Черкасов // США * Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 92 – 105.

10. Шаринский, И. Странствия по Канаде / И. Шаринский. Минск: Полымя, 1969. 134 с.

УДК 323.396(71)

Бакулина А.А.

К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918 – 1945 гг.)

To the question about government`s regulations of the position of russian emigrants in Manchuria (1918 – 1945)

Работа посвящена анализу эволюции политико-правового статуса российских эмигрантов в Маньчжурии в период 1918-1945 годов. Выявляются причины и факторы, которые обусловили изменения в государственном регулировании положения россиян в указанном регионе, характеризуется социально-сословный состав эмигрантов и их позиция по отношению к указанным изменениям.

Ключевые слова: *российская эмиграция, Маньчжурия, политико-правовой статус*

◆

The work is devoted to the analysis of evolutions of the politician-legal status of russian emigrants in Manichzhurii in the period of 1918-1945, reasons and factors which have conditioned the changes to the government`s regulations of the position of Russian emigration in this region are also observed.

Key words: *russian emigration, Manchuria, political-legal status*

В современных научных исследованиях понятие «эмиграция» включает в себя разные виды перемещения населения: миграции, иммиграции, существенным фактором, определяющим статус которых является международно-правовое и внутреннее государственное регулирование положения эмигрантов в разных странах.

С точки зрения международного права вся история эмиграции делится на два периода: до возникновения международного правового регулирования, т.е. до начала Первой мировой войны, и после формирования, т.е. после её завершения **[11, с. 64]**.

Международное и государственное правовое регулирование положения российских эмигрантов в Китае было обусловлено освоением российскими подданными Дальнего Востока Российской империи при отсутствии точной границы между Россией и цинским Китаем, что способствовало появлению с начала XVII в. русских в соседнем Китае. Строи-

БАКУЛИНА Анжелика Александровна, к.полит.н., доцент кафедры регионоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** anzhelika-bakulina@yandex.ru

тельство Китайско-Восточной железной дороги (1898 – 1903 гг.) стало мощным фактором, способствовавшим заселению Маньчжурии и постепенному формированию российской диаспоры в Северо-Восточном Китае.

Строительство КВЖД повлияло на увеличение потребности в рабочих кадрах, в связи с чем приток россиян постоянно увеличивался. По окончании строительства КВЖД на службе дороги насчитывалось 39071 чел., из них 18123 – русских и 20948 – китайцев **[4, с. 64]**.

Окончание русско-японской войны, гражданская война в России обусловили подъём эмигрантской волны. Вторая волна переселения русских в Китай, более многочисленная, чем первая, была связана с Октябрьской революцией в России, когда беженцы в зоне отчуждения КВЖД стремились найти не только работу, но и привычный русский уклад жизни.

Как вспоминает Иванов Вс.Н., «Я думаю, что Китай, принявший в пору 1920 года большую порцию, тысяч до 200, «беженцев из России», предоставил им такие условия, о которых они могли разве что мечтать… Работали все инженеры, врачи, доктора, профессора, журналисты. Все могли делать что угодно» **[7, с.14]**.

В целом русскоязычное население Маньчжурии в послереволюционный период подразделялось на несколько групп:

- ♦ бывших подданных Российской империи;
- ♦ советских граждан, направленных в Манчжурию на административную работу в учреждениях Советской России;
- ♦ советских подданных из числа старожилов и беженцев, оформивших в местных консульских учреждениях гражданство СССР, чтобы не лишиться экономической базы, которой продолжала оставаться для них КВЖД;
- ♦ эмигрантов-беженцев, оформивших китайское гражданство, отказавшись от советского, что давало равные права и льготы для работы как на КВЖД, так и в системе китайских учреждений;
- ♦ эмигрантов-беженцев, оказавшихся на положении «бесподданных», так называемых «белых русских», которых было немного больше, чем советских подданных. Они являлись апатридами, т.е. лицами без гражданства, поскольку статус граждан Российском империи они утратили, советского и китайского гражданства не приобрели, в связи с чем их правоспособность была ограничена, и они не подлежали дипломатической защите как иностранцы других государств в силу международных договоров.

Помимо различного статуса, ярко была выражена классовая дифференциация: дворяне, помещики, капиталисты и чиновники составляли среди эмигрантов меньшинство, а в большинстве это были люди разных свободных профессий **[10, с. 286]**. Таскина Е.П. вспоминает: «Она (эмиграция) представляла все слои дореволюционной России со свойственными ей привычками, нравами и иерархическими социальными отношениями. Правда, борьба за существование «отнивелировала» у многих былые претензии» **[13, с. 41]**.

Дифференциация правового положения была связана с отменой в 1920 г. экстерриториальности царской России, которая существовала на данной территории в связи со строительством и последующей эксплуатацией КВЖД, вследствие чего между Советской Россией и Китайской Республикой был заключён ряд соглашений. Экстерриториальность царской России была отменена после взятия административных функций по управлению КВЖД китайскими властями 14 марта 1920 года согласно декрету президента Китайской Республики от 23 сентября 1920 года, который гласил: «Китай … перестаёт … признавать российских Послан-

ников и консулов», поскольку «они … уже утратили свой представительный характер и поистине не имеют оснований продолжать исполнять лежащие на них ответственные обязанности» **[9, с. 165]**.

Вышеуказанный декрет был признан и Советской Россией, правительство которой 27 сентября 1920 года обратилось к Правительству Китайской Республики с официальным заявлением об отказе от прав экстерриториальности и возвращении концессии Китаю «безвозмездно и на вечные времена» **[5, с. 213-216]**. В 1920-1922 гг. полоса отчуждения КВЖД официально считалась частью ДВР, но фактически хозяином на данной территории являлся милитарист Чжан Цзолин.

Отказ советского правительства от специальных прав и привилегий, в том числе от прав экстерриториальности в районе КВЖД, которая объявлялась коммерческим предприятием, управляемым Китаем и СССР, обусловил изменение политико-правового статуса русских в Маньчжурии. Так, согласно декрету был закрыт русский суд, а вместо него был создан китайский суд для русских, в котором для разрешения юридических споров среди российских поселенцев делались попытки применять китайское законодательство, что нередко приводило к недоразумениям. Помимо китайских судов действовала китайская полиция, охрана, административные органы управления КВЖД, китайские органы управления образованием, в связи с чем проводилась китаизация русской школы.

Указанные обстоятельства усиливали нестабильность положения российских эмигрантов, осуществляющих связь со страной своего происхождения опосредованно, путём создания русской школы, сознательной актуализации русских национальных обычаев, издания русскоязычной литературы Китайские власти ограничивали развитие социокультурных и административных институтов российских эмигрантов.

Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан, утверждённые Советом Министров Китайской Республики 30 октября 1920 года, устанавливали ограничения районов проживания русских эмигрантов. С 31 октября 1920 года полоса отчуждения КВЖД стала именоваться Особым районом Восточных провинций (ОРВП). Президентским декретом от того же числа для ведения там дел русского населения были организованы судебные учреждения, институт иностранных советников, был принят особый порядок гражданского и уголовного судопроизводства. Лишь нотариат там оставался русским, поскольку такой институт в Китае отсутствовал **[12, с. 143]**.

Таким образом, события 20-х годов XX века обусловили изменения в государственном регулировании политико-правового статуса российских эмигрантов в Маньчжурии, ухудшив их положение по сравнению с ранее установленным. Бесподданство русских поселенцев определило отсутствие возможности для защиты ими своих прав и интересов перед китайской администрацией, которая, воспользовавшись возникшей ситуацией, ужесточала требования к российским поселенцам и вводила новые ограничения, что было связано с негативным отношением китайских властей к российской колонизации Маньчжурии и опасением возможности «экспорта» революции из Советской России.

Так, в рассматриваемый период китайскими властями осуществлялись введение новых налогов русским предприятиям, установление поборов и штрафов, введение обязательного института поручительства китайскими гражданами юридических сделок, необоснованное заключение под стражу русских поселенцев и длительное рассмотрения уголовных дел, возбуждённых в отношении эмигрантов, необоснованные обыски на квартирах русских граждан. Как пишет Иванов Вс.Н., характеризуя ситуацию в данном регионе в указанный период, «… китайский

закон в основе своей очень жесток, – действительно, нарушивший его платит, и платит жестоко … китайцы всегда брали поборы, – это уж так повелось» **[7, с. 14]**.

Жао Лянглун, характеризуя отношение китайской администрации к российским эмигрантам, отмечает, что «в Харбине местная власть в большинстве случаев отзывчиво относилась к белым, а враждебно – к Советской России и советским эмигрантам»; раскол в связи с событиями в России наблюдался и среди русских поселенцев **[10, с. 287]**, которые, по свидетельству уроженца Маньчжурии Л.И. Чугуевского, «в большинстве своём советскую власть так и не приняли» **[14, с. 119]**.

Несмотря на разногласия среди эмигрантов, их острая необходимость в материальной и правовой поддержке обусловила создание в феврале 1923 года Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), который до 1934 года был единственной в Маньчжурии общеэмигрантской благотворительной организацией, разрешённой китайскими властями. Несмотря на то, что ХКПРБ был определён его создателями как «общественная аполитичная эмигрантская организация», его программные документы носили антисоветский характер. Кроме ХКПРБ заботу об эмигрантах пытались осуществить церковные приходские советы, мужские и женские монастыри, родительские комитеты учебных заведений, общество инвалидов.

Несмотря на деятельность общественных организаций, пытающихся улучшить положение российской диаспоры, отсутствие дипломатических отношений между Китаем и ДВР усиливало неопределённость статуса русских эмигрантов, что усугублялось правовым хаосом. Единственный советский юристконсульт в аппарате юридической службы КВЖД Е.А. Трупп писал в заявлении Далькрайкому ВКП (б): «Здесь одновременно действуют и некоторые дореволюционные российские законы, и очень несистематизированное китайское законодательство, в некоторых случаях – советские законы, всякие правила внутреннего распорядка самой дороги, местные обычаи,…причём в целом ряде случаев многочисленные отдельные вопросы разрешаются с точки зрения действующих норм международного и конфликтного права, что ещё более запутывает и осложняет» **[12, с. 147]**.

Попытка государственного регулирования положения российских эмигрантов была предпринята подписанием Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31.05.1924, статья XII которого подтвердила отказ советской стороны от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции для своих граждан на китайской территории, и отнесла решение всех вопросов, не связанных с управлением дороги, к прерогативе китайских властей.

Поскольку Китай был политически раздроблён, и Чжан Цзолинь, фактически управляя Маньчжурией, не признавал пекинского центрального правительства, и вышеуказанного соглашения, советская сторона подписала 20.09.1924 с фактическим правителем данного региона Мукденское соглашение, дублирующее соглашение от 31.05.1924. Принятые соглашения определили изменение политико-правового статуса русских эмигрантов, обусловив его ухудшение, связанное с ограничением правоспособности представителей российской диаспоры как апатридов, изменением подведомственности административных органов и государственных учреждений, осуществляющих функции управления территорией Маньчжурии.

С 1932 г. начинается новый период в истории русской колонии в Маньчжурии, связанный с оккупацией территории четырёх северо-восточных провинций Китая Японией и созданием там марионеточно-

го государства Маньчжоу-го. Е.П. Таскина называет японскую оккупацию Маньчжурии «очередным серьёзным политическим событием» **[13, с. 41]**.

Русская колония вызывала большой интерес у японских оккупационных властей как союзник в борьбе против СССР, однако согласие внутри русской колонии вследствие различного статуса эмигрантов (советские граждане; «бесподданные»; русские эмигранты, принявшие китайское гражданство)) и дифференциации их на категории по экономическому и политическому факторам, наличия разногласий между группировками и их лидерами, отсутствовало, несмотря на неоднократные предпринимаемые попытки изменить ситуацию.

Проблема консолидации российской эмиграции для усиления контроля над эмигрантами и объединения усилий антисоветски настроенных группировок была решена японскими оккупационными властями в административном порядке путём создания 28 декабря 1934 года указом правительства Маньчжоу-го Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), в функции которого входило «руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учёта эмигрантского населения», **[2, с. 105]** причём регистрации в БРЭМе подлежали все русские, проживающие в Маньчжурии, независимо от гражданства. Структура Бюро развивалась с течением времени, усложняясь как по вертикали, так и по горизонтали. Во второй половине 30-х гг. XX века отделения и представительства Бюро функционировали во всех городах и других населённых пунктах, где проживали российские эмигранты. **[2, с. 105]**. Первым председателем БРЭМ был генерал-лейтенант В.В. Рычков, преемником которого стал генерал – лейтенант А.П. Бакшеев, затем – генерал от кавалерии В.А. Кислицын.

В целом же, как отмечал один из самых активных сотрудников Бюро К.В. Родзаевский, БРЭМ было «фактически русским отделом японской военной миссии», **[1, с. 308]**. Фактически этот орган был орудием в руках японцев, однако с течением времени эмигранты осознали значение этой организации в своей жизни: с появлением БРЭМ как признанного японскими властями русского общеэмигрантского центра они приобрели определённый правовой статус, своеобразное правительство, которое защищало их права и интересы перед властями в рамках, возможных в условиях оккупационного режима. Без санкции Бюро эмигрант не мог устроиться на работу, открыть предприятие. Выходцы из России были лишены свободы передвижения. В Президиум БРЭМ поступали ходатайства о разрешении выехать в другой город к родственникам, на лечение. Лицам с советскими паспортами сразу же отказывали. Окончательное решение по всем вопросам принимала японская военная миссия.

Японские оккупационные власти, используя указанный орган, взяли под контроль не только административные институты, но и военные эмигрантские организации, которых в 1935 году насчитывалось 18 **[1, с. 312]**, и культурные учреждения, созданные русскими ранее. Как отмечает уроженец Маньчжурии, историк Л. Чугуевский «пугало и то, что второй (Культурно-просветительский) отдел Бюро, в ведение которого передавались все эмигрантские учебные заведения, будет способствовать внедрению японской идеологии в сознание российской молодёжи» **[14, с. 121]**. Все русские учебные заведения находились под контролем БРЭМа, и осуществлялась японизация системы образования Маньчжурии. Так, Положение о национальном образовании и воспитании в рус-

ской школе предполагало кроме изучения предметов о России изучение правовых норм, быта, государственного устройства Маньчжурской империи и Японии, их истории и географии.

С 1939 г. при содействии БРЭМа в Харбине русские поселенцы в принудительном порядке посещали кружки для изучения японского языка, а с марта 1941 г. вся эмигрантская молодёжь была обязана изучать государственный язык Маньчжоу-Ди-Го **[6, с. 203]**. Большое внимание японцы уделяли молодёжи, которая привлекалась к участию в различных военизированных кружках, спортивных мероприятиях.

Политику Японии в Маньчжурии поддержали белоэмигранты, которые с её помощью готовились к свержению советской власти в случае возвращения на родину. Такое настроение среди части белоэмигрантов сохранялось до конца Второй мировой войны.

В целом вся политика японского командования и зависимого от него правительства Маньчжоу-го на протяжении 1932 – начала 1935 гг. была подчинена вытеснению СССР с КВЖД. Ярко это стремление проявилось в массовых незаконных арестах советских граждан – служащих дороги для последующего назначения на их должности угодных японцам и местным властям эмигрантов. Затем была прекращена выплата пенсий бывшим работникам КВЖД. В этой ситуации, когда провокации в зоне дороги начинали перерастать в советско-японский конфликт, а КВЖД стала убыточной, для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке советское правительство решило пойти на переговоры с правительством Маньчжоу-го о продаже КВЖД.

Сложные переговоры завершились подписанием «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-го об уступке Маньчжоу-го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» в Токио 23 марта 1935 года, которое очередной раз изменило жизнь КВЖД и статус российских эмигрантов, проживающих в регионе.

Соглашение ущемляло материальные интересы советских служащих КВЖД. Так, пенсионерам железной дороги или лицам, имевшим право на получение пенсии (работавшие более 10 лет на КВЖД), полагалось единовременное пособие, равное сумме, подлежащей ежегодной выплате в качестве пенсии, помноженной на 8,5 – вместо ежегодной пожизненной пенсии. Помимо этого, с 1 января 1937 года маньчжурские власти прекратили вовсе выплаты пенсий бывшим служащим КВЖД **[1, с. 292]**.

В целом права советских служащих указанным Соглашением были ограничены, имущество дороги, созданное за 22 года её практической деятельности, досталось правительству Маньчжоу-го за невысокую сумму. Выкупная сумма за КВЖД на 2/3 состояла из товаров, ассортимент которых был навязан Японией **[1, с. 274-275]**. Согласно статье III указанного Соглашения все старшие должностные лица администрации КВЖД сразу же освобождались от своих обязанностей. Служащие КВЖД после их увольнения имели право оставаться в Маньчжоу-го в течение 2 месяцев для устройства личных дел. Указанное требование обусловило массовый выезд советских рабочих и служащих дороги, которых заменили японцы и русские эмигранты. Из-за вытеснения русского труда с КВЖД сложился большой контингент безработных.

Однако подписание Соглашения не помогло изменить характер советско-маньчжурских отношений: конфликтные ситуации продолжали периодически возникать, маньчжурские власти массово нарушали права советских железнодорожников, устраивали гонения над ними, в связи с чем советская сторона приняла решение закрыть движение на

участке Гродеково-Пограничная. Маньчжурские власти также препятствовали открытию советской школы и больницы, переданных согласно статье V Соглашения для нужд советской колонии в Харбине, а впоследствии, после их открытия, 1 мая 1938 г. группа японцев и русских эмигрантов учинила погром в советской школе в Харбине **[1, с. 290]**.

С началом «Великой Азиатской войны» жизнь в Маньчжурии осложнилась. Условия повседневной жизни русских поселенцев ухудшились: была ужесточена налоговая политика, увеличены арендные платежи за проживание в муниципальных домовладениях, принят Гражданский кодекс Маньчжоу-Го (1 декабря 1937 г.), контролирующий процесс ценообразования на рынке жилья, что подрывало экономическую стабильность русских домовладельцев. Усугубилась проблема снабжения продовольствием русского населения. Для идеологической обработки населения была создана организация Кио-Ва-Кай, главным направлением работы которой была антикоммунистическая деятельность. В феврале 1943 г. Кио-Ва-Кай выпустила «Генеральные тезисы» своей деятельности, где поставила перед эмигрантами задачу «стать лояльными подданными Маньчжой-Ди-Го» **[2, с. 107]**.

Приход Советской Армии в Маньчжурию в 1945 г. положил начало качественно новому периоду в истории эмиграции, основное содержание которого – массовый исход белых русских из Китая. В результате после капитуляции Японии в 1946 г. советских и российских эмигрантов в Харбине насчитывалось только 29522, а лиц без гражданства – 18448 **[3, с. 255]**, что было обусловлено не только массовым выездом русского населения, но и арестами русских харбинцев сотрудниками управления контрразведки СМЕРШ **[8, с. 123]**. В этот период отъезд русских из Маньчжурии происходил постепенно и завершился только накануне «культурной революции».

Таким образом, КВЖД в качестве объекта международной напряжённости стала причиной того, что статус русских эмигрантов в Китае напрямую зависел от изменения международно-правового статуса дороги: все важнейшие международные соглашения приводили к кардинальным изменениям положения россиян в Маньчжурии. Столкновение разнонаправленных интересов различных политических субъектов, связанное с КВЖД (Франции, Англии, Японии, Советской России, США, политических клик Китая), вызывало усиление напряжённости в регионе, что определяло ухудшение и нестабильность политико-правового статуса русских эмигрантов в рассматриваемый период. Прекращение статуса экстерриториальности русских эмигрантов, проживающих в Манчжурии, обусловило кардинальное изменение их политико-правового положения, ограничило их правоспособность как апатридов.

Установление Японией оккупационного режима в Маньчжурии и создание марионеточного государства Маньчжоу-го обусловило изменение государственного регулирования статуса российских эмигрантов, которые находились под контролем японских властей, создавших ряд идеологических организаций, регламентирующих все сферы жизнедеятельности эмигрантов, и принявших нормативные правовые акты, ухудшающие положение российских поселенцев в экономической, политической и социальной сферах. Государственное регулирование положения российских эмигрантов, находящихся в изоляции в культурном отношении, обусловило их социально-политическое бесправие, невозможность конкурировать с китайцами на рынке труда, их использование для разрешения внутрикитайских конфликтов.

В целом, с 1932 по 1945 г. окончательно завершился процесс перехода русских в Маньчжурии на положение «национального меньшинства», начатый в 20-е гг. китайцами, а с 1945 года вследствие вышеука-

занных факторов начинается массовый выезд российских эмигрантов из Китая.

◆

Литература

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). / Н.Е. Аблова. М., 2004. 420 с.

2. Аурилене, Е.Е. Русские в Маньчжурии: политико-правовой аспект (1932 – 1945 гг.) / Е.Е. Аурилене // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998. С. 104-107.

3. Василенко, Н.А. Китайские исследователи о харбинской ветви российской эмиграции / Н.А. Василенко // Россия и Китай на Дальних рубежах. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 253-256.

4. Василенко, Н.А. Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрали / Н.А. Василенко // Россия и АТР. 2003. № 4. С. 60-75.

5. Документы внешней политики СССР, 1917 – 1944, Т.3. М.: Госполитиздат, 1958. С. 213-216.

6. Дорофеева, М.А. К вопросу об адаптации русского населения в Маньчжурии при японской оккупации / М.А. Дорофеева // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизации. Пятые Крушановские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 197-204.

7. Иванов, Вс.И. Харбин 20-е годы // Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.

8. Капран, И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец X1X в. – 50-е годы XX в.) / И.К. Капран // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 116-124.

9. Куликова, Н.В. О политико-правовом положении русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае (1918 – 1924) / Н.В. Куликова // Россия и Китай на Дальних рубежах. Т. 2. Благовещенск: Из-во Амурского государственного ун-та, 2001. С. 164-168.

10. Лянглун, Ж. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. / Ж. Лянглун // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998. С. 286-289.

11. Сабенникова, И.В. Российская эмиграция 1917-1939: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58 – 80.

12. Сергиенко, В., Аурилене, Е. Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.) / В. Сергиенко, Е. Аурилене // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 142-149.

13. Таскина, Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.

14. Чугуевский, Л. 100-летие Харбина / Л. Чугуевский // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116-122.

УДК 32.001 + 001.98

Елацков А.Б.

Геополитика: наука и мифология

Geopolitics: Science & Mythology

Научная геополитика, геополитическая мифология и псевдонаука рассматриваются как части большой сферы геополитической мысли. Обсуждается проблема их разграничения. Как важная отрасль научной геополитики рассматривается критическая геополитика, препятствующая экспансии мифологии и псевдонауки.

Ключевые слова: *геополитика, геополитический миф, геополитическая псевдонаука, критическая геополитика*

◆

The demarcation problem in the geopolitics is discussed. Geopolitical science, geopolitical mythology and geopolitical pseudoscience are considered as parts of the geopolitical though. The critical geopolitics is presented as an important branch of scientific geopolitics, which prevents the expansion of geopolitical myths and pseudoscience.

Key words: *geopolitics, geopolitical myth, geopolitical pseudoscience, critical geopolitics*

1. Проблемное поле. Вплоть до конца 1980-х годов геополитика в нашей стране объявлялась «буржуазной лженаукой». Через отрицание прошли и такие важные для геополитики научные направления, как политическая география и синергетика. После разрушения идеологических барьеров, отвергавшиеся ранее исследовательские направления быстро заняли важное место в научном и массовом сознании. Находившаяся под официальным запретом геополитика оказалась не причастна к появившимся проблемам страны, одновременно она воспринималась как «идейное оружие империализма» (именно так позиционировала её советская пропаганда), то есть стороны, победившей в холодной войне, а значит эффективное. Это подтолкнуло к массовому некритическому заимствованию западных геополитических подходов. Причём во многих выпущенных учебниках с первых же страниц заявлялось, что геополитика – это теоретическое знание, наука или научное направление. Но не выдавалось ли желаемое за действительное?

ЕЛАЦКОВ Алексей Борисович, к.г.н., доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург*). **E-mail:** abelmail@mail.ru

Между тем, наметившаяся тенденция относить любые размышления на геополитическую тему к «науке» представляет определённую опасность. Тем не менее, критические взгляды на геополитику сохраняются, причём не только в нашей стране, но и за рубежом. Так, видный представитель современного западного общества Д. Сорос зачисляет геополитику в разряд псевдонаук (spurious science), наряду с идеологией «экономического невмешательства» **[11]**. Так насколько же далека от истины была советская пропаганда? Можно ли отличить науку от лженауки на основе каких-либо критериев? Отметим сразу, что на проблемном поле геополитики есть и другие ненаучные игроки, не претендующие, однако, на монопольное владение истиной или выделяемые по иным основаниям (публицистика, обыденное сознание, стратегия как искусство и т.п.).

Определить научный статус геополитики в целом не так просто ввиду её разноплановости и множественности подходов. В общем случае нельзя однозначно утверждать, чем является геополитика: настоящей наукой, мифологией, лженаукой или идеологией. Такова её историческая специфика. Астрономия дистанцируется от астрологии, психология от парапсихологии, химия от алхимии. У геополитики такой противоположности нет – она включает её в себя. Потому лишены смысла периодически возникающие на страницах печати и интернет-форумах споры по данному поводу. Действительно, одна часть геополитики сродни строгой науке, другая – алхимии и эзотерике. Важно эти подходы ясно различать, и осознавать их функции. Как отмечает А.Д. Богатуров, «вульгарных геополитиков-публицистов (к которым он относит «школы» А.Г. Дугина и З. Бжезинского – А.Е.) необходимо отличать от респектабельного течения геополитиков академического направления (Николай Мироненко, Владимир Колосов … отчасти даже Михаил Ильин), к которым примыкает талантливый писатель геополитической темы Вадим Цымбурский» **[2]**. Ниже рассмотрим, какими характеристиками обладают эти противоположности, по каким признакам их можно отличать друг от друга.

2. Мифология. «Геополитическая мифология» – часто используемый термин при описании геополитических идей. И не только в отрицательном смысле. Конечно, такая мифология свойственна многим народам, которых она сплачивает и задаёт систему координат в бурном море внешнеполитических явлений, играя роль идеологии. Это проявление особого политического субъективизма. Но, конечно, к научной геополитике она имеет отношение лишь постольку, поскольку последнюю интересует анализ геополитических картин мира у разных сообществ. В этом смысле геополитические мифы являются реальным фактором геополитики. Так, если предположить, что идея о вечной дихотомии теллурократий и талассократий является лишь ошибочной гипотезой, то включение её во внешнеполитическую идеологию обоих сторон приводит к тому, что такая дихотомия действительно появляется. Только основана она на мифе. Здесь можно видеть, что конструирование мифов способно менять объективную геополитическую реальность, при этом сам миф переходит в новую форму – объективных геополитических отношений идеологического типа. Бум некритичного заимствования в 1990-е годы западных идей привёл к «импорту» старых и складыванию новых геополитических мифов. Особенно это касается классических западных концепций, принимавшихся некоторыми авторами чуть ли не как аксиомы.

Что же такое миф и, в частности, геополитический? Чаще всего выделяют традиционные (в искусстве, культуре) и социальные (в идеологии) мифы. В данном контексте нас интересуют вторые. Вообще, любой миф предстаёт устойчивой системой стереотипов, основанных преимущественно на вере и не подверженных осознанной рефлексии при обыч-

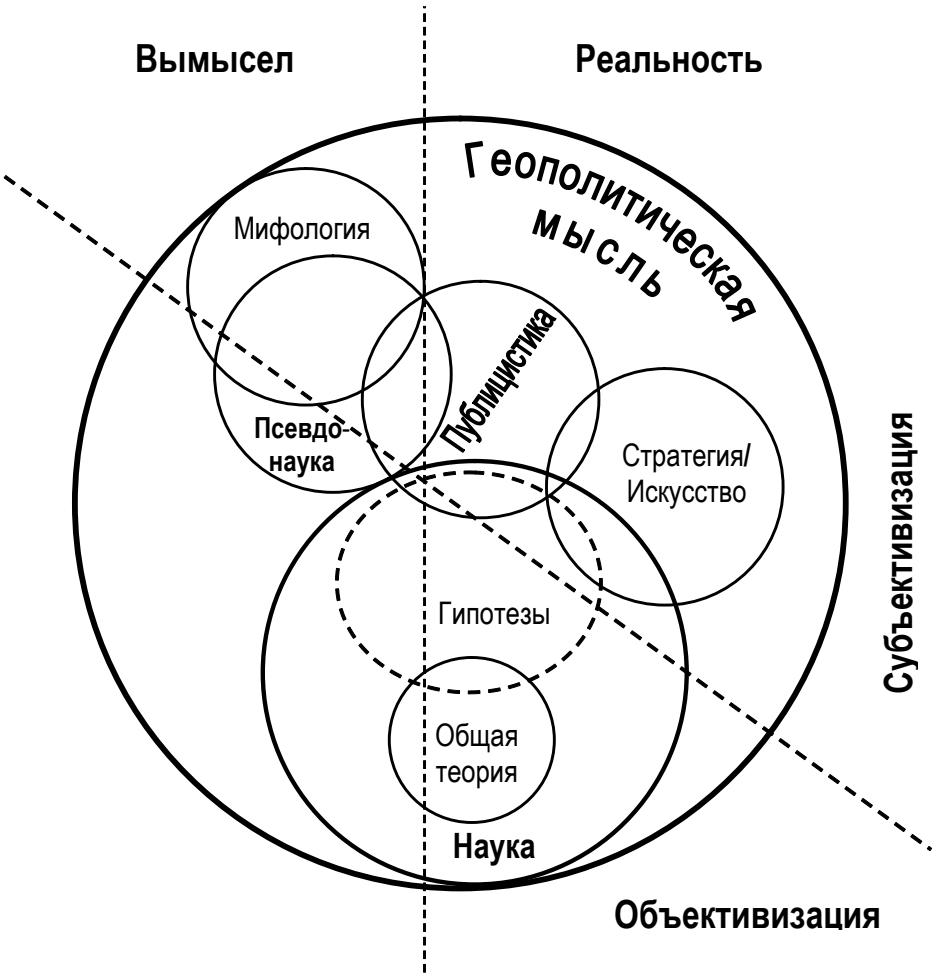

Рис. 1. Соотношение научной геополитики с иными формами геополитической мысли

ном течении жизни **[8, с. 53]**. Так как политический миф «становится достоянием коллективного сознания, он формирует определённое мироощущение, психологические и идеологические установки, обладающие стойкостью предрассудка. Миф устанавливает вымышленные причинные связи между реальными объектами, порождает ложные объекты, … легенды о славном прошлом, … вносит вымышленные отношения в подлинную ткань политических отношений» **[5, с. 184]**.

Миф – сложное, неоднозначное понятие, в древности связанное с персонификацией явлений. Традиционно, мифология – система сакрального «знания», основанная на преданиях (без доказательств, опытных обоснований и свидетельств), часто характеризуется метафоричностью, верой в действие непознанных сил. Применительно к современности, «миф» трактуется очень широко и выступает как один из инструментов манипуляции массовым сознанием (например, выдуманная история нации как объединяющий её миф, мифологема «свои – чужие»). Мифотворчество действует как особый вид пропаганды, где продвигаемые идеи не высказываются явно и логически не доказываются. Зато воспринятая скрытая идея становится органичной некоторому сообществу и, действуя изнутри, оказывает ещё большее влияние. С укоренившимися мифами

ввиду их иррациональности бороться довольно сложно. Миф становится некоей парадигмой, задающей в сознании априорную модель окружающего мира и его фрагментов. Геополитический миф структурирует в сознании политическое геопространство, оказывает влияние на формирование геополитических суждений и формирование национальной мифологии, геополитической картины мира. В отличие от идеологии, миф не догматизируется и может меняться, адаптируясь к обстоятельствам, но сохраняя, при этом, свою структуру. Поэтому он оказывается довольно живуч.

Французский структуралист Р. Барт **[1]** отметил двойное назначение современных мифов: во-первых, они деформируют представления о действительности в соответствии с желаниями и интересами субъекта; во-вторых, мифы вынуждены скрывать свою идеологическую сущность. Поскольку любая идеология стремится к положению, когда её воспринимают как единственно возможную и существующую независимо от субъекта, то и современный миф пытается выглядеть не культурным, а природным явлением. В крайнем выражении происходит натурализация, возведение исторически преходящих явлений в ранг вечных, естественных (как в эту схему чётко укладываются геополитические мифы: агрессия оправдывается «объективными» географическими, то есть опять-таки природными факторами). Форма остаётся, а смысл «испаряется», подменяется другим. Для логики мифа характерна констатация «фактов» вместо объяснения. Р.Барт полагал, что единственным способом освободиться от власти мифа является его анализ и объяснение, что способно разрушить мифологизированные знаки и символы.

Особенность действия мифа в том, что он не скрывает и не афиширует концепт, не лжёт, а только деформирует, искажает его в глазах своего потребителя. В противном случае миф подвергался бы активному разрушению. Среди риторических фигур мифотворчества Р. Барт приводит такие, как: прививка (признать неважные проблемы, чтобы скрыть важные), лишение историчности, тавтология, цинизм («уравновешивание» противоположностей, чтобы отбросить обе), квантификация качества (качественные характеристики упрощаются и легче внедряются в сознание в количественном эквиваленте), констатация факта (как маска очевидности взамен объяснения).

Мифологический образ мышления в значительной степени присущ обыденному геополитическому мышлению. Дело в том, что мифологическим символам свойственна большая эмоциональная насыщенность и образность. Но без мифов не обходятся и другие уровни геополитического мышления – практический и концептуальный.

3. Наука vs. лженаука. Обращаясь к научной геополитике, приходится признать, что понятия научности и истинности не совпадают. Первое, безусловно, шире по содержанию и может включать ложные суждения. Спекулируя этим фактом, на проблемном поле появляется новый союзник мифа – лженаука, разоблачить претензии которой не так просто. Однако подлинно научное знание должно одновременно соответствовать определённым критериям **[4]**. Так, чтобы считаться истинным, оно должно отвечать принципу достаточного основания, то есть всякая истинная мысль должна обосновываться другими мыслями, истинность которых доказана. Кроме того, оно должно быть интерсубъективным, то есть «безличным», воспроизводимым и инвариантным для всякого исследователя. Наконец, научное знание должно быть системно организованным, иметь строгую индуктивно-дедуктивную структуру. Многие геополитические взгляды не удовлетворяют, а иногда и не могут в принципе удовлетворять этим критериям. Геополитическая мифология и лженаука не задумываются о достаточном основании, геополитические

стратегии ангажированы и не «безличны», геополитические лозунги и публицистика не системны. Также многие из предложенных «законов» геополитики являются по своей сути гипотезами, о доказательстве которых их авторы даже не задумываются. Часто эти «законы» можно трактовать как факторы, конкретно-исторические зависимости или закономерности. Однако если авторы стремятся необоснованно придать им универсальное значение, применимое всегда и везде, то начинают формулировать некие лженаучные мифологемы.

Псевдонаучность произвольных геополитических построений выражается в игнорировании «неудобных» фактов, нефальсифицируемости (по К. Попперу, т. е. принципиальная невозможность проверки), неверифицируемости (вместо неё – апелляция к «интуиции», «традиции», эзотерике и т.п.), использовании недостоверных данных, наукообразности языка, догматизме. Предполагаемые эмпирические корреляции не обосновываются адекватным историческим материалом и приемлемой логической моделью объяснения. Важным признаком можно считать также стремление отгородиться от научного «мейнстрима» в целях защиты от критики **[9, p. 361]**, стать «элитарным» направлением. (Ср.: «Только по мере приближения человека к социальной верхушке геополитика начинает обнаруживать для него своё значение, свой смысл и свою пользу» **[3, с. 13]**).

Причины псевдонаучной деятельности и мифотворчества могут быть различны: заблуждение, дилетантизм, коммерческая выгода и т.п. Однако особым случаем является целенаправленная фальсификация данных о геополитических отношекниях (ГПО). Чаще всего это имеет место в пропагандистских целях. Вообще, «избыточная политическая пропаганда обычно и служит порождению и распространению политических мифов» **[5, с. 183]**. Сами такие мифы, конечно же, ненаучны, но вот их использование в общественной жизни вполне может быть научно обосновано (психологические приёмы и т.п.). Целевая фальсификация может выполняться как для камуфляжа конфликтогенных ГПО (для предотвращения осознания противоречий), так и для разжигания противоречий и стимулирования образования новых, актуализации конфликтогенных ГПО (сначала идеальных, а потом и материальных). Особо активной в этом ключе представляется публицистика, не обременённая объективными научными методами. При этом на первый план выдвигаются аргументы против тех или иных ГПО («отрицательные» мифологемы), а вот подлинные целевые ГПО зачастую остаются глубоко замаскированными. Ещё один мотив фальсификации – «подгонка» данных под априорную геополитическую концепцию. Таким был, например, спекулятивный географический детерминизм фашистской геополитики. Фальсификация и мифологизация ГПО может проводиться и для «внешнего потребителя» в условиях межсубъектной конкуренции.

Геополитический миф или псевдонаучное построение оказывается живучим, если находится масса некритически воспринимающих его последователей, для которых он является геополитически выгодным, либо основанным на «авторитетном мнении». Так произошло, например, с некоторыми взглядами Х. Маккиндера. В целом, его концепция имеет адекватное геополитическое обоснование с точки зрения британской гегемонии конца XIX в. Однако он не избежал и мифотворчества, провозглашая знаменитую «триаду» мирового доминирования. Однако именно она была «на ура» воспринята некоторыми отечественными авторами уже в наше время. Этот случай, тем не менее, показывает, что нельзя полностью отождествлять некоторого автора с наукой или псевдонаукой. Важно оценивать конкретные его идеи и концепции. То, что Ньютон интересовался алхимией, не умаляет его достижений в физике.

Важная роль в распространении геополитических мифов и псевдонаучных построений принадлежит средствам массовой коммуникации. «Сопоставление характеристик мифа и массовой коммуникации обнаруживает их подобие, изоморфизм, способность к взаимоусилению» **[5, с. 183]**. Значительное влияние в этом смысле оказывают разного рода псевдодокументальные публикации и фильмы **[9, p. 360]**.

Надо понимать, что многие ошибки, приводящие к «мифотворчеству», происходят вследствие чрезмерного редукционизма, когда некоторые факторы, возможно действительно оказывающие небольшое влияние, обозначаются как ведущие (например, абсолютизация географического детерминизма). Между мифологией и редукционизмом, таким образом, есть принципиальное различие. Такой редукционизм есть реликт зарождавшихся наук времён средневековья, тогда как псевдонаука и мифология по сути своей ненаучны.

4. Проблема разграничения. Можно, казалось бы, утверждать, что геополитические мифология и лженаука представляют собой описание несуществующих, вымышленных или недоказуемых ГПО (но не гипотетических, так как научная гипотеза предполагает потенциальную возможность проверки или опровержения) при игнорировании «неудобных». Однако проблема разграничения с наукой сложнее. Академик Г.И. Абелев отмечал, что «при ретроспективном взгляде на любую нашу область можно видеть, я думаю, не менее 80-90% работ, гипотез и обобщений, в конце концов, не вошедших в сложившуюся систему научных представлений, т.е. формально – ошибочных. Целые области в нашей науке оказались основанными на заблуждениях – например, идеи о ядре у бактерий, разрабатывавшиеся много лет… Но никому и в голову не приходит отнести эти исследования и идеи к псевдонауке» **[цит. по: 6].** В вышеупомянутой статье Д. Сорос также относит «геополитический реализм» к псевдонауке по причине её редукционизма уровня XIX века, ограниченности и неспособности (а, вернее, нежелания) осознать современные реалии, когда государство перестаёт быть единственным и «неделимым» международным игроком, а общие интересы человечества должны превалировать над узко-государственными. Однако ясно, что такая критика, справедливая для некоторых направлений геополитики, не может относиться к геополитике в целом.

Так есть ли критерий, по которому можно отличить научное геополитическое познание (со всеми его ложными гипотезами и ошибками) от псевдонауки? По нашему мнению, да. Только лежит он не в формальной, а в этической плоскости. «Псевдонаука начинается не там, где вынашивают нелепые идеи, громоздят фантазии, заблуждаются. Лжеучёный тот, кто вступает на нечестный путь искажения фактов, подтасовок, кто становится участником или соучастником обмана. Не ошибка ведёт исследователя в зыбкие владения лженауки, а нежелание признать ошибку, вслушаться в инакомыслящую речь, поставить добытый результат на испытание» **[7, с. 195]**. И на основании таких фальсификаций часто получают щедрое финансирование геополитических «проектов» и «Центров исследований», привлекают сторонников, создают политические партии и т. п. «Народный академик» Т. Лысенко в 1939 г., в ответ на вопрос, почему другим учёным не удаётся повторить научные результаты его школы, ответил: «Для того, чтобы получить определённый результат, нужно хотеть получить именно этот результат, если вы хотите получить определённый результат, вы его получите» **[цит. по: 7, с. 208-209]**. В этом смысле, лысенковщина в геополитике вполне процветает. Именно на этом аспекте делали акцент большинство советских словарей, определяя геополитику как лженауку, *оправдывающую* агрессию.

Остаётся важный вопрос: что общество способно противопоставить

экспансии псевдонауки, в том числе псевдонаучной части геополитики? С нашей точки зрения, можно согласиться с мнением, что эффективным средством противодействия псевдонауке был бы *критический* разбор её учений в научно-образовательном процессе вместо обычного игнорирования **[9, p. 357-358]**. Вместе с тем, внутри научной геополитики сложилось новое направление, призванное, в том числе, разоблачать геополитические мифы и лженаучные фальсификации. Это – «критическая геополитика», одним из основателей которой в 1980-х годах выступил американец Дж. О'Туатэйл, первоначально критикуя мифы холодной войны. С его точки зрения, современная геополитическая ситуация не вписывается в бинарные категории «либо–либо», характерные для традиционной геополитики. Такие противопоставления, как: свой/чужой, внутри/снаружи, собственный/иностранный, близкий/далёкий и порождённые ими мифические дихотомии, вроде сухопутная_мощь/морская_мощь, хартленд/римленд и Восток/Запад слишком упрощённы **[10, p. 108]**. Можно также утверждать, что в СССР сложился свой, хотя идеологизированный и односторонний, но аналог критической геополитики. В сфере «критической геополитики» поработали многие видные советские учёные. В современной же России это направление, к сожалению, отодвинуто «в дальний угол» геополитического знания.

◆

Литература

1. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. С.72-130
2. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. Том 2. № 1. Январь – апрель 2004. с. 16-33
3. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. 608 с.
4. Ильин В.В., Калинкин А.Т. Природа науки: Гносеологический анализ. М.: Высшая школа, 1985. 230 с.
5. Политология: Энциклопедический словарь / Под ред. Ю.И.Аверьянова. М.: Изд-во МКУ, 1993. 431 с.
6. Пружинин Б.И. Псевдонаука сегодня // Вестник РАН. 2005. т.75. № 2. С. 117-125
7. Сухотин А.К. Превратности научных идей. М.: Молодая гвардия, 1991. 271 с.
8. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность, 2000. № 1.
9. Martin M. "Pseudoscience, the Paranormal, and Science Education" // Science and Education. v.3. n.4. P. 357-371, Oct. 1994.
10. O'Tuathail G. "Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society" // Geopolitics, Geography and Strategy / Ed. by C. Gray, G. Sloan. London; Portland: Frank Class Publishers, 1999. P. 107-124
11. Soros G. "The Capitalist Threat", The Atlantic Monthly; February 1997. Vol.279. No.2. P.45-58

УДК 396.2 (571.62)

Фадеева Е.В.

Имущественно-правовое положение женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура

The property status and restitution of women in traditional family of native peoples of the Lower Amur

В статье рассматриваются имущественные права женщины (главным образом, права на получение, владение и распоряжение недвижимостью, опеку и попечительство, расторжение брака и право на детей). Анализ приведённых материалов позволяет сделать вывод о том, что обычное право коренных народов, как и весь общественный и семейно-бытовой уклад, имело ярко выраженный патрилокальный характер.

Ключевые слова: *традиционная семья, женщина коренных народов, имущественное положение, правовое положение (реституция), отцовский род*

◆

The article addresses to women's property rights (mainly the right to acquire, own and dispose of property, guardianship, divorce and the right to children). Analysis of the material suggests that the customary law of indigenous peoples, as well as the entire social and family structure of everyday life, had a pronounced patrilocal nature.

Key words: *traditional family, the women of the native peoples, property status, restitution, paternal kin (gene)*

Характеристика имущественных прав женщины даёт возможность, с одной стороны, расширить и детализировать представления о внутреннем строе семейного института коренных народов Нижнего Амура (нанайцев, удэгейцев, орочей, ульчей, нивхов, негидальцев); с другой стороны, - осветить социальное положение женщины в системе взаимоотношений родового общества второй половины XIX – начала XX вв.

Положение мужчин и женщин в родовом обществе, по причине господства отцовского начала, было неравноправно, – женщины от общественной жизни рода отстранялись. Мужская часть рода была наиболее активна, поскольку их деятельность неразрывно связывалась с необхо-

ФАДЕЕВА Елена Викторовна, к.и.н., научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*). **E-mail:** ev_fadeeva@mail.ru

димостью более или менее частого удаления от своего жилища и селения. В то время как женщины практически никуда не отлучались (за исключением однодневных походов для сбора ягод и дикоросов летом) от дома, поэтому они составляли менее активную часть рода. Последние, по причине строгой экзогамности брака, из рода уходили, и вместо них приходили другие женщины, которые становились жёнами поколения братьев. Следовательно, женщины представляли переменный элемент рода, как это впервые было отмечено Л.Я. Штернбергом **[13, с. 355]**, а мужчины – постоянный. Эта закономерность определяла порядок предоставления прав членам родственного коллектива практически во всех областях общественной жизни и семейного быта. Женщина, пока не выходила замуж, как и все остальные невыделенные члены семьи, никаких прав на семейное имущество не имела, поскольку последнее находилось полностью в руках главы семьи, который и использовал его по своему усмотрению.

Имущественные отношения в семейной сфере между супругами были основаны на принципе раздельности имущества. Собственность жены состояла из двух частей: из личного имущества, подарков отца и родственников, сватов, полученных во время и после замужества, всего того, что она изготовила сама (предметы рукоделия и т.п.) и приданого. Эти части различались по назначению, происхождению, правовому положению и выделялись из семейного имущества в отдельный разряд [3, с.145]. В личную собственность женщины входили платья, предметы личного употребления, иногда юрты, все орудия труда женщины и домашняя утварь. Вместе с юртой женщине принадлежала также и постель, то есть подстилка, подушки, спальные мешки, а у осёдлых народов – одеяла и прочие вещи, составляющие постель. У негидальцев, как и у других оленеводческих племён, олени, полученные в подарок от отца при рождении принадлежали женщине, так же как и приплод от этих оленей. **(АМАЭ РАН.Ф. К-2 (Фонд С.М. Широкогорова). Оп. 1. Д. 217. Л. 127-129)**.

Приданое считалось исключительно женским имуществом, являясь своеобразным обеспечением женщины, входящей в новую семью, и гарантией её обеспечения в старости. Женщина могла распоряжаться своей собственностью независимо от мужа и других членов семьи; оно в какой-то мере составляло основу её личной независимости. Большая часть приданого была неприкосновенной, и вещи лежали без применения иногда до самой смерти хозяйки. В этом случае, из приданного изымалась её погребальная одежда для захоронения, а оставшаяся часть приданого раздавалась согласно родовым обычаям **[2, с. 84]**.

После смерти бездетной жены приданое возвращалось её отцу или братьям; остальное имущество переходило в род мужа. При наличии же взрослых детей оно переходило к ним, а если дети были малолетними, то к мужу, обязанному воспитывать их. При наличии нескольких жён их приданое не смешивалось и всегда учитывалось раздельно, чтобы впоследствии досталось детям той жены, за которой оно было получено **[6, с. 19; 13, с. 281]**. Всё остальное находилось в общесемейной собственности, которой распоряжался глава семьи. Ограничивалось и право женщины на пользование приданым, за исключением одежды и обуви. Право жены на приданое вступало в силу только в случае развода или смерти мужа. Все остальные члены семьи до выдела их могли только пользоваться, но не владеть имуществом семьи. У орочей в случае смерти отца главенство в семье переходило при малолетних детях к матери. У нивхов допускались завещательные распоряжения со стороны домохозяина в пользу лиц чужого рода – живущего в семье жены зятя и даже работника. У сахалинских нивхов жена и дети имели право пользования

общим имуществом и право совещательного голоса при решении семейных дел. Калым, уплаченный за девушку, поступал в распоряжение её отца и, частично, её ближайших мужских родственников, она же сама к нему никакого отношения не имела.

У сыновей и дочерей также имелась личная собственность, которой отец произвольно не имел права распоряжаться (олени с приплодом, подаренные родителями или родственниками (негидальцы), подарки и то, что было сделано своими руками). В случае притеснений со стороны отца сыновья в любое время могли отделиться. При выделе жена сына забирала с собой приданое, которое, наряду с личным имуществом сына, составляло экономическую базу новой семьи. Относительная независимость сыновей обусловливалась формами добывания средств существования, не требующих коллективных усилий. По отношению к дочерям отец пользовался деспотической властью **[13, с. 11]**. Последние у нивхов получали в наследство приданое, а иногда в наследовании принимали участие и замужние дочери, особенно если не было наследников мужского пола, или когда мужья купили их за высокую цену **[14, с. 16]**. У ульчей право на часть имущества также имели не только сыновья и жена, но и не замужние, и даже замужние дочери; полученные вещи становились личной собственностью, подобно приданому. Если умерший не имел сыновей, то всё имущество доставалось дочерям, братья покойного получали его лишь в том случае, если были очень близки умершему. В случае если дочери-наследницы были малолетними, братья отца или другие ближайшие родственники брали их к себе, воспитывали и выдавали замуж, а имущество делили между собой. Не выданная замуж девушка сама являлась своего рода имуществом: её после смерти отца в случае раздела братьев присоединяли к тому из них, кому ещё не дали средств на калым, чтобы из полученных за сестру средств он внёс выкуп за свою невесту. Если после смерти отца оставались два сына и дочь, а имущества было мало, то одному брату давали имущество, а другому – сестру. Если же имущества не было вовсе, то дочь отдавали обоим братьям для разделения пополам полученного за неё калыма. При этом она могла жить у того брата, у которого хотела, а расходы по её содержанию несли оба брата одинаково **[11, с. 180; 6, с. 36]**. В моногамной семье недвижимое имущество обычно доставалось младшему сыну, даже если он был ребёнком, но хозяйство до его совершеннолетия за него вела мать. В полигамных семьях недвижимое имущество доставалось младшему сыну от старшей жены, остальное имущество распределялось между детьми остальных жён, учитывая количество детей у каждой из них. Этот обычай напрямую был связан с выделом детей. Если же покойный не имел детей, его вдова, входя в семью брата как «нэкумэде» (согласно обычаю левирата), вносила в неё всё имущество **[9, с. 108-109]**.

У эвенков, негидальцев личной собственностью всегда считались оружие охотника и орудия для обработки шкур, а также верховой олень. К ней относили и приплод от самки, подаренной при рождении ребёнка. Благодаря традиции взаимных браков между двумя родами часть личных оленей жён оставалось в роде матери: несколько оленей, приведённых в качестве калыма, возвращалось в виде приданого дочерей и внучек. Нетрудоспособную мать брал к себе на иждивение обычно младший сын. Олени после смерти главы семьи делились между сыновьями и воспитанниками, дочери же от наследования устранялись. При трудоспособности вдовы покойного имущество не делилось. Возвращаясь к родителям, женщина могла взять только личные вещи. После смерти жены лишь её личные вещи выходили из семьи мужа: часть на могилу, мелочи – её матери или подругам. Домашних животных умершей получали в наследство её дети и муж, или её сестра, если входила, по прин-

ципу сорората, за своего овдовевшего зятя; или же любая другая, вышедшая за него замуж женщина. Если покойная была вдовой, её имущество (главным образом, предметы женского обихода) наследовали её сыновья и дочери **[1, с. 156]**. Оленя, которым пользовалась покойная, иногда также убивали, а его мясо съедали родственники умершей. Если у женщины не было и детей, то её имущество переходило к младшим членам рода её мужа, а именно: животные – к мужчинам, а предметы женского обихода и лично ей принадлежавшие вещи – к женщинам **(АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 139-141)**.

При разводе и возвращении жене приданого муж не обязан был отдавать именно те вещи, которые входили в состав приданого; он должен был вернуть равное количество вещей **[3, с. 146].**

У нанайцев, если из наследников оставалась одна женщина, то она наследовала огород, нарты, луки, собак, сани, все вещи, одежду и украшения. Исключение составляли охотничьи угодья, одежда покойного, которые переходили к родственникам-мужчинам по боковой линии. После смерти мужчины наследовали его дети, прежде всего по мужской линии, возраст сыновей при этом не играл роли; дочери при наличии сыновей не наследовали отцу, но получали от братьев приданое (как бы часть наследства отца). Если после смерти мужчины у него оставались только дочери, то они наследовали имущество отца (замужние и незамужние), несмотря на наличие у умершего родных братьев и сестёр. Но если из двух дочерей одна была замужней, а другая – девушкой, то наследовала последняя. Если после смерти мужчины оставалась одна дочь, девочка, то её брали в дочери ближайшие родственники умершего. Когда она вырастала, то её продавали замуж обязательно в другой род, и она с собой уносила всё, что наследовала от отца. Если у бездетного умершего мужчины оставалась жена, то, несмотря на наличие у покойного братьев и сестёр, наследовала супруга. По своему усмотрению она могла выделить им часть из имущества, но могла и ничего не дать **(АМАЭ РАН. Ф. 5 (Фонд А.Н. и Н.А. Липских). Оп. 2. Д. 74. Л. 140, 143)**. Имущество бездетной вдовы следовало в род её отца. В случае выхода её замуж, имущество её прежнего мужа оставалось в роду её отца. После смерти жены её имущество наследовал муж, затем часть из него выделялась детям. Если детей не было, то супруг наследовал всё сам. Братья и сёстры жены ничего из наследства не получали. После смерти женатого сына мать вместе со своим мужем наследовала его имущество и выделяла половину своей невестке.

В наследовании имущества мужа, если с его стороны не было родственников, принимала участие, кроме детей и братьев, жена. **(АМАЭ РАН.Ф. 5. Оп. 2. Д. 74. Л. 144, 145, 146)**. Если женщина после смерти мужа вторично выходила замуж за мужчину из другого рода (вопреки обычаю левирата), то калым за неё получал род её покойного мужа. При наличии у покойного живых родителей женщина не наследовала оставшегося после мужа имущества. Если она оставалась в роду мужа (не выходила замуж) и у неё были малолетние дети, то к ней переходило управление имуществом покойного, которое считалось принадлежащим детям **(АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 51)**. Если девушка рожала ребёнка до брака, то ребёнок обычно принадлежал роду того человека, который впоследствии женился на этой девушке. Калым был несколько выше обычного в том случае, если у неё рождался сын. Возможным был случай, когда род терял имущество, а именно, если оставшаяся после смерти своего мужа главою семьи женщина имела не сына, а дочь. Она выдавала последнюю замуж за человека, принадлежавшего к другому роду, а её имущество после её смерти и имущество, оставшееся после её покойного мужа, переходило к дочери и зятю, то есть к члену дру-

гого рода. В таком случае зять вступал во владение этим имуществом, как глава семьи, а имущество продолжало сохраняться у семьи. **(АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 53)**.

У орочей, если умирал мужчина, его имущество наследовали сначала родные братья, при их отсутствии, – двоюродные братья. Калым же следовал за женой, так как считался её полной собственностью. И если она в случае смерти мужа уходила из дома, то брала его с собой, а при её смерти калым бросали на её могилу **(АМАЭ РАН. Ф. 12 (фонд Б.А. Куфтина). Оп. 1. Д. 48. Л. 27)**. Таким образом, фактически вдова не являлась наследницей своего покойного мужа. Она скорее представляла собой как бы приложение к наследственному имуществу и, если у неё не было детей, учитывалась при разделе имущества между братьями или другими родственниками покойного. При несовершеннолетних детей она была хранительницей принадлежавшего им отцовского имущества вплоть до их совершеннолетия.

Тем самым, имущество, состоящее из предметов женского обихода, наследовалось женщинами либо принятыми в состав рода, либо рождёнными в нём. Первые, исходя из матримониальных связей двух родов, могли быть сёстрами, тётками и пр. умершей женщины; вторые – её дочерьми или племянницами. В любом случае вопрос относительно такого имущества решался самими женщинами. С точки зрения наследования, замужняя женщина принадлежала к роду своего мужа.

Порядок наследования отличался следующими особенностями. У орочей, нанайцев, нивхов имущество отца и матери переходило в род отца, женщины в наследовании не участвовали. Из этого общего правила имелись исключения. Так, у нанайцев мать при разделе между сыновьями отцовского имущества получала равный с прочими наследниками пай; у нивхов женщинам предоставлялось право наследовать по завещанию. Последнее, думается, более позднее заимствование от соседних народов. Если нивх умирал бездетным или оставлял детей женского пола, то его имущество переходило к тому брату, который вступал в брак с вдовою. У орочей существовало также наследование договорное, основанное на взаимном соглашении между отцом семьи и принимаемым в неё зятем.

В целом, в традиционном обществе дальневосточных этносов прослеживается тенденция ущемления имущественных прав женщины, которая особенно ярко проявляется в бракоразводных процессах. В прошлом разводы у народов Нижнего Амура не редко происходили по инициативе женщины (чаще – у нанайцев, ульчей, нивхов; у удэгейцев и орочей – реже). Тем не менее, расторжение брака для женщины было делом гораздо более сложным и предосудительным, нежели для мужчины. Обычное право признавало следующие основания для развода: нарушение супружеской верности (для мужчин – многократное, для женщин – единожды), более или менее длительное отсутствие супруга, жестокое обращение мужа с женой, связанное с побоями и истязаниями, систематическое пьянство, импотенция мужа, неспособность к деторождению (причём виновной всегда признавалась женщина), неподготовленность жены к ведению хозяйства, её неуважение к традициям домашнего уклада в семье мужа, расточительность мужа. Например, если удэгеец морил жену голодом, избивал и издевался над ней, то она могла забрать свою коробку могэ со швейными принадлежностями и вернуться к отцу **[10, с. 117]**. Основополагающей нормой расторжения брака (как по обоюдному согласию, так и по инициативе одного из супругов) было возвращение калыма мужу, а приданого – жене; то есть происходило расторжение брачного договора путём аннулирования его условий. Эта норма варьировалась в зависимости от обстоятельств и причин разво-

да: если был виноват муж, ему могли отказать в возвращении калыма; если же жена – право мужчины на калым сохранялось. В случае ухода жены от мужа к своим родителям, её отец обязан был возвратить либо калым, либо дочь. Если женщина уходила для сожительства к другому с согласия родителей, последние также должны были вернуть калым. При повторном замужестве женщины её новый муж возвращал прежнему калым, а жена получала своё приданое **[3, с. 150]**. Дети, согласно обычному праву, после развода родителей оставались в роде мужа, за исключением тех случаев, когда они ещё не могли обходиться без матери. Тем не менее, позднее ребёнка всё равно отдавали отцу. Добрачный ребёнок оставался у родителей девушки, когда она выходила замуж, и они воспитывали его, как своего ребёнка **[8, с. 19; 5, с. 5; 7, с. 31, 33; и др.]**.

После развода женщина не могла претендовать на часть семейного имущества. Разводы, хотя и не запрещались обычаем, были крайне редким явлением. Большую роль в этом играла материальная сторона дела: мужья теряли необходимую в семье пару рабочих рук, плюс к этому, на приобретение новой жены требовались большие средства, которые были не у каждого мужчины. Женщину останавливало то обстоятельство, что муж мог потребовать возвращения уплаченного родителям жены калыма, если развод произойдёт по инициативе, или «вине» женщины **(АМАЭ РАН.Ф. 5. Оп. 6. Д. 5. Л. 24)**. К тому же, если родные женщины считали зятя «хорошим», то женщину, убежавшую от мужа, били и отсылали обратно, а муж, в свою очередь, «учил её палкой» **[12, с. 14]**. У нанайцев брак мог быть расторгнут тотчас же, если мать невесты оказывалась недовольна поведением своего зятя **(АМАЭ РАН.Ф. К-2. Оп. 1. Д. 214. Л. 48)**. Измена жены очень редко приводила к разводу. Если женщина находилась одна в жилище, то любой гость мог рассчитывать быть принятым ею, так как муж иногда отсутствовал целые недели и мог случайно оказаться в том же положении, что и любовник его жены («женщина – не еда, её не убудет»). Тем не менее, отношения с иностранцами и с несколькими мужчинами одновременно осуждались («она похожа на сучку – бегает по домам целыми днями и ночами»).

Жена могла требовать развода, если муж дурно с ней обращался, бил, не обеспечивал пищей и одеждой, пьянствовал, удалялся от неё или совсем бросал её и жил с другой женщиной. В таком случае жена сначала просила о вмешательстве род мужа. Если это не помогало, она могла просить официального развода, и в таком случае калым не возвращался. У орочей, если муж обижал жену, отец последней собирал всех окрестных свидетелей и забирал свою дочь обратно, при этом муж терял право на возврат калыма. В случае виновности жены калым возвращался мужу **(АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 82, 105)**. Род мужа мог попросить её, в силу принципа левирата, остаться в качестве жены какого-либо младшего родственника мужа. В случаи доказанности вины мужа суд присуждал отцу жены определённое количество денег или вещей, который, возвращая дочь зятю, брал их в качестве залога за хорошее поведение последнего. У ульчей муж за избиение жены, повлёкшее за собой какие-либо увечья женщины, а также за оскорбление её родственников в качестве платы давал баранью шубу, китайский шёлковый халат дешёвой цены, полотенце, чтобы «утирать стыд», кусок шёлка длиной в 4 сажени и котёл **[12, с. 13; 4, с. 80]**. В случае виновности жены калым подлежал полному или частичному возвращению, а жена при этом теряла и своё приданое. После развода, при встрече с бывшим мужем женщина отводила глаза, закрывала лицо ладонью и проходила. Такой этикет просуществовал до 30-х годов XX в. **[5, с. 51]**. Бесплодие жены не давало мужу повода для развода, но позволяло ему приобрести вторую жену. В случае обоюдного желания развода вопрос

передавался на рассмотрение родов мужа и жены **(АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 216. Л. 236-237, 272-273)**.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обычное право коренных народов, как и весь общественный и семейно-бытовой уклад, имело ярко выраженный патрилокальный характер. В связи с этим, в целях предотвращения «распыления» имущества, правами наследования обладали те, кто состоял в роде отца и впредь был членом хозяйственного союза, то есть лица мужского пола; а не те, которые выходили из семьи при выходе замуж, то есть, дочери и сёстры.

◆

Литература

1. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.) / Г.М.Василевич. Л.: Наука, 1969. 304 с.
2. Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев / Е.А.Гаер. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1991. 142 с.
3. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII – XIX вв.) / В.А. Зибарев. Томск: Кн. Изд-во, 1990. 208 с.
4. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей / А.М.Золотарёв. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
5. Киле Н.Б. Традиционный этикет взаимоотношений между членами семьи у нанайцев. // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С.46-52.
6. Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – нач. XX в.) / Н.А.Кисляков. Л.: Наука, 1977. 131 с.
7. Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани / В.П.Маргаритов. Спб.: ИАН, 1888. 56 с.
8. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904г. / Б.О. Пилсудский. Южно-Сахалинск, 1989. 76 с.
9. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем/ А.В.Смоляк. М.:Наука, 1966. 290 с.
10. Старцев А.Ф. Создание семьи и воспитание детей у удэгейцев (по материалам В.К.Арсеньева) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. с.108-124.
11. Тихвинский С. Записки миссионера. Воспоминания о жизни гольдов, гиляков, самогирцев, айнцев и других народах, обитающих по Амуру и его притокам: Гиляки. // Благовещенские епархиальные ведомости за 1913 г.. № 9-10. с. 146-152.; № 11. С.179-186.
12. Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия. // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Кн.34. с. 1-20.
13. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Под ред. И с предисл. Я.П.Алькор (Кошкина). Хабаровск: Кн. Изд-во, 1933. 740 с.
14. Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии/ Л.Я.Штернберг. Л.: Наука, 1933. 187 с.

УДК 913.1 (470.4 + 924.9)

Поповкин А.В.

О чём мы можем подумать вместе с Китаем: к вопросу об этике государственной службы в перспективе нравственного идеала человека в культурах России и Китая

What we can think together with China: to the question of the ethics of public service in perspective of the moral ideal of human cultures in Russia and China

В статье на конкретных примерах показана возможность постановки вопросов, которые российская политическая культура могла бы решать для себя в диалоге с китайской, сопоставляя культурно-историческое наследие России и Китая.

Ключевые слова: *политическая культура, этика, метакультура, Россия, Китай*

◆

The possibility of asking questions by the Russian political culture in the Chinese dialogue is shown in this article with the help of concrete examples and by comparing historical and cultural heritage of Russia and China.

Key words: *political culture, ethics, metaculture, Russia, China*

Данная работа возникла как своего рода отклик на книгу Марка Леонарда «О чём думают в Китае?», которая вводит читателя в курс современных проблем, стоящих перед политической мыслью Китая. Автор книги, выявляя пафос современных размышлений китайских интеллектуалов, цитирует слова Гань Яна – одного из крупнейших политологов Китая: «…основная задача заключается в том, чтобы использовать исторический опыт Китая, разработать новую идею развития страны в условиях современного мира – а не импортировать «оптом» заграничные теории» **[1, с. 31]**. Такой подход в целом характерен для Китая, заслуженно гордящегося своим историческим наследием. В числе важнейших

ПОПОВКИН Андрей Владимирович, к.филос.н., научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*) **E-mail:** andrey.popovkin@gmail.com

Статья написана при активном участии членов метакультурного семинара проф. С.Е. Ячина – М.Е. Буланенко, Д.В. Конончука, С.Ю. Пчёлкиной, а так же С.В. Коваленко. Автор благодарит за ценные замечания проф. В.Л. Ларина

традиций, способных содействовать развитию страны в новых условиях, Гань Ян указывает конфуцианство. В этой связи отметим, что ещё в начале 1990-х годов замечательный российский востоковед Л.С. Переломов писал: «Нам кажется, что внутри самой КПК наблюдается возрождение традиции, заложенной Лю Шаоци, когда он брал образ "благородного мужа" (цзюнь цзы) в качестве модели для кадрового работника (гань бу)» **[6, с. 376]**.

Специфика политической культуры Китая, как древнего, так и современного, в немалой степени обусловлена тем, что чиновничество этой страны фактически присвоило конфуцианский идеал "благородного мужа", сделав его идеалом государственного служащего. Это привело к уникальной ситуации совпадения этического идеала правителя (и чиновника) с нравственным идеалом человека вообще. В современных условиях коррупционного кризиса российской власти этот исторический опыт Китая представляет безусловный интерес. Но возможен ли "цзюнь цзы" в современном мире? Особенно значимы в этом свете современные поиски Китаем собственных решений этико-политических проблем.

Сразу отметим, что в отличие от России весьма значительную роль в этих поисках играют именно учёные и философы. Так, М. Леонард отмечает, что, несмотря на «недемократичность» Китая, китайские интеллектуалы «...более влиятельны, чем их коллеги во многих западных государствах» **[1, с. 34]**. «Так или иначе, дискуссии между учёными становятся частью политической жизни страны и нередко служат для пробного вбрасывания новых идей с расчётом на то, что впоследствии они будут подхвачены влиятельными политиками» **[1, с. 35]**. Можно сказать, что существенное влияние учёных на политическую судьбу страны – тоже одна из традиций Китая, восходящая к временам Конфуция и последующих споров его последователей с легистами. Отметим, что такой режим функционирования научных сообществ Китая, несмотря на внутринациональный характер, фактически переводит их в разряд *эпистемических*[1]. И здесь встаёт первый вопрос, который нам можно постараться осмыслить вместе с Китаем – это вопрос о перспективах и позитивных аспектах влияния эпистемических сообществ на политику и формирование нравственного образца политика. А такое влияние по самой природе эпистемических сообществ необходимо будет этическим.

Что же касается конкретики китайской внутриполитической интеллектуальной жизни, то тут необходимо знать, что она определяется борьбой «... двух политических группировок, ассоциирующих себя с платформами «Новых левых» и «Новых правых»...» **[1, с. 78]**. В таком политическом дуализме нет ничего уникального, кроме того, что «китайская политическая система не подразумевает, что победитель «получает всё». Каждая из двух конкурирующих фракций нуждается в другой, чтобы определиться в собственных принципах; власть же в конечном счёте балансирует между ними» **[1, с. 81-82]**. Эта балансировка власти на границе, при том, что каждая из сторон осознаёт необходимость другой, очень близка к идее метакультурного соразвития, когда Другой выступает как необходимое условие развития, при условии нашей способности осознанно отнестись к различиям – занять рефлексивную позицию (подробнее см. **[11]**). Вопрос, однако, состоит в том, насколько это полити-

---

[1] Эпистемические сообщества возникают путём эволюции экспертных сообществ. Различие между ними состоит в том, что вторые привлекаются для решения специализированных задач, а первые самоорганизуются для активного вмешательства в процесс принятия общезначимых для человечества решений. Возможность предъявить знание к общезначимым решениям появляется в условиях, когда научные сообщества могут функционировать преимущественно в международном, надгосударственном режиме (что обеспечивается факторами глобализации), и когда наука становится непосредственной социальной силой. Подробнее см. **[10]**.

ческое искусство Китая трансформируемо в опыт, который мог бы быть заимствован Россией для того, чтобы и мы прекратили «…импортировать «оптом» заграничные теории». Нужна ли нам в сфере политической мысли какая-то особая теория, чтобы получить импульс развития?

Общеизвестна критика западных политиков в адрес как России, так и Китая по поводу их недостаточной демократичности. М. Леонард вскрывает культурно-исторические корни неприязненного отношения Китая к демократическому устройству. Так, ссылаясь на беседу с китайским интеллектуалом Пань Вэем, он утверждает, что для него «… упоминание о демократии сразу заставляет вспомнить три наиболее болезненные для китайской души явления: распад бывшего Советского Союза как следствие политической либерализации, проводимой Горбачёвым; так называемая «народная демократия» времён культурной революции в самом Китае; риск появления независимого Тайваня» **[1, с. 101]**. Важно помнить, что в Китае ещё много интеллектуалов, для которых "культурная революция" является фактом личной истории: «… Я наблюдал целые группы учеников, мучивших своих преподавателей до смерти за то, что те ставят им плохие отметки. Я организовал группу одноклассников для защиты наших учителей от произвола. Если власть ослабляет контроль и допускает вседозволенность, то люди превращаются в неуправляемую толпу. Поэтому надеяться можно только на реформы, идущие сверху вниз» **[1, с. 103]**.

Последняя фраза представляет интерес в том смысле, что является распространённой позицией как китайских учёных, так и госслужащих. Судя по политическим реалиям России, она также разделяется и российскими властями. Примечательно, что одной из причин отказа от выборности губернаторов была названа невозможность гарантировать приход этически приемлемого, не связанного с "криминалом" губернатора. По той же причине в обсуждаемом новом законе о полиции отказались от выборов участковых. Таким образом, вопрос о способах удержания этических оснований государственной службы в современных условиях является общим для России и Китая.

М. Леонард приводит ещё одно важное для нас высказывание Пань Вэя: «…Я не считаю целесообразным поддерживать политическую систему, провоцирующую политическое соперничество разных кланов и групп, преследующих свои собственные интересы. При этом каждая из групп стремится к власти. Поскольку в таком соперничестве, естественно, будут проигравшие, в Китае никогда не примут подобную систему» **[1, с. 105]**. Конечно, здесь не идёт речь о реальности политической жизни Китая – в ней хватает соперничества различных группировок. Но важно то, что политическая мысль ищет этически более приемлемые альтернативы, пытается противопоставить соперничеству соразвитие, причём делает это рефлексивно, подходя тем самым к переходу от культуры к метакультуре.

Завершая разговор об идеях внутриполитического устройства Китая, стоит отметить ещё два момента. Во-первых, это любопытное разделение сил государства на иньские и янские (ян – "мужское" космическое начало, означающее активность, и инь – "женское" начало, характеризуется как восприятие-следование)[1]: экономическая мощь государства – это инь, а вот военная, политическая и моральная мощь – это ян. Господствующей является идея о необходимости баланса инь и ян. Альтернативу либеральной демократии китайские интеллектуалы видят в концепции «совещательной демократии» **[1, с. 109]**, когда реальная власть

[1] Иногда инь ошибочно истолковывают как пассивное начало. Космические "роли" ян и инь можно уподобить ролям партнёров в бальных танцах: ян – ведущий, инь – ведомая, но, конечно, не пассивно-безучастная.

принадлежит образованной элите, но решения принимаются с учётом мнения большинства (путём всевозможных референдумов, публичных встреч с экспертами и т.п.). Причём идеал «совещательной демократии» поддерживается как «Новыми правыми» так и «Новыми левыми».

Вот здесь напрашивается ещё один вопрос для размышления вместе с Китаем: как возможно мыслить нравственность как активную силу? Действительно ли она такова в современном мире? А вот вопрос, над которым следует в этой связи подумать нам: можно ли сделать понимание нравственности именно как активной силы частью политической культуры России? Примечательно, что такое неутилитарное отношение к нравственности вовсе не новость для русской политической культуры. Ведь ещё не забыты слова князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде». Возможно, мы, глядя на отношение Китая к нравственности как силе, сможем вспомнить своё знание и сделать его актуальным для нашей сегодняшней политической культуры. Можно сказать, что Китай и Россия в равной мере заинтересованы в решении этого вопроса: ведь успех диалога с Китаем в немалой степени обусловлен общностью ценностей, а если китайский политик видит в морали силу, характеризующую «мощь нации», а российский – рассматривает моральную риторику только как PR-ресурс, то взаимопонимание и доверие становятся проблематичными.

Одним из ключевых терминов современной политической мысли Китая является понятие «мощь нации». Так, по свидетельству М. Леонарда, китайская академия общественных наук (КАОН) разработала «систему индексов с учётом 64 показателей мощи государств» **[1, с. 136]**. Основной пафос китайских властей – достижение максимальной мощи нации. М. Леонард недоумевает по этому поводу: «в эру глобализации и универсализации норм права поразительным является то, что китайская стратегия самым неприкрытым образом фокусируется на понятии "национальной" мощи» **[1, с. 136]**. На самом деле никакого парадокса и противоречия тут нет. Дело в том, что когда говорят о народе как некоем единстве, то осознанно или нет его уподобляют человеку. В китайской же культуре господствует «понимание человека как субстантивированной индивидуализированной жизни …» **[4, с. 298]**. Таким образом, для китайской мысли на передний план выступает понятие жизненности, жизненной мощи. Она-то, по-видимому, и есть та самая "мощь нации", которая так заботит китайцев и повергает в задумчивость западных политиков и политологов.

Ну и, конечно же, китайцы не были бы китайцами, если бы они не принялись эту мощь всячески взращивать (века даосской алхимии не прошли даром!). И взращивают её по всем правилам искусства. Как указывает М. Леонард, «ещё со времён Сунь Цзы китайцы пришли к выводу, что, только наблюдая за слабостями своих противников, можно понять собственную силу» **[1, с. 135]** (мы снова видим осознание Китаем необходимости Другого для собственного развития!). Здесь же и необходимость баланса, с одной стороны, экономики (инь), а с другой - политики, морали и военной силы (ян).

Следует упомянуть и о "стратегии 24-х иероглифов": «спокойно наблюдать; обеспечивать наши интересы; хладнокровно справляться с трудностями; скрывать наши возможности и ждать прихода нашего времени; не выпячивать достоинства; никогда не стремиться к лидирующему положению» **[1, с. 139]**. Причина такой "скромности" и стремления уйти от открытого соперничества, по мнению М. Леонарда, в том, что под влиянием идей Сунь-цзы «китайские мыслители рассматривали войну как свидетельство провала и стратегического просчёта, предпочитая так манипулировать ситуацией, чтобы достигать своих целей без единого

выстрела» **[1, с. 140]**.

Китайская стратегия развития может быть охарактеризована двумя специфическими концепциями – это концепция "мирного подъёма" и концепция "мягкой (доброй) силы". Идея "мирного подъёма" (хэпин цзюэци) Китая была высказана известным китайским учёным, весьма близким к руководству КНР, Чжэн Бицзянем в ноябре 2003 г. на заседании Боаосского форума. «Суть "концепции мирного подъёма" сводилась к трём утверждениям. Во-первых, стратегия КНР состоит в обеспечении условий для мирного возвышения страны посредством самостоятельного следования по пути социализма с китайской спецификой при одновременной активизации участия в процессах экономической глобализации, которая со второй половины 90-х гг. называется одной из главных тенденций развития современного мира (наряду с политической многополярностью). Во-вторых, несмотря на стремление опираться прежде всего на собственные силы, Китай нуждается в мирном международном окружении. В-третьих, подъём, к которому стремится КНР, будет исключительно мирным» **[8, с. 190]**. Фактически, автор идеи утверждал, что «…"китайский подъём" создаёт в мире только "выигрышную" ситуацию для всех, способствует укреплению мира и расширению зон благосостояния для субъектов мировых отношений» **[1, с. 143]**. Однако в настоящее время эта теория, раскритикованная китайскими "неокоммунистами" с одной стороны и "прагматиками" с другой, переживает период упадка, что неудивительно, поскольку её декларативный характер налицо. Вместо неё «вернулись к терминологической концепции эпохи Дэн Сяопина – "мир и развитие"» **[1, с. 147**]. Однако, как отмечает М. Леонард, полемика, поднятая вокруг концепции "мирного подъёма", до сих пор окончательно не утихла. Этому способствуют, с одной стороны, усилия Чжэн Бицзяня по её реформированию (например, введя допустимость применения силы для сохранения суверенитета), а с другой, возможно, традиционная привычка китайской власти к самоописанию в виде "девизов правления"[1] (по крайней мере, названия китайских политических программ очень напоминают такие девизы). Безусловно, это выгодно отличает китайских "прагматиков" от, например, ряда российских, утверждающих, что не опираются ни на какие идеологические принципы. В реальности же такой доморощенный прагматизм просто не осознаёт идей, лежащих в его основании.

Возможно, китайская концепция "мирного подъёма" могла бы получить своё теоретическое наполнение в рамках концепции метакультуры, поскольку только в ней становится понятно, каким образом подъём одного государства (одной культуры) может становиться зоной соразвития для другого. Таким образом, ещё один вопрос, над которым мы могли бы подумать вместе с Китаем, будет таков: возможна ли реставрация и развитие китайской концепции "мирного подъёма" как нравственной модели соразвития государств в многополярном мире? И России есть, что предложить к обсуждению в диалоге с Китаем: это и концепция соборности, получившая глубокое осмысление в Православии и у русских философов, и развивающаяся в настоящее время концепция метакультуры (подробнее см. работу **[12]**). Однако ни в коей мере не стоит думать, что мы можем предложить Китаю некие теоретические модели для заимствования – этого, скорее всего, не будет. Но вот позитивный опыт Китая, увиденный через призму концепции метакультуры, возможно, позволит России и Китаю лучше понять друг друга.

---

[1] Девиз правления (няньхао) – принятое в китайской (а также японской, корейской, вьетнамской) политике и историографии символическое выражение, обозначающее период правления императора. При избрании на престол император принимает девиз (обычно из двух иероглифов), означающий некоторый благой принцип.

Другая ключевая идея политического развития Китая: концепция "мягкой силы". Эта концепция родилась на Западе, где она ассоциируется с «привлекательностью компаний, подобных "Макдоналдсу" или "Ливайсу"» **[1, с.148]**, но получила совершенно новое осмысление в Китае, превратившись по свидетельству М. Леонарда в «…теорию поиска государством путей обретения утраченных "нравственных оснований", мотивирующих возвышение его роли в международных делах» **[1, с. 148]**. Использование "мягкой силы" в китайской политической мысли определяют «…концепции единства (тун) и гармонизации (хэсе) международных отношений» **[8, с. 194]**.

В этой связи весьма существенные изменения претерпела идея "многостороннего сотрудничества", «…отождествляемая на Западе с ослаблением национального суверенитета государств – участников мирового правопорядка, добровольно согласившихся с выполнением обязательств перед наднациональными институциональными организациями, подобными Европейскому Союзу или Всемирной торговой организации. В Китае полагают, что она должна представлять собой инструмент для защиты национальных интересов, позволяющий развивать связи с другими государствами Азии…» **[1, с.148-149]**. Здесь важно отметить, что китайское понимание идеалов международного сотрудничества конституируется древней концепцией единства через гармонию разнородного – "хэ".

Л.С. Переломов даёт краткий, но ёмкий экскурс в историю этого понятия: «Своим происхождением термин "хэ" обязан сложившемуся к VIII – VII вв. до н.э. представлению о борьбе противоположностей как объективному закону существования природы. Согласно бытовавшим в те времена космогоническим воззрениям, два полярных начала (ян – светлое, мужское и инь – тёмное, женское), вступив во взаимодействие, породили пять стихий: землю, воду, огонь, дерево и металл. Благодаря их дальнейшему взаимопорождению и взаимопреодолению … существует всё живое в природе. Стоит в мире возобладать надолго какой-либо одной стихии … как жизнь на земле автоматически прекращается и всё живое умирает.

Эта идея борьбы взаимоисключающих начал как непременного условия существования здорового Единства была перенесена на общество и сферу политики. Термин "хэ" изначально означал Единство, Единение, к которому приходят путём столкновения, взаимопреодолоения полярных интересов и воззрений.

Одновременно появился антипод – термин "тун", тоже означавший Единство, Единение, но уже на иной – соглашательской основе, когда все участники обсуждения добровольно одобряют любое предложение исходящее от правителя» **[7, с. 34]**.

В древнекитайском трактате Го юй (Речи царств) в главе 16 содержится пояснение необходимости опоры именно на гармоническое единство (хэ) как принцип взаимоотношений внутри иерархии власти, т.е. в отношениях правителя и чиновника: «…покойные ваны брали себе жён из чужих фамилий, требовали богатства в различных местах, при выборе слуг отбирали лиц, которые могли выступать с увещеваниями и рассуждали с ними, выясняя истину на основе многих фактов, стремясь добиться гармоничного единства (курсив мой – А.П.). [Они поступали так потому, что] одна нота неприятна для слуха, один цвет не создаёт узора, одно вкусовое ощущение не насыщает, один факт – не предмет для обсуждения [с целью установления истины]. Однако [чжоуский] ван отвергает подобную гармонию и объединяется с лицами, взгляды которых совпадают с его желаниями. Небо лишило его мудрости, и, даже не желая собственной гибели, он не сможет избежать её!» **[2, p. 241]** (здесь

В.С. Таскин перевёл категорию "хэ" как «гармоничное единство»).

Современная этико-политическая мысль Китая экстраполировала принцип единства–хэ на внешнеполитические отношения. Этот ход, безусловно, открывает новые перспективы международного сотрудничества. Действительно, там, где Запад (главным образом, США) предлагает различные варианты массовой культуры, национально-политической анизотропии, политического единства-тун, Китай стремится сохранить уникальность культуры и притом не только своей, но всех участников многостороннего сотрудничества, исповедуя свой древний принцип гармонического единства-хэ. Важно отметить, что «в настоящее время концепция "стремиться к единству" применяется чаще всего при постулировании целей двусторонних отношений, а концепция гармонизации – многосторонних и глобальных аспектов внешней политики Китая. На особый характер второго процесса указывает и использование специального глагола: если двусторонние отношения устанавливаются (цзяньли), то гармоничный мир реструктурируется (гоуцзянь)» **[8, с. 195]**.

Примечательно, что Китай вполне осознаёт свою культурную уникальность в сфере этико-политической мысли. «Показательна в данном смысле точка зрения заместителя директора департамента планирования МИД КНР Ли Цзе, который указывает на соединение базовых для традиционной китайской культуры принципов мира (гармонии) и единства как на уникальный китайский ресурс реализации «мягкой» силы. Природа подобного соединения, уподобляемого автором соединению твёрдости и мягкости, основывается на идее единства противоположностей, заключённой в формуле взаимопроникновения тёмного (инь) и светлого (ян) начала» **[8, с. 194-195]**.

Однако если китайской культуре принцип "хэ" аутентичен, ясен и даже осознан как культурный ресурс, то для западных стран и России это не совсем так. Попытки прямого заимствования сопровождаемые объяснением китайской концепции "хэ" через китайские же категории "инь" и "ян", "у син" и т.п. пока не имеют успеха ни в европейской, ни в российской политической культуре.

Здесь нам следует вспомнить, что политическая традиция России, равно как и западная, черпала свои этические образцы в христианской культуре. И весьма примечательно, что христианство, особенно Православие, даёт нам инструмент для осмысления единства-хэ – это идея соборности[1]. И хотя нельзя сказать, что этот принцип когда-нибудь последовательно реализовывался в политической практике какого-либо из православных государств, мы, тем не менее, можем найти ряд примеров его использования в истории России. Это, конечно, отношения светской и церковной властей, которые традиционно мыслились как "симфония", хотя далеко не всегда таковыми являлись. Бывали, конечно, счастливые исключения. Пример тому – отношения Петра I и епископа Митрофана Воронежского, который не только оказывал духовную и материальную поддержку флотостроению, начатому молодым царём, но и сопротивлялся чрезмерному увлечению Петра западной культурой, вынуждая, порой,

---

[1] Соборность, происходит о русского слова собор, которое в числе прочего «…выражает идею единства во множестве» **[9, с.326]**. Идеал соборности есть, по А.С. Хомякову, нечто противоположное католическому единству в повиновении внешней власти Папы, это «Церковь … по разумению всех в их единстве» **[9, с. 327]**. Н.А. Бердяев противопоставляет соборность (коммюнотарность) и коллективизм. «Коллективизм носит антиперсоналистический характер, он не знает ценности личности. Коммюнотарность же персоналистична, есть … община личностей» **[1, с. 634]**. Причины такого резкого противопоставления в том, что «коммюнотарность оставляет совесть и оценку в глубине человеческой личности… Коллективизм же… есть отчуждение, экстериоризация сознания и совести, перенесение их на фиктивную реальность коллектива» **[1, с. 635]**.

царя поступиться собственной прихотью[1]. Применительно к самой по себе светской власти, можно вспомнить известный спор М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина о будущем государственном устройстве России у престола Александра I – при том, что царь явно благоволил М.М.Сперанскому, победила точка зрения Н.М.Карамзина. Примечательно, что стремление правительства установить "единство однообразия" (тун) в стране и во властной вертикали, как правило, влекло за собой кризис власти. Тут и печальный пример осложнения отношений Николая II с П.А. Столыпиным, позволявшего себе иметь мнение, расходившееся с мнением царя, и идеологическое единство (типичное единство-тун), установленное в СССР, приведшее его к застою и краху.

Бесспорное преимущество Китая состоит здесь в том, что он помыслил единство-хэ как категорию политической культуры более двух тысячелетий назад. И, конечно, его опыт и формы политической практики, порождённые использованием этой идеи, представляют огромную ценность и важный предмет для осмысления.

Тем не менее, широкая систематическая работа в этом направлении пока практически не ведётся. И возможно, проблема здесь даже не в отсутствии в западной культуре необходимых концептов – в конце концов, понятия гармония и соборность позволяют нам на достаточно глубоком уровне понять, что имеется в виду под единением-хэ. Дело в том, что в рамках культурных механизмов проблема соединения разных культур с одновременным сохранением их своеобразия вряд ли разрешима изнутри какой-либо одной культуры, поскольку ни одна традиционная культура не содержит механизмов сохранения других культур, а в посттрадиционных культурах под вопросом даже механизмы самосохранения. Ведь не случайно в самом Китае становление концепции единения-хэ в политической мысли происходит именно в эпоху, когда проблема отношений с Другим встала как никогда остро. Она была ответом древнекитайской цивилизации на культурный вызов необходимости сосуществования в условиях острейшей политической борьбы как внутри "борющихся царств", так и между ними. Таким образом, то многостороннее сотрудничество в том виде, который интересует Китай, может быть теоретически разработано только в рамках метакультуры.

Итак, мы смогли убедиться, что России есть о чём поразмышлять вместе с Китаем и это вполне возможно. Интеллектуальная "закрытость" Китая – это своеобразная иллюзия, возникающая из его нежелания прямо заимствовать плоды других культур. Но совершенно очевидно желание китайских интеллектуалов выработать в диалоге с другими культурами свои собственные идеи. А это означает, что встреча на границе наших культур России и Китая возможна и у нас есть всё необходимое, чтобы сделать эту встречу творческой.

◆

Литература

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря // Дух и реальность. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003.
2. Го юй (речи царств). М.: Наука, 1987. URL: http://www.vostlit.info/Texts/

[1] Подробнее см. Житие святителя Митрофана Воронежского **[3]**.

Dokumenty/China/I/Reci_carst/index.htm

3. Житие Святого Митрофана, епископа Воронежского [Электронный ресурс]. URL: http://www.saints.ru/m/6-Mitrofan-Voronezhskii-.html

4. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит., 2002.

5. Леонард М. О чём думают в Китае? М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.

6. Переломов Л.С. Традиционная китайская философия и её роль в современном Китае // Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) М.: Восточная литература, 1993.

7. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

8. Тимофеев О.А. Мягкие методы международного влияния и трансформация внешнеполитической парадигмы в КНР // Вестник ТОГУ. 2009. № 4 (15). URL: http://www.khstu.ru/vestnik/articles/347.pdf

9. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография (М.Катков). Т.2. 1886. URL: http://new.runivers.ru/lib/book3560/18632/

10. Эпистемические сообщества [Электронный ресурс]. URL: http://metaculture.ru/projects/129-experts.html

11. Ячин С.Е., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Метакультурное сообщество: встреча на границах культурных сред // Этносоциум. 2010, № 6 (30). с. 232-242.

12. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010.

УДК 130.2 + 784.4

Юдина В.И.

Историческая обусловленность формирования регионального музыкального диалекта (Орловская область)

The historical conditionality of formation of a regional musical dialect (the Orel area)

В статье на примере фольклора Орловской области анализируются исторические условия формирования региональной музыкальной системы. Опираясь на разработанные в музыкальной фольклористике принципы выделения музыкально-фольклорных зон, рассматриваются территориально-географические, историко-культурные, этнографические, музыкально-стилевые особенности локальной народно-песенной традиции.

Ключевые слова: *музыкальный фольклор, региональный музыкальный диалект, смешанная музыкально-стилевая зона, переходный тип культуры*

◆

The article is dedicated to the historical conditions of formation of regional musical system, which analyzed an example of Orel folklore. Leaning on developed in musical folklore science principles of allocation of musical folklore zones are considered territorially geographical, historical and cultural, ethnographic, musical style features of local national song traditions.

Key words: *musical folklore, the regional musical dialect, the mixed musical style zone, transitive type of culture*

Важной характеристической чертой русской народной музыки как национально своеобразной формы отечественной культуры является наличие в ней местных традиций, более или менее отличающих один регион от другого. Не случайно пословица гласит: «Что город – то норов, что деревня – то обычай».

Эта свойство народного творчества было отмечено уже первыми собирателями и составителями сборников русских песен конца XVIII – начала XIX вв. – В.Ф. Трутовским, И.П. Сахаровым. В середине – второй половине XIX в. в работах М.А. Стаховича, Н.М. Лопатина – В.М. Прокунина, В.А. Мошкова оно рассматривалось как характерная особенность русского народного песенного творчества, требующая специального исследования. В предисловии к вышедшей в 1854 г. третьей тетради

ЮДИНА Вера Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыки Орловского государственного университета, (*г. Орёл*). **E-mail:** udina@orel.ru

своего песенного собрания М.А. Стахович писал: «каждая песня является органическою частию целого отдела музыкально сродственных песен. Вот причина, почему при собрании песен не должно пренебрегать малейшими вариантами их: не должно выбирать интереснейшую песню, а бросать другую, которая, кажется, поётся с нею на один голос <…> для полного уразумения темы необходимо видеть её место в целой системе вариантов» **[9, с.17]**.

Материал многочисленных фольклорных экспедиций, проводившихся с конца XIX – в первой половине XX в. в различных регионах России, дал обширный практический материал для анализа местных фольклорных музыкальных диалектов. Не смотря на открытую научными заветами К.В. Квитки и Е.В. Гиппиус 1920-30-х гг. «эпоху ареальных исследований» (Б.Б. Ефименкова), до сих пор «осознание новой музыкально-диалектной парадигмы ещё не стало общепризнанной нормой в современной русской этномузыкологии» **[4, с. 311]**. В частности, В. Гошовский определяет направление работы: «Задача состоит в том, чтобы широкие круги фольклористов сосредоточили своё внимание на изучении различных песенных типов своего национального фольклора, <…> составили каталог исследуемых типов, музыкально-диалектные и типологические карты. Результаты сравнительного (качественного и количественного) анализа мелодических вариантов с привлечением статистических, географических и исторических данных нужно публиковать» **[3, с. 261-262]**. Музыкальный диалект определяется учёным как «во-первых, совокупность местных территориально-стилистических разновидностей общенационального фольклора и, во-вторых, наличие определённых песенных типов и явлений, неизвестных за пределами распространения данного музыкального диалекта» **[2, с. 75]**.

В современной науке своеобразие местных традиций музыкального фольклора определяется тремя группами признаков **[14, с. 22-25]**:

1. внемузыкальные – характер и форма бытования вокальных и инструментальных произведений народного творчества (особенности его обрядовых форм, местной хореографии, условий исполнения);

2. музыкально-стилистические – местная стилистическая «школа» (типичные средства художественной выразительности – структурно-композиционные, мелодико-интонационные, ладовые, полифонические);

3. исполнительские – типичные приёмы вокального и инструментального исполнительства.

На этой основе современной музыкальной фольклористикой выделяются семь основных стилевых географических зон русского музыкального фольклора **[14, с. 30]**.

Цель данной статьи - на примере музыкального фольклора Орловского края выявить историческую обусловленность формирования регионального музыкального диалекта.

Ещё в 1904 году А.М. Листопадов, музыкант – фольклорист, член Музыкально-этнографической комиссии Московского университета, познакомившись с орловским фольклором и сделав звуковые записи некоторых его образцов, писал: «Песни очень интересные и ценные, подтверждают высказываемое немногими собирателями мнение, что не на одних окраинах нужно искать чистые неиспорченные образцы старинного народного творчества, что народ хранит ещё их во всей неприкосновенности и в центральных губерниях» **[10, с. 359]**.

Орловщина – «сердцевина» Центральной России, которая издревле выступала кристаллизатором созидательной национально-культурной энергии. В современной науке значение данного региона для отечественной культуры определяется тем, что «любое из общеизвестных историче-

ских, историософских или культурфилософских рассуждений о становлении и развитии Отечества аксиоматически опирается на признание изначальной общности культурно-исторической судьбы Центральной России <…> И тщательное изучение истоков, оснований, импульсов и характера регионального культуротворчества позволяет раскрыть феномен и этого «места», и глубоко связанного с ним «русского духа», и русской «почвенности» **[1, с. 4]**.

Общеизвестно, что важнейшим истоком любой национальной культуры является народное творчество. «Сверхзадача» современного отечественного этномузыкознания заключается в том, чтобы «выявить существенные исторические факторы и общие закономерности формирования и развития локальных традиций русского музыкального фольклора» **[5, с. 8]**.

Как и всякая другая региональная этнокультурная традиция, музыкальная культура Орловского края представляет собой относительно целостное, своеобразное явление, на формирование которого повлияли географические, исторические, этнические и другие факторы. Об этом свидетельствует сохранность здесь всех основных традиционных песенных жанров, от древнейших календарных до современных бытовых, отразивших историческое развитие и эволюцию духовной культуры населяющего эту территорию народа.

Орловщина занимает центральную часть Русской равнины, охватывая лесную и лесо-степную зону Среднерусской возвышенности. Древнейшими предками, обитавшими здесь, были племена вятичей. С IX века начинается присоединение этих земель к Киевской Руси. Постепенно осознаётся пограничное значение этой территории, и с XI века для защиты от степных набегов племён печенегов и половцев здесь появляются первые города. С XII века, в период феодальной раздробленности Киевской Руси, край оказывается втянутым в колонизационные процессы между северными и южными землями. С одной, северо-восточной, стороны - нашествие монгольской Орды, уничтожавшей или уводившей в «татарский полон» множество русичей. С другой, юго-западной – экспансия со стороны Литвы, которая от эпизодических набегов перешла к завоеванию земель. В XIV веке в окрестностях Севска и Радогощи было образовано личное владение литовского князя – Комарицкая волость (ныне территория нескольких соседних районов Брянской, Орловской, Курской областей).

Таким образом, многовековая история Орловского края была связана с постоянными угрозами чужеземного нашествия и ига, сопровождавшимися разорением городов и сёл и уводом полона. При этом региональный фольклор всегда выступал достоверным хроникёром происходивших событий. Так, на Орловщине был записан «классический» музыкальный образец исторической баллады о встрече матери и дочери в татарском плену, известный по сборнику Н.А. Римского-Корсакова «Сто русских народных песен» **[8]**, ранний вариант которой дан М.А.Стаховичем под названием «Не шум шумит, не гром гремит» («Татарский полон») **[9, с. 58]**). Сюжет её состоит в том, что пожилая женщина в татарском плену узнаёт в хозяйке, жене своего похитителя, полонённую ещё в младенчестве родную дочь, а ребёнок, к которому она приставлена нянькой, оказывается её внуком. Характерные жанровые черты исторической баллады (одноконфликтность композиции, её сосредоточенность на одном основном эпизоде, сжатость, прерывистость изображения основной сюжетной линии, выявляемой только в её узловых моментах, использование диалогов, усиливающих динамику повествования) дополняют музыкальные особенности песни. «Про татарский полон» принадлежит к типовым напевам, имевшим хождение по южным областям России (Орловской,

Калужской, Волгоградской) и Украине (хотя и с другим поэтическим текстом), что подчёркивает её эпичность. Музыкально-стилевые особенности напева - структура периода из двух предложений с более низким звуковысотным уровнем второго предложения, расчленённость на фразы – полустишия, квартовая переменность (g – d), устойчивое ударение на среднем слоге (признак относительно позднего происхождения песни), растягивание и распевание каждого акцентного и заключительного слога – свидетельствуют о региональных особенностях претворения типологических характеристик данного жанрового типа. (Подробнее судьба баллады «Про татарский полон» в совокупности её различных вариантов проанализирована в музыковедении **[13]**).

Ярким свидетельством отражения в народной музыке исторических судеб региона является знаменитая Камаринская, в которой запечатлены события смутного времени, волной прокатившиеся по Орловской земле. Её происхождение и название исследователи (Т.А.Мартемьянов, Г.М. Пясецкий, И.И. Смирнов, Б.Н. Путилов и В.П. Андрианова-Перетц) связывают с Комарицкой (Комарницкой, Камарицкой) волостью – центром формирования повстанческого войска. Главный герой – камарицкий (комарицкий) мужик – воплощает типичные черты характера местных жителей – отвагу, удаль, свободолюбие, непокорность, сформированные многовековым опытом противостояния внешней угрозе. Сам залихватский мотив Камаринской передаёт мятежный дух здешнего народа. Плясовой характер напева, ритмически равномерное развёртывание мелодии секвентными «звуковысотными уступами» сближает его со скоморошинами, что подтверждает принадлежность к жанру исторических песен (Е.Э. Линева).

В целом, исторически сложившийся песенный фольклор Орловщины представляет собой региональную музыкально-фольклорную систему с характерными, отличительными от других локальных зон чертами, специфика которой определяется диалектикой общенационального и регионального. «С одной стороны, любая местная фольклорная культура, какими бы узкими пределами не ограничивалось её функционирование, представляет собой нечто самостоятельное и самоценное, заслуживающее специального, если угодно, монографического рассмотрения, и к ней оснований относится как к некой периферии, «фольклорной провинции». Но, с другой стороны, фольклорную культуру региона, зоны, очага можно понять лишь на фоне культуры других регионов, зон, очагов…» **[7, с. 159]**.

Музыкально-стилевые особенности народного музыкального искусства Орловщины как особого регионального диалекта определяются сочетанием нескольких традиций – прежде всего, южно- и западнорусской. Ареал распространения первой лежит к югу от Оки до Украины «в искусстве сельского населения Белгородской, Курской, Воронежской, Липецкой областей… Южнорусские элементы проявляются также в фольклоре восточных районов Орловской и Калужской областей, юга Тульской и Рязанской областей, северных районов Тамбовской области» **[14, с. 35]**. Основные музыкально-этнографические особенности данной традиции заключаются в опоре обрядового фольклора на хореографию, широком распространении алелешных - хороводных песен с припевом «лели, ляли», в том числе и в свадебном репертуаре, мужественном характере южнорусской лирики, что особенно явно ощущается при исполнении песен мужскими ансамблями. Музыкальный стиль отличает импульсивность ритмики (широкое использование дробных рисунков и синкоп), связь обрядовых песен с мерно-цезурованным стихом, развитое многоголосие (хоровое трёхголосие в сочетании с гармонической основой), открытая, порой резкая манера исполнения (подробному

анализу данной музыкально-этнографической зоны посвящена работа В.М.Щурова **[15]**).

Характерный пример – историческая модификация свадебной величальной песни «Роза белорозовая». Её первоначальный вариант – величальная «Гулял Андрей-господин» – встречается во всех основных собраниях народных песен середины – второй половины XIX в (М.А. Стаховича, К.П. Вильбоа, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова). Родство представленных там напевов данного фольклорного инварианта определяется сходством структуры запева, общих контуров его интонационного развития и ладовых принципов организации: начальной строфе, построенной на заполнении восходящей тонической терции с прилегающей нижней квартой, соответствует структурно сходная вторая строфа в параллельном миноре. В середине XX века был записан её современный вариант – величальная «Роза» («Не хотелось мне во зелен сад идти» **[6, с. 72]**). По сравнению с неторопливым величавым характером первоисточника здесь значительно расширена форма за счёт прибавления хорового припева «Ой, роза ты, роза моя», построенного на несколько видоизменённом материале основного напева, что сообщило песне удалой плясовой характер.

Помимо южнорусской фольклорной традиции, в Орловских народных песнях весьма ощутимы влияния западной песенной зоны. Она охватывает территории Брянской, Смоленской областей и примыкающие районы Орловской, Калужской, Псковской, Тверской областей. Западнорусская фольклорная традиция – «самая строгая, самая «классическая» и самая славянская в ряду других русских манер» **[14, с. 33]**. По мнению учёных, поднепровские земли (а к бассейну Днепра относятся реки, протекающие в западных районах Орловской области – Навля, Вытебеть и др.) – территория древнейшего расселения славян, исторически и культурно связавшая их фольклор с близким ему украинским и белорусским, отчасти литовским и польским. Отсюда сохранность в западных районах Орловской области более, нежели в других, древних форм музыкального фольклора. Отличительные особенности данной музыкально-стилевой зоны – развитость календарных обрядов с пением, особые музыкально-этнографические формы свадебного обряда (ёлочные песни), архаичная стилистика (силлабический строго цезурованный стих, гетерофония или бурдон в многоголосии, простейшие ладовые формы, минимальная распевность, звонкая манера исполнения с характерными возгласами – «гуканиями» в концах фраз).

В 90-х годах XX в. на Орловщине местными фольклористами были записаны напевы бытовавших здесь колядок с характерными для данного жанрового типа поэтическими и музыкально-стилевыми атрибутами **[11, с. 36]**. В тексте отражены черты древней земледельческой и Христианской символики: обращение к Господу за добрым урожаем в наступающем году, пожелание хозяевам богатства. Мелодико-интонационную основу колядок составляют попевки узкого диапазона (терцового, квартового), безвариантная строфическая повторность которых создаёт впечатление заклички, зова, соответствующего заклинательной природе калядки. Ритмическая ровность напева обусловлена органичной связью этого жанра народного музыкального творчества с движением – шагом, пляской, постукиванием, что соответствовало их исполнению.

Особенность западнорусской народно-песенной традиции составляют исполняемые на свадьбе девушки – сироты ёлочные песни. Ещё в середине XX в. музыкантами – этнографами отмечалась их сохранность на Орловщине **[6, с. 91-100]**. Их поэтические тексты варьируют символ ёлочки без верхушки – знак сиротства. Яркое музыкально-стилевое своеобразие определяется обычно неторопливым плавным развёртыванием

начальной мелодической интонации, а также специфическими оборотами, среди которых «выделение третьего от начала слога путём значительного удлинения ритмической длительности звука и ходом вверх на малую терцию» **[6, с. 17]**. В целом, ёлочка как атрибут свадебного обряда становится своеобразным региональным элементом растительной символики, которая, наряду с яблонькой или другим зелёным деревцем, олицетворяла в народном сознании плодоносную силу.

Стилевые особенности различных музыкально-фольклорных зон с разной степенью интенсивности проявляются в народных песнях Орловской области, порой смешиваясь и переплетаясь. Таким образом, традиционная музыкальная культура Орловщины относится к типу смешанных стилевых фольклорных зон, что соотносится с понятием «переходного типа культуры». Развиваясь исторически как южная окраина Московского государства, Орловская земля всегда сохраняла свойственный Средней России в целом «особый комплекс явлений культуры, условно обозначенный как «переходный тип» (в то же время вполне оригинальный и своеобразный). Переходный тип явлений культуры и быта Московской Руси во многом стал истоком для дальнейшего формирования национальной русской культуры» **[12, с.117]**.

◆

Литература

1. Арцыбашева Т.Н. Центральная Россия как историко-культурный регион. Культурогенез Средневековья и раннего Нового времени: Автореферат … д-ра культурологии. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 50 с.

2. Гошовский В. Л. Фольклор и кибернетика // Советская музыка. 1964. № 11. С. 74-83.

3. Гошовский В. Л. У истоков народной музыки славян: Очерки по музыкальному славяноведению. М.: Сов. композитор, 1971. 304 с.

4. Земцовский И.И. Этномузыковедческие заметки об этнической традиции // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 293-313.

5. Лапин В. А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций). Очерки и этюды. М.: Моск. гос. фольклор. центр «Рус. песня», 1995. 200 с.

6. Народные песни Орловской области. По материалам фольклорных экспедиций студентов Московской консерватории летом 1956 и зимой 1957 гг. / Составитель Н.Владыкина-Бачинская. М.: Музыка, 1964. 152 с.

7. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.

8. Римский-Корсаков Н.А. Сто русских народных песен для голоса в сопровождении фортепиано. М.: Музыка, 1985. 112 с.

9. Стахович М.А. Русские народные песни / Предисловие, редакция и примечания Н. Владыкиной-Бачинской. М.: Музыка, 1964. 74 с.

10. Труды Музыкально-Этнографической комиссии при этнографическом отделе Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т.II. М., 1911.

11. Чабан С.Н. Традиционная песенная культура Орловского края: история и современность: Учебное пособие. Ч.I. / Под общ. ред. В.М.Щурова. Орёл: Труд, 2003. 262 с.

12. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI – XIX вв. (Очерки по истории народных верований) // Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т.XL. - М.: АН СССР, 1957. 236 с.

13. Шенталинская Т.С. О мелодических параллелях баллады «Про татарский полон» // Памяти К.В.Квитки: Сб.ст. / Ред.- сот. А. Банин. М.: Сов. композитор, 1983. С. 121-129.

14. Щуров В. О региональных традициях в русском народном музыкальном творчестве // Музыкальная фольклористика. В.3. М.: Сов. композитор, 1986. С. 11-47.

15. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. Исследование. М.: Сов. композитор, 1987. 320 с.

УДК 323

Бурлаков В.А.

Определение места российского Дальнего Востока в геополитической структуре современной России: постановка проблемы

Definition of the place of the Russian Far East in geopolitical structure of modern Russia: statement of the problem

Статья посвящена осмыслению места Дальнего Востока в геополитической структуре современной России, определению самого понятия Дальний Восток, формулированию основных задач по выстраиванию новой дальневосточной политики.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, геополитика России, геополитическая структура государства, геополитическое положение, транспортная инфраструктура, опорный каркас расселения*

◆

The article is devoted to the comprehension of the Far East in geopolitical structure of modern Russia, to the definition of the concept «the Far East», to the formulation of the basic tasks on construction of new Far East politics.

Key words: *Russian Far East, Russian geopolitics, geopolitical structure of state, geopolitical position, transport infrastructure, basic carcass of settlement pattern.*

В современных условиях Дальний Восток вызывает пристальное внимание, как центр притяжения геополитических, экономических и инвестиционных интересов. При этом ключевое значение обретает проблема структуризации Дальневосточного региона в рамках Российского государства, причём на первый план выходит не функциональная составляющая, а то, каким образом должно быть организовано пространство региона с целью его максимально полного включения в геополитическую структуру России.

Геополитическая структура государства – это пространственно организованный механизм осуществления политической власти. Его необходимыми компонентами являются национальные интересы, или легитимированные интересы господствующей политической элиты, и система контроля, или действенной инфраструктуры, обеспечивающей

БУРЛАКОВ Виктор Алексеевич, к.полит.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*). **E-mail:** viktor_burlakov@mail.ru

перенос необходимого количества ресурсов в любую точку государства с целью легитимации политической власти.

Таким образом, для определения места Дальнего Востока в геополитической структуре России необходимо, во-первых, сформулировать совокупность национальных интересов относительно данной территории, и, во-вторых, конкретизировать пути и способы реализации этих интересов.

Анализ значительного числа публикаций, посвящённых проблемам развития Дальнего Востока России и вышедших в последние 10 – 15 лет, даёт возможность констатировать тот факт, что при изучении экономического, политического или геополитического положения Дальневосточного региона российские учёные во главу угла ставят проблему обоснования значимости самого региона **[6, с. 105-110; 9, с. 142-144; 16, с. 98-105; 17, с. 63-70]**. Начиная с момента инициации широкомасштабных экономических реформ, шёл мучительный поиск ответа на вопрос о том, зачем нужен современной России Дальний Восток и какие опасности нас ожидают в случае произвольной или непроизвольной утраты данного региона. Проблеме же определения возможной конфигурации Дальнего Востока, вопросу, какой она должна быть, уделялось недопустимо мало внимания.

Либерально-демократические реформы в нашей стране вдруг поставили парадоксальный вопрос об экономической целесообразности владения частью территории государства и, как следствие, о сути политики российского центра по отношению к дальневосточной окраине. Разумеется, вопрос не заострялся до уровня возможности специального отделения Дальнего Востока от остальной части страны. Даже самые радикальные общественные деятели старались не обострять проблему окраины до такой степени, в то же время в геополитической науке Запада прямо был поставлен вопрос о том, что экономически ослабленная Россия должна избавиться от отягощающих её положение Сибири и Дальнего Востока путём передачи регионов в управление более развитым государствам, прежде всего, США, Японии и, в перспективе, Китаю. В последующем эта идея несколько трансформировалась в своеобразную либеральную концепцию «сибирского проклятия», в рамках которой обладание холодными регионами Сибири и Дальнего Востока рассматривалось как основной сдерживающий фактор экономического развития России **[18, с. 76]**.

Наибольшее распространение получила идея постепенного свёртывания российского присутствия на Дальнем Востоке с сохранением за данным регионом лишь каких-либо отдельных специфических функций (например, «транзитный регион» для связи со странами АТР). Как один из возможных сценариев «глухая изоляция» Дальнего Востока была обозначена, например, К.Э. Сорокиным, а также в ряде концепций Института Дальнего Востока РАН **[4, с. 23-29; 12, с. 106-110; 14, с. 108-110]**.

Подобные идеи в целом хорошо иллюстрировали ту неопределённость во взглядах, которая имела место среди тогдашней российской политической элиты. Причём Дальневосточный регион в этом плане не был каким-либо уникальным явлением: неопределённость политической линии царила в отношении всех регионов России, просто в рамках Дальнего Востока подобная неопределённость вскрылась с наибольшей наглядностью.

В начале 2000-х гг. возобладал взгляд на регион, как на ресурсно-сырьевую базу, обладающую значительным, но пока не реализованным потенциалом. Интересна в этой связи позиция А.Д. Богатурова, который, по сути, сформулировал те основные принципы дальневосточной политики России (Дальний Восток, как стратегический резерв; необхо-

димость противодействия устойчивому желанию других государств воспользоваться этим резервом; примат государства в освоении региона; и более осмотрительный способ взаимодействия с партнёрами), которые сегодня во многом разделяются руководством страны **[2, с. 90-92]**.

Однако и в такой форме подход к освоению Дальнего Востока представляется не отвечающим современной действительности. Попытки придумывать обоснования существованию и использованию региона означает заведомую консервацию его развития. Функциональная нагрузка Дальневосточного региона не может иметь решающего значения для интенсификации его освоения хотя бы потому, что в ходе самого освоения она может существенно меняться. Общим местом становится утверждение о необходимости сохранения Дальнего Востока в составе России, но такое сохранение возможно только в силу его интенсивного освоения. Неважно, зачем существует Дальний Восток в составе России, важно в какой форме он существует, как встроен в геополитическую структуру государства.

На наш взгляд, определение места Дальневосточного региона в геополитической структуре современной России необходимо строить, исходя из следующих положений:

- ♦ во-первых, Дальний Восток – органическая часть современной России, и какую бы функциональную нагрузку он не нёс, это положение вряд ли изменится;
- ♦ во-вторых, Дальний Восток никогда не представлял собой единого целостного региона, он всегда являлся неким конгломератом территорий, во многом искусственно сведённых во что-то единое;
- ♦ в-третьих, основная задача встраивания Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России – это не только создание транспортной инфраструктуры, способной соединить регион с остальными частями страны, но и формирование такой структуры хозяйствования и расселения, которая была бы привлекательна для значительного количества населения из западной части страны.

Первое положение, кажется, звучит несколько банально, ведь собственно мало кто отрицает эту простую истину. Однако среди экспертов стало общим местом говорить об оторванности, а иногда даже об изолированности Дальнего Востока от остальной части страны. Вместе с тем, привязанность периферии к центру определяется не только этим. Ключевым моментом здесь должно выступать отношение уровня легитимации проживающим населением того политического курса, который проводит центральное руководство, к количеству ресурсов (материальных, идеологических и силовых), необходимых центру для поддержания приемлемого уровня легитимации. С этой точки зрения Дальний Восток характеризуется, пожалуй, наилучшим соотношением в стране: небольшое количество ресурсов обеспечивает практически полный контроль над регионом.

Постоянно, приблизительно до 2004 г. снижающаяся экономическая активность центрального правительства привела к тому, что на территории региона обеспечивается только минимальный уровень благосостояния. Перманентное сокращение военного присутствия стало причиной существенного ослабления позиций страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Разноголосица мнений породила в регионе настроение неопределённости и нестабильности. И, тем не менее, российский центр продолжает оказывать существенное влияние на все внутрирегиональные процессы на Дальнем Востоке и поддерживать достаточный уровень своей легитимности.

Хорошей иллюстрацией этого является позиция населения Дальнего Востока. С одной стороны, жители региона явно не легитимируют

национальные интересы страны в рамках региона. Об этом, в частности, свидетельствует не прекращающийся отток населения, который продолжается даже после инициации серии грандиозных проектов, требующих привлечения значительного числа рабочей силы **[3, с. 135]**. Кроме того, в опросах общественного мнения Москва предстаёт в качестве одной из серьёзнейших угроз существованию региона. С другой стороны, Дальний Восток – это регион России с наименее выраженными сепаратистскими устремлениями. Как окраина он сильнее, чем другие регионы страны политически привязан к центру. Устойчиво высокое негативное отношение дальневосточников к соседям по Северо-Восточной Азии (прежде всего, Китаю) практически полностью нивелирует всякую возможность добровольного отделения **[5, с. 78-79; 8, с. 115-117, 121]**.

Причиной этого является внешнее в целом агрессивное окружение Дальнего Востока. Вкрапление в совершенно чужеродную культуру заставляет искать устойчивые связи с эндемической территорией. Даже негативно воспринимаемый центр остаётся дальневосточникам культурно и ментально ближе, чем соседние Китай, Корея и Япония. Более того, периодически обостряющиеся идеи китайской или японской экспансии на Дальний Восток России не могут добавить взаимопонимания и даже наоборот усиливают недоверие и подозрительность по отношению к выходцам из стран Северо-Восточной Азии.

Как следствие проникающие китайские мигранты остаются культурно чужеродным образованием в рамках дальневосточного населения. Они практически никак не растворяются среди коренных жителей и даже наоборот стараются поддерживать свою обособленность, оставаясь своеобразно «вещью в себе», не проницаемой для некитайского населения. Например, на Дальнем Востоке единичными остаются смешенные браки между русскими и китайцами. Причём даже незначительное число таковых можно интерпретировать скорее как фиктивные, направленные на то, чтобы легализоваться китайскому рабочему в России.

В этой связи главная опасность скрывается в том, что не интегрированные в российское общество китайские мигранты образуют параллельную систему властных отношений, ориентированную не на российские органы государственной власти, а на созданные ими самими структуры. Так, большинство китайцев, каким-либо образом работающих в России, контролируется китайскими преступными синдикатами – триадами, которые, в свою очередь, плотно взаимодействуют со спецслужбами Китайской Народной Республики. Таким образом, получается ситуация сосуществования на одной территории двух параллельных государственных структур с диаметрально противоположными целями, и остаётся только вопросом времени, какая из данных структур окажется более жизнеспособной.

Осознание процессов, происходящих на российском Дальнем Востоке, должно по-иному повернуть вопрос о так называемом «освоении» данного региона. Можно смело утверждать, что мышление в рамках дихотомии «осваивать – не осваивать», понимая под «освоением» постоянный искусственно стимулируемый процесс привлечения ресурсов в регион, а под «не освоением» – крайний вариант в духе Ф. Хилл и К. Гэдди, на сегодняшний день совершенно непродуктивно. Даже незначительное изменение формы присутствия России на Дальнем Востоке (например, замена постоянно проживающего населения рабочими, используемыми вахтовым методом, увеличение доли иностранных мигрантов и т.д.), не говоря уже о свёртывании всякого присутствия в регионе, может привести к кардинальным геополитическим сдвигам, которые затронут всю страну. Отказываться придётся не от «лишних» (вариант – «ненужных», «отягощающих») территорий, а от интегрированных частей страны.

Ещё более абсурдной логика «освоения» Дальнего Востока выглядит с географической точки зрения. Собственно, какую часть России и по какому признаку мы выделяем в регион Дальний Восток? Вопрос не праздный, так как кроме экономико-географического принципа выделения никакие другие критерии не работают. Подавляющее большинство населения Дальнего Востока ни этнически, ни религиозно, ни культурно, ни, тем более, цивилизационно не отличаются от населения России в целом. Принципиальное значение имеет только фактор проживания на данной территории. Но и он обособляет дальневосточников лишь теоретически, потому что, кроме экономических причин, ничего не сдерживает их миграцию.

Некоторые дальневосточные учёные **[1, с. 30-35; 11; 13, с. 28-30]** уже поднимали проблему степени интегрированности различных частей Дальневосточного региона, указывая, в частности, на то, что «среди субъектов Российской Федерации, существующих на этой территории ныне, гораздо больше различного, нежели чем общего» **[13, с. 31]**. Однако сегодня важно понять, что Дальний Восток – понятие, скорее, абстрактное, чем реальное.

В начале статьи мы не пытались, как это часто принято, дать своё определение Дальнему Востоку. Причина проста – для определения границ региона нет ни одного безупречного критерия. Субъекты Российской Федерации, сходящие в Дальневосточный федеральный округ, не только кардинально различаются по экономическим, географическим, а иногда даже по культурным параметрам, но и практически никак не взаимосвязаны друг с другом. Единственной линией, которая хоть как-то структурирует территорию Дальнего Востока, можно назвать Транссибирскую магистраль. Её наличие способствует определённым контактам соседних регионов. Транспортное сообщение же с территориями, лишёнными железных дорог, в значительной степени затруднительно. Например, стоимость перелёта из Владивостока в Петропавловск-Камчатский составляет 2/3 стоимости маршрута Владивосток – Москва. Добраться же из Владивостока в Анадырь напрямую практически невозможно, необходимо делать пересадку в Москве (!). Сообщение с Курильскими островами затруднено даже из Южно-Сахалинска.

Экономические системы дальневосточных субъектов РФ автаркичны по своей природе. За исключением небольшого числа проектов, затрагивающих несколько субъектов (например, трубопровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», Бурейская ГЭС, автострада Чита – Хабаровск), нет никаких признаков экономической интеграции на уровне Дальневосточного региона. Все субъекты замыкаются на себя, не пытаясь расширить взаимодействие с соседями.

Отчуждённость внутри Дальнего Востока прослеживается даже на ментальном уровне. Наиболее типичный пример – это извечный антагонизм Хабаровска и Владивостока в отстаивании первенства по Дальневосточному региону **[1, с. 33]**.

Дальний Восток органически распадается на слабо взаимосвязанные части со своими специфическими особенностями функционирования и специфическими региональными интересами.

Наиболее важным дифференцирующим признаком можно назвать климатические условия, которые хотя в целом признаются малоблагоприятными, но сильно разнятся в зависимости от места проживания. По принятой ещё Институтом географии АН СССР балльной оценке природных условий Дальний Восток разделяется на территории с благоприятными (2,7%), среднеблагоприятными (28,2%), малоблагоприятными (7,5%) и неблагоприятными (61,7%) условиями проживания для человека **[3, с. 46]**. К первым двум типам относятся территории Хабаровского

и Приморского краёв, Сахалинской, Амурской и Еврейской автономной областей. Естественно, что именно в этих, «южных» субъектах Дальневосточного федерального округа концентрируется основная часть населения и доля промышленности. Так, если средняя плотность населения всего ДВФО составляет 1,1 человека на км^2, то в «южных» субъектах она значительно возрастает: в Хабаровском крае – до 1,8, в Амурской области – до 2,4, в Еврейской автономной области – до 5,13, на Сахалине – до 6,04, а в Приморском крае – до 12,26, что превосходит среднероссийский показатель плотности 8,4. При этом, если в Хабаровском крае не учитывать слабозаселённые северные районы, то показатели плотности для того края можно смело утроить.

Именно эти пять основных субъектов дают основную часть валового регионального продукта по Дальневосточному федеральному округу. Так, в 2006 г. ВРП составил 981 млрд. руб., в котором доля «южных» субъектов – 69%. Причём если в абсолютных цифрах этот показатель является самым низким по России, то в оценке его на душу населения (150,3 тыс. руб. – в среднем по Дальнему Востоку, 150,7 тыс. руб. – в среднем по пяти «южным» субъектам) он уступает лишь промышленно насыщенным Уральскому и Центральному федеральным округам **[15, с. 10-11]**.

Таким образом, картина встроенности Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России выглядит следующим образом: Амурская и Еврейская автономная области и Хабаровский и Приморский края, опираясь на такую транспортную артерию как Транссиб, в большей степени, чем другие дальневосточные субъекты РФ интегрированы в российское экономическое и социальное пространство. Остальные дальневосточные субъекты РФ на сегодняшний день вынуждены постоянно преодолевать транспортную оторванность.

При таких условиях сохранение в государственной терминологии понятия Дальний Восток, определяющего всю восточную окраину России, представляется опаснейшим атавизмом. Восприятие Дальневосточного региона в качестве единого целого только мешает проведению адекватной политики на востоке страны. У Приморского края нет никаких проблем схожих с проблемами Камчатки или Чукотки. Более того, их проблемы диаметрально противоположны. Условия хозяйствования в субъектах совершенно различны, но унификация в рамках дальневосточного федерального округа идёт по усреднённым показателям. Скажем, при анализе японской инвестиционной активности на Дальнем Востоке указываются достаточно оптимистические показатели. Но основная масса японских инвестиций (88%) концентрируется на Сахалине в рамках проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Другие части Дальнего Востока представлены крайне незначительно **[10, с. 68]**. Можно сказать, что существование Дальневосточного федерального округа в современном виде только вредит развитию Дальнего Востока в целом и его отдельных частей в частности.

Такая конфигурация Дальневосточного региона заставляет поновому поставить вопрос о его встраивании в геополитическую структуру России.

Политический аспект проблемы требует дифференцированного подхода к дальневосточным субъектам Российской Федерации. «Южные» субъекты нуждаются в прямом контроле и директивном определении политического курса ровно в той же мере, в какой любые регионы центральной России. Здесь политические процессы во многом аналогичны процессам, протекающим в других субъектах. Не потерянная ими способность к саморегулированию может только способствовать их успешному развитию. С другой стороны, как показывает практика, эффективность

управления «северными» субъектами напрямую связана со способностью центра жёстко контролировать происходящие там процессы. В этой связи представляется вполне логичным решение о возможности разделения Дальневосточного федерального округа на две части: объединяющую «южные» дальневосточные субъекты и объединяющую «северные» субъекты. В этом случае удастся хотя бы частично приспособить политику центра к интересам и устремлениям различных дальневосточных регионов. Подобное разделение необходимо принимать во внимание и при составлении программ экономического развития.

Другой важный аспект связан с необходимостью формирования развитой транспортной инфраструктуры. Отрицать, тот факт, что как «южные», так и, особенно, «северные» части Дальнего Востока обладают слабой инфраструктурой невозможно. Поэтому можно в целом согласиться с Федеральной целевой программой «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.», ориентирующей до 2/3 предусмотренных средств на развитие в топливно-энергетическую и транспортную сферы, и Президентом РФ Д.А. Медведевым, который в мае 2009 г. в Хабаровске, заявил о необходимости создания на Дальнем Востоке развитой транспортной инфраструктуры.

При этом важно понимать, что транспортная инфраструктура не создаётся для простого соединения двух точек в пространстве. Территориальная структура и её опорный каркас – совокупность центров и соединяющие её магистрали, как определяют современные геополитики, это «экономико-географический механизм целостности страны. Рационализация территориальной структуры увеличивает заключающийся в ней потенциал скрепления частей страны в единое целое, формирует единое пространство – экономическое, культурное, научное. Рыхлая территориальная структура способствует центробежным силам, сепаратизму, чревата распадом страны» **[7]**.

Сама транспортная инфраструктура не стимулирует экономической активности, но создаёт весьма благоприятные для неё условия. Подхлестнуть активность экономических отношений на Дальнем Востоке, особенно в его южной части, способно лишь государство. В этом плане мы полностью солидаризируемся с мнением А.Д. Богатурова **[2, с. 92-93]**. Но такая констатация важной роли государства связана не с уникальностью Дальневосточного региона и невозможностью решения его проблем посредством либерального принципа «рыночного саморегулирования», а с пониманием того факта, что сам либеральный принцип начал давать существенные сбои и при решении экономических задач практического характера его всё чаще отодвигают в дальний угол.

Заканчивая данный анализ, следует обратить внимание на то, что встраивание Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России невозможно без кардинального переосмысления сути самого региона, поиска новых контуров его функционирования. Сегодня уже невозможно подходить к Дальнему Востоку с взглядами прошлого, а то и позапрошлого столетия. Сам Дальний Восток изменился до неузнаваемости, и загнать его обратно в рамки примитивной «освоенческой» идеологии невозможно.

Новый подход к дальневосточной геополитике должен иметь несколько основных слагаемых. Во-первых, «удержание» Дальнего Востока сегодня связано не с присутствием здесь российского населения или его количеством, а, прежде всего, с политическими процессами легитимации данным населением того политического курса, который проводит центральное российское руководство, как в отношении страны в целом, так и в отношении Дальневосточного региона. Поэтому оторванность региона – это не его удалённость, а ориентация российского насе-

ления на другие геополитические центры. Во-вторых, повысить степень легитимации можно только двумя параллельными взаимосвязанными процессами: созданием транспортной инфраструктуры, способной пространственно соединить разорванные части страны в единое целое, и целенаправленным стимулированием внутреннего потенциала дальневосточных территорий. И, в-третьих, Дальний Восток уже давно перестал быть единым образованием, а потому и политика центра должна быть дифференцирована. Сегодня чётко выделяются северный (приполярный) и южный (приамурский) вектора структуризации Дальневосточного региона. Изменять их направления или, тем более, сводить их в один вектор чревато негативными последствиями.

Реализация этих принципов будет способствовать естественному, а не искусственному включению Дальнего Востока в геополитическую структуру современной России, в то время как пренебрежение ими может дать старт ползучему обособлению дальневосточных субъектов Российской Федерации

◆

Литература

1. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока. // Полис. 2004, № 5. С. 28-39.

2. Богатуров А.Д. Российский Дальний Восток в новых геопространственных измерениях Восточной Евразии. // Мировая экономика и международные отношения. 2004, № 10. С. 90-98.

3. Быстрицкий С.П., Заусаева В.К., Хорошавин А.В. Дальний Восток России: становление новой экономики. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2008. 267 с.

4. Концепция развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России. // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 1. С. 4-29.

5. Козлов Л.Е. Общественное мнение Дальнего Востока о внешней и внешнеэкономической политике России в АТР. // Проблемы Дальнего Востока. 2007, № 3. С. 70-81.

6. Кюзаджян Л.С. Тихоокеанское направление внешней политики России. // Россия и современный мир. 1997, № 3 (11). с. 105-127.

7. Лаппо Г.М. Территориальная структура России в начале XXI века. [Электронный ресурс]. URL: http://geo.1september.ru/2002/33.htm [Дата обращения: 3.10.2008].

8. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 5. с. 111-123.

9. Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России в начале XXI века. // Свободна мысль. 2007, № 2. С. 142-154.

10. Левинталь А. Развитие внешнеэкономических связей Дальнего Востока России: проблемы и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 2. С. 66-77.

11. Минакир П.А Дальневосточный регион: история реформы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.partnerregions.org/fecentr/G1-98-6.html [Дата обращения: 3.05.2005].

12. Национальные интересы России в АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. // Информационный бюллетень № 6, М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1998. 117 с.

13. Саначёв И.Д. «Российский Дальний Восток» как научная дефиниция: понятийная постановка проблемы. // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: политика, экономика, безопасность / Под общей ред. М.Ю. Шинковского. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. С. 28-34.

14. Сорокин К.Э. Геополитика современности геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. 168 с.

15. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в I квартале 2008 г. М., 2008. 45 с.

16. Титаренко М.Л. Сибирь и Дальний Восток как стратегическая база интеграции России в АТР. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 6. С. 98-105.

17. Троекурова И. Модели интеграции российского Дальнего Востока в АТЭС. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 2. С. 63-79.

18. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирский холод. Как география России замедляет рыночные реформы. // Международная жизнь. 2001, № 12. С. 74-88.

УДК 327

Журбей Е.В.

Внешняя политика и внешнеполитический процесс Администрации Дж. Буша – старшего

Foreign policy and foreign police process **of the George H.W. Bush administration**

Данная статья посвящена внешнеполитическому процессу республиканской администрации Джорджа Буша-старшего в период 1989 – 1992 годов. Автор уделяет особое внимание технологической стороне работы высшего руководства США и обеспечению международного курса государства. В статье на основе научных моделей принятия решений анализируется внешняя политика США в период республиканской администрации Дж. Буша – старшего.

Ключевые слова: *внешняя политика, внешнеполитический процесс, новый мировой порядок, совет национальной безопасности, государственный департамент, республиканская администрация*

◆

This article is devoted to the foreign policy process of the republican administration of George H.W Bush during the 1989 – 1992 periods. The author pays the particular attention to technological aspects of the work of top U.S. administration and ensures an international course of the state. On the basis of scientific decision-making models the U.S. foreign policy is analyzed in the republican administration of George H.W.Bush.

Key words: *foreign policy, foreign policy process, the new world order, national security council, the State Department, the Republican administration*

В своих мемуарах Джордж Буш пишет о том, что ему повезло работать с тремя республиканскими президентами: Ричардом Никсоном, Джеральдом Фордом и Рональдом Рейганом. «Изучение их опыта позволило мне понять как должна строиться внешняя политика и система национальной безопасности, как надо работать с Конгрессом и вообще почувствовать, с какими проблемами встречается Президент» **[2, с. 26]**. Как пишет Буш он «намеревался стать Президентом, который держит руль в своих руках. Я хотел, чтобы ключевые фигуры моей внешнеполи-

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находке. **E-mail:** cpr2001@rambler.ru

Продолжение. Начало в № 4 за 2010 г.

тической команды знали, что я буду детально вникать в проблемы обороны, международной торговли и внешней политики, но в тоже время не буду пытаться постичь все нюансы и сложности политики» **[2, с. 27]**. Президент окружил себя сильными людьми и не боялся делегировать им полномочия. Данные принципы позволили Бушу сформировать следующую внешнеполитическую команду.

Буш сохранил государственного секретаря в качестве основного исполнителя решений и советника президента в вопросах внешней политики, но решил отвести большую автономность в этой сфере советнику президента по национальной безопасности, который руководил работой аппарата Совета национальной безопасности. По закону СНБ состоит из четырёх членов: президента, вице-президента, госсекретаря и министра обороны. Директор ЦРУ, председатель комитета начальников штабов и советник президента по вопросам национальной безопасности участвовали в заседаниях СНБ в качестве советников.

Фигура государственного секретаря США в администрации Буша Джеймса Бейкера заслуживает особого внимания. Удачи и неудачи республиканской администрации во внешней политике в той или иной степени можно отнести на счёт этого человека. Назначение Дж. Бейкера государственным секретарём было сверхбыстрым. Сразу же после победы 9 ноября 1988 г., не покинув свой родной штат Техас, Буш на своей первой конференции в качестве победителя объявил о своём первом назначении на пост государственного секретаря Джеймса Бейкера **[3, с. 240]**. Столь быстрое назначение многие из аналитиков первоначально назвали поспешным. Главным недостатком Бейкера многочисленные оппоненты считали отсутствие внешнеполитического опыта. Данный аргумент вновь обозначился в начале 90-х гг., когда стратегия национальной безопасности под названием «новый мировой порядок», подверглась всесторонней критике, в том числе и внутри партии. Влиятельный исследовательский центр, объединяющий преимущественно правых республиканцев «Фонд Наследия», создал в 1991 – 1992 гг. альтернативный внешнеполитический проект, подвергший в ряде положений концепцию «нового мирового порядка» суровой критике. Главным недостатком внешней политики Буша правые республиканцы признавали грандиозность планов, при отсутствии реальных ресурсов для их реализации.

Действительно Бейкер не имел значительного опыта на поприще внешней политики. Однако он прошёл серьёзную школу аппаратной работы в подразделениях Белого дома, в частности в 1980 по 1985 гг. он занимал пост руководителя аппарата Белого дома. Пост руководителя аппарата президента нередко считают вторым по влиянию во всей администрации, по причине того, что именно её руководитель определяет приоритет рассмотрения тех или иных дел или тех или иных бумаг, направляемых президенту США **[3, с. 248]**. Внутрипартийная борьба, развернувшая в последние годы пребывания Джорджа Буша в Белом доме, уже явственно обозначилась в первые годы правления Р. Рейгана. Вокруг поста занятого Бейкером развернулась острая конкуренция между консервативным крылом республиканской партии (Э. Миз, У. Кларк, К. Уайнбергер, Д. Кирпатрик и др.) и «прагматическим» крылом (Д. Бейкер, М. Дивер, С. Стюарт и др.), при активной поддержки жены президента Нэнси Рейган предпочтение было отдано прагматику Бейкеру. На протяжении пяти лет правые республиканцы рассматривали фигуру Бейкера «в качестве одного из главных препятствий в проталкивании собственной повестки дня и рекомендации через Белый дом» **[3, с. 250]**. Уход Бейкера в 1985 г. из аппарата президента в министерство финансов негативным образом отразился на деятельности аппарата Белого дома

(скандал Иран – контрас), но позволила самому Бейкеру получить опыт во внешнеэкономической сфере. «В качестве министра финансов, он совершил поездки в 17 стран, возглавлял американские делегации на различных переговорах по международным проблемам, был лично знаком с руководителями всех крупнейших союзников США. К тому же на протяжении восьми лет, сначала как руководитель аппарата сотрудников Белого дома, а потом как министр финансов, неоднократно принимал участие в заседаниях Совета национальной безопасности, на которых обсуждались и принимались решения по важным внешнеполитическим вопросам» **[3, с. 253]**. Так что определённый опыт на поприще внешней политики он уже имел.

Приход Бейкера в «Фогги боттон» ознаменовал существенную смену руководящего состава государственного департамента. Президент при всей сложности подбора нужных людей для заполнения должностей высшего эшелона предоставил своему ближнему окружению свободу выбора помощников. Бейкер в заместители взял себе Лоуренса Иглбергера и президент одобрил этот выбор, так как у последнего был большой опыт, он служил за рубежом в качестве посла, занимал ключевые посты в Госдепартаменте в администрациях Форда и Рейгана. Как отмечала впоследствии Б. Скоукрофот «привлечение Лари в огромной степени способствовало повышению процессионального уровня разработки и воплощения наших решений в области национальной безопасности» **[2, с. 34]**.

Смена кадрового состава диктовалась новыми проблемами, требующими нестандартных решений, а значит внесения значительных корректив во внешнюю политику прежней администрации США. Новые кадры, по мнению Бейкера, должны были генерировать и вырабатывать принципиальные решения. «Бейкер привёл с собой большую группу доверенных и малоизвестных помощников, которых профессиональные дипломаты окрестили «младотурками». Это настолько узкая и закрытая группа, что некоторые официальные лица и дипломаты говорили о том, что Бейкер руководит «госдепартаментом внутри госдепартамента», то есть высокопоставленных сотрудников внешнеполитического ведомства, вплоть до уровня помощников госсекретаря, порой игнорируют при обсуждении каких-либо политических шагов, и что Бейкер зачастую держит их в неведении относительно своей стратегии или хода рассуждений, приведшего его к определённому решению» **[3, с. 259]**. Отчасти данное обвинение механизма руководства госсекретаря со стороны профессиональных дипломатов было оправданным и, возможно, именно этим можно объяснить неспособность чиновников государственного аппарата создать принципиально новую реалистическую стратегию национальной безопасности страны. Концепцию «нового мирового порядка» реалистической по множеству параметров назвать нельзя.

Отношения Бейкера с профессиональными дипломатами не сложились с самого начала. Во второй половине 1989 г. в высших эшелонах дипломатической элиты разразился скандал, связанный и именем Джеймса Бейкера. Новый государственный секретарь довольно долго тянул с назначением ключевых чиновников в своём ведомстве, а также с назначением дипломатических послов США за рубеж. После соответствующего прессинга Бейкер неожиданно отдаёт предпочтение не зарекомендовавшим себя специалистам, а представителям академической науки, сослуживцам по министерству финансов и по попросту бизнесменам. Причём данные назначения проводились не только в госдепартаменте, но под влиянием Бейкера и в других подразделениях американской администрации.

В ближайшее окружение Бейкера в госдепе также входили заме-

ститель госсекретаря по политическим вопросам Роберт Киммит, помощник по законодательным делам Джанет Маллинс и помощник по связям с общественностью Маргарет Татуайлер. Ярый протест «не только среди сотрудников госдепартамента, но и в сенате вызвало назначение двух состоятельных владельцев недвижимости – Джозеффа Заппалы и Мелвина Сэмблера – послами в Испанию и Австралию. В печати это связывали с тем, что оба они внесли в фонды избирательной кампании Буша по 125 тысяч долларов» **[3, с. 255**]. В ответ на это американские дипломаты, объединённые в подобие профессионального союза – Ассоциацию американских дипломатов, подают в федеральный суд округа Колумбия иск на Джеймса Бейкера. «Целью такого необычного шага было привлечь внимание к практике, администрации, которая …принялась раздавать посольские посты людям, порой не соответствующим, по мнению Ассоциации, этим должностям, но проявившим лояльность к президенту» **[3, с. 255]**.

Подобное развитие событий не придавало деятельности государственного департамента стабильности, столь необходимой в период происходящей трансформации всей системы международной отношений. Выбранные стиль руководства Бейкером своим ведомством вызывал также много нареканий, прежде всего со стороны тех его работников, которые остались работать от прежней администрации. В американской политической системе после выборов происходит массовая кадровая смена всех подразделений только в случае прихода в Белый дом представителей другой партии. В нашем случае администрация Буша пришла на смену администрации Рейгана без кардинальных изменений в составе государственного аппарата. Представители прежнего аппарата госдепартамента надеялись на автоматическом продолжении стиля руководства, предыдущего государственного секретаря Джорджа Шульца **[5, с. 535-536]**. В отличие от Шульца, исповедующего коллегиальный стиль руководства, заключавшийся в периодических расширенных совещаниях, Бейкер придерживался принципа «пирамиды». Всевозможные предложения, возникающие в недрах госдепартамента, должны были проходить через все головы его помощников, в итоге все главные решения принимаются узкой группой приближённых к государственному секретарю. Данная группа и состояла из приведённых самим же Бейкером людей.

Помимо Бейкера знаковой фигурой в администрации Буша становится Брент Скоукрофт возглавивший Совет национальной безопасности. Скоукрофт сформировал новую систему СНБ после чего президент определял руководителя Совета в качестве основного менеджера в сфере внешней политики. При Буше фигура советника по безопасности становится определяющей. В своих воспоминаниях Буш пишет: « Я старался держать Брента в курсе проблем и принципиальных решений. Брент присутствовал при моих важных разговорах в Диком Чейни или Джимом Бейкером. Били отдельны случае, особенно в напряжённые месяцы объединения Германии или «Бури в пустыне», когда Бейкер информировал меня по телефону и я одобрял те или иные его действия, но я всегда потом сообщал об этом Бренту или знакомил его с материалами. Обычно все просьбы переговорить со мной по телефону по вопросам безопасности или внешней политики проходили через Брента» [2, с.43]. Брент пользовался самым широким доверим президента, в том числе в вопросах подбора кадров. Именно в аппарате СНБ появляется будущий советник по безопасности и будущий государственный секретарь США Кандолиза Райс. «Я остановил свой выбор на Конди потому, что она глубоко знает советскую историю и политику, умеет объективно и сбалансировано оценивать происходящее, обладает острым умом, склонна к стра-

тегическому мышлению и концептуализации. Она прошла стажировку в Объединённом комитете начальников штабов достаточно хорошо ориентировалась в современных военных делах. Она была очаровательна и непринуждённа, но когда ситуация требовала, могла быть тверда как сталь» **[2, с. 44]**.

Заседания СНБ, как правило, начинались ежедневно в 8 утра и проходили в два этапа. Сначала президенту предоставляла информацию разведка, а после доклада ЦРУ начиналась вторая часть. Именно советник по безопасности следил, чтобы на этих ежедневных совещаниях не принимались решения, затрагивающие интересы других министерств и агентств, связанных с обеспечением национальной безопасности. Эти утренние совещания у президента по воспоминаниям Б. Скоукрофта «играли очень важную роль в определении внешней политики» **[2, с. 36]**.

В своё время президент Рейган расширил состав участников заседания СНБ за счёт лиц, которые не входили по закону в состав этого органа. При новой администрации наметилась стремление «свести число участников к необходимому минимуму, чтобы создать условия для серьёзного откровенного диалога и уменьшить риск утечки» **[2, с. 41]**. В дальнейшем это тенденция была реализована в создании нового высшего неформального совещательного органа, так называемой «сердцевинной группы», которая продолжала действовать на протяжении всего срока администрации. Скоукрофт отмечает, что «уже на первом этапе администрации я понял, что крупномасштабная дискуссия в полном составе Совета национальной безопасности – не совсем подходящее место для серьёзного и откровенного разговора высших советников президента. Некоторых смущает присутствие работников аппарата СНБ, что, по их мнению, увеличивает риск утечки важных сведений. Я предложил провести первоначальное обсуждение в Овальном кабинете в узком составе с участием Куэйла, Бейкера, Чейни, Иглбергера, Гейтса, Сунуну и меня самого. Президенту это предложение понравилось, и такое совещание состоялось» **[2, с. 49]**. В дальнейшем, несмотря на то, что официальные заседания СНБ проводились регулярно, работа указанной неформальной группы, принимавшей практические решения, была скорее правилом, чем исключением.

Дискуссии, которые разворачивались на «сердцевинной группе» импонировали президенту Бушу, и он одобрил в дальнейшем практику подобных начинаний: «Мне нравился обмен мыслями между Чейни, Бейкером и Скоукрофтом. Их новаторские предложение позволяли нам продвигаться в нужном направлении… Эти дискуссия позволяла мне убедиться в том, что лучшие умы работали на тем, что надо делать дальше, и я с нетерпением ждал претворения этих идей в практическую политику» **[2, с. 52]**.

К лучшим умам своей администрации Буш относил и министра обороны США, а именно Ричарда Чейни. Знаковую фигуру не только в администрации Буша старшего, но и в администрации будущего президента США Джорджа Буша младшего. Изначально на должность министра рассматривался Б. Скоукрофт и он сам желал занять именно этот пост, но президенту Скоукрофт был необходим на должности советника по безопасности. Выбор президента пал на Дика Чейни, который тогда был видным представителем республиканской партии в нижней палате Конгресса и старшим членом Комитета по разведке, а значит был хорошо информирован в военных вопросах. При президенте Форде Чейни руководил аппаратом Белого дома и знал процесс формирования политики в администрации, а сам президент Буш стал руководителем ЦРУ. Скоукрофт же занимал в администрации Форда должность советника по

безопасности. Можно предположить, что командная связка Буш – Скоукрофт – Чейни и примкнувшего позже к ним Бейкера сформировалась за долго до 1988 года.

По мнению многих экспертов, военный блок во внешней политике США был наиболее проработанным, а внешнеполитические инициативы, исходящие от венных были наиболее прагматическими и реалистичными. В этой связи в дополнении к министру обороны ещё одним важным участником команды по вопросам национальной безопасности, внешней политики является председатель Объединённого комитета начальников штабов. После ухода адмирала Кроу по предложению Д. Чейни председателем данного ведомства становиться весьма популярный в армии будущий герой войны в Персидском заливе чернокожий генерал Колин Пауэлл **[5, с. 340]**. Буш был знаком с Пауэллом с администрации Рейгана, где Пауэлл являлся советникам Рейгана по национальной безопасности.

Именно ведомству К. Пауэлла принадлежит один из последних заслуживающих внимание документов затрагивающих внешнюю политику. В январе 1992 г. Объединённый Комитет Начальников Штабов выпускает «Национальную военную стратегию» **[18]**. В предисловии к этому документу Колин Пауэлл формирует видение сложившейся обстановки в мире и роль США в меняющемся мире, которые, в отличие от глобалистических положений «нового мирового порядка», выглядят значительно реалистическими и понятными для населения. «Сущность нашей национальной безопасности последние 45 лет определялась политикой сдерживания Советского Союза и его коммунистической идеологии. Но в течении трёх последних лет в мире события развивались стремительно: рухнула Берлинская стена, прекратил существование Варшавский пакт, объединилась Германия, демократия победила в странах Восточной Европы и окрепла в странах Латинской Америке, была отражена агрессия Ирака против Кувейта, а СССР оказался в ситуации коллапса, как в физическом, так и моральном плане… США по прежнему стремятся к мировому лидерству, распространяя культурное, политическое и экономическое влияние на страны мира… Мы можем достойно встретить любой брошенный нам вызов в обозримом будущем, полагаясь при этом силу, сократившуюся по сравнению, с той, что мы имели недавно. Наша мощь для 90-х гг. заключается в базовой (тотальной, объединённой) мощи, т.е. всей совокупности всех наших активных и резервных компонентов армии» **[18]**. Процитированный отрывок несёт на себе большую функциональность и преемственность с аналогичными документами предшествующих администраций США.

Отмеченная выше практика кулуарных решений по вопросам внешней политики нашла неоднозначную оценку в экспертном сообществе. Подобная практика, на первый взгляд, не содержит недостатков, однако, это только на первый взгляд. Стиль руководства Буша и его соратников в большей мере напоминал стиль руководства не президента Рейгана, а «плохо» окончившего президента Р. Никсона. Главным недостатком подобного руководства являлось то, что важнейшие решения принимались узкой группой людей без всестороннего обсуждения, а в большей мере без процедуры всестороннего привлечения разноплановых специалистов. Например, руководство государственного департамента, приняв то или иное решение, должно было проводить разъяснительную политику внутри своего же ведомства, что было бы лишним в случае коллегиального или всестороннего принятия того решения. «Вкус Буша и Бейкера к секретной дипломатии, их тенденции к тому, чтобы многое ставить на личные отношения с зарубежными лидерами, привычка концентрировать принятие политических решений в руках немногих,

предпочтительно в своих собственных, делает их более открытыми для нападок, если ситуация выходит из под контроля», – констатирует журнал «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» **[3, с. 262]**. Создав прецедент в необходимости объяснения свои решений внутри собственных же ведомств, администрация Буша была вынуждена вести и соответствующие разъяснения через средства массовой информации в американском обществе. Столкнувшись с частичным непониманием внутри собственного ведомства, чиновники госдепартамента, в конце концов, не справились с работой по пропаганде новой стратегической инициативы под названием «новый мировой порядок» и в обществе в целом.

Критика внешнеполитического процесса заставляют нас обратиться к вопросу принятия внешнеполитических решений. В современной американской политической науке существует целый ряд подходов к анализу процесса принятия внешнеполитических решений. В этой связи интерес представляет исследование Стива Йетива, доцента Университета Олд Доминион. Его труд «Постижение внешней политики: принятие решений в США и война в Персидском заливе» интересен, прежде всего, для тех, кто занимается исследованиями внешнеполитического процесса вообще **[20]**.

На материале войны в Персидском заливе 1991 года Стив Йетив делает ряд полезных обобщений относительно процесса принятия государственных решений в США. С. Йетив исследует процесс принятия решений 1991 г. о начале войны в Персидском заливе на основе четырёх уже известных по литературе групп моделей и предлагает пятую, разработанную им самим. Обобщая полученные выводы, автор стремится не только объяснить действия администрации в конкретных ситуациях, но и предложить собственные, альтернативные и более рациональные по мысли исследователя, варианты решений. В итоге автор предлагает в качестве инструментария анализа пять моделей принятия внешнеполитических решений, а именно: модель рационального выбора» (RAM); когнитивная модель (Cognitive model); модель группового мышления» (Group think); модель оценки политики правительства (Government Politics model); модель оценки внутриполитических факторов (Domestic politics analysis) **[20, с. 5]**.

«Модель рационального выбора» предполагает, что решение принимается единственным и рационально мыслящим лидером на основе присущего ему понимания национального интереса государства. Рациональный выбор предполагает идентификацию целей, вариантов действий, ожидаемых последствий и только затем принятие внешнеполитического решения. Данная модель позволяет дать ответ на следующие принципиальные вопросы: каковы были объективные факты, повлиявшие на ситуацию в критические моменты; какова была природа национальных интересов, которые преследовал субъект; каким образом он стремился максимизировать выгоды и минимизировать издержки; каков был характер стратегических взаимодействий и их эффект.

В 1991 г. Вашингтон начал военную операцию против Багдада, исходя из того, что после захвата Кувейта иракскими войсками в 1990 г. под угрозой оказались жизненно важные интересы США в регионе Персидского залива: Ирак захватил контроль над 19% мировых запасов нефти. Кроме того, на действия администрации серьёзно влияли мотивы общего стратегического характера, связанные с необходимостью формирования новой системы международных отношений, в которой США желали играть ведущую роль.

По словам Брента Скоукрофта при разрешении кризиса 1991 г. в Персидском заливе американские политики пытались действовать так, чтобы создать модель будущего разрешения кризисов в условиях после

окончания «холодной войны». «Именно таким образом формировался новый мировой порядок. Мы хотели создать модель воздействия на агрессора», – отмечал Б. Скоукрофт **[20, с. 92]**. Исчерпав дипломатические и экономические варианты давления на Ирак, США сочли оптимальным решением применение вооружённой силы. Отчасти неизбежность войны объяснялась и общей неустойчивостью военно-политических отношений США с Ираком, состояние которых лучше всего можно понять в контексте теории игр, в частности «дилеммы заключённых»: не доверяя друг другу и не имея возможности свободно общаться, обе стороны находятся в противостоянии, в сущности, не предполагают, что между ними возможные реалистические договорённости **[20, с. 53]**. «Модель рационального выбора» позволяет понять мотивы стратегического и внешнеполитического характера, однако не помогает ответу на вопрос: «в какой степени и каким образом лица, принимавшие решения, интерпретировали ситуацию на разных этапах кризиса, формулировали различные варианты решений и оценивали поступавшую информацию» **[11]**.

Второй моделью является «когнитивная модель» или «модель когнитивного анализа». Данная модель акцентирует внимание на личностных качествах политика, а также на их политическом опыте и пристрастиях. В основе когнитивного анализа процесса принятия внешнеполитических решений лежит принцип иррациональности выбора. Если модель «рационального выбора» рассматривает правительство страны как единого субъекта (актора), то при когнитивном подходе исследуется совокупность акторов, т.е. индивидуумов, принимающих участие в выработке политики и принятии внешнеполитических решений. Деятельность «сердцевинной группы» в администрации Буша является иллюстрацией подобного подхода в принятии решений.

«Когнитивная модель» предполагают, что субъекты (акторы), принимающие решения, не имеют доступа к объективной информации, находятся в очень жёстких временных рамках, обременены избыточными требованиями к обработке информации. Всё это создаёт дополнительные ограничения для рационального выбора. Когнитивные модели полагают, что акторы в процессе принятия внешнеполитического решения скорее полагаются на готовые схемы и личностные суждения, а не на анализ, строящийся на оценке издержек и выгод. Процесс принятия внешнеполитических решений в соответствии с когнитивными теориями a priori иррационален и пристрастен.

Одним из ключевых инструментов когнитивной модели является «теория аналогий». В соответствии с ней внешнеполитическое решение принимается на основе предыдущего опыта и анализа с учётом исторических параллелей. Например, один из главных разработчиков когнитивного метода Юэн Фун Хон считает, что политические лидеры используют аналогии не просто для оправдания собственной политики, но и выполняют специфические когнитивные коммуникативные функции по обработке информации в процессе принятия внешнеполитических решений **[13]**. По мнению Стива Йетива во многом повлиявшим на решения президента Буша, оказалась, проводившаяся им мысленно историческая аналогия между захватом Ираком Кувейта (1990 г.) и «Мюнхенским сговором» (1938 г.), а также внешней политикой нацистской Германии вообще. По материалам книги, в период с момента начала иракской агрессии против Кувейта весной 1990-го и августом того же года президент Буш в своих выступлениях упомянул «мюнхенский сговор» не менее 15 раз! Мышление «по аналогии», отмечает автор, способствовало ужесточению курса Вашингтона и формированию резко отрицательного образа Саддама Хусейна. Варианты не силового решения конфликта практически перестали рассматриваться президентом.

Третьей моделью является «модель группового мышления» или «теория группового решения» (Groupthink) была разработана американским социальным психологом И. Янисом. Модель восходит к социальной психологии. Основными условиями для «срабатывания» такой модели являются: во-первых, изоляция группы от внешних источников информации и мнений, способных изменить убеждения присутствующих; во-вторых, отсутствие традиции беспристрастного лидерства; в-третьих, отсутствие норм, требующих проведения систематических процедур принятия решений для отслеживания альтернативных вариантов; в-четвёртых, схожесть социального происхождения и идеологических воззрений участников группы **[20, с. 104]**. Сплочённость и единство группы воспринимается как более важное, чем реалистичность фактов, а стремление членов «группы» к единодушию превосходит их мотивацию реалистически оценивать альтернативные решения проблемы.

В случае ситуации вокруг Ирака в 1990 – 1991 гг. большинство этих условий были налицо. «Сердцевинная группа» а команде Буша была чрезвычайно сплочённым коллективом благодаря как общности социального происхождения, так и длительной совместной работы, что позволяло ей избегать долгих дискуссий. Дополнительным фактором, позволяющим судить об эффективности именно этой модели, было наличие внешнего врага, работавшее на сплочённость группы **[20, с. 111]**. В данном случае нужно оговориться, что как в любой иррациональной системе принятия решений создание «устойчивой группы» и наличие самого феномена группового процесса принятия решений не обязательно приводит к отрицательному результату. Однако риск выбора неоптимального решения и, соответственно, появление кризисной ситуации повышается многократно.

Элементы так называемого «группового мышления» присутствовали в деятельности ближайшего окружения Дж. Буша старшего на всём протяжении внешнеполитической деятельности его администрации. Однако они не оказали на неё фатальное влияние. Использование одной лишь данной модели не даёт концептуального ответа в отношении причин формирования такой группы, которые, очевидно, лежат за рамками научного метода, используемого при построении модели. Формально логические построения, такие как характеристики группы (изолированность, избыточная гомогенность) описывают лишь часть реальности и их можно отнести к функционированию любых социальных групп, призванных принимать решения.

«Модель оценки политики правительства» была разработана американским политологом Г. Аллисоном, а затем переработана им в соавторстве с Ф. Зеликовым. Данная модель, наряду с организационно-процессуальной моделью является своего рода альтернативой модели «рационального выбора» и демонстрирует междисциплинарный подход к анализу принятия внешнеполитических решений. Внешнеполитическое решение рассматривается как результат сложной игры между членами бюрократической иерархии и правительственного аппарата, каждый из которых имеет свои интересы, взгляды и представления о приоритетах внешней политики. Однако Йетив отмечает, что результаты, полученные на основе применения этой модели, не особенно интересны, поскольку в рамках «сердцевинной группы» почти не возникало противоречий, большинство решений было сформулировано президентом априорно, а потому сколько-нибудь интересной игры взаимодействий разных точек зрения просто не получилось **[20, с. 136]**. По мнению сторонников данного подхода, внешняя политика есть продукт согласования интересов и «торговли» различных органов и ведомств, возникающий в результате сложных взаимодействий внутри этих ведомств. Сторонники этой тео-

рии, как правило, опираются на значительный эмпирический материал, высвечивающий существенную роль, которую играют «аппаратные игры».

Однако при применении данной модели велик соблазн свести процесс принятия внешнеполитических решений к договорённостям или даже сговору нескольких влиятельных лиц или группировок. Реальность намного сложнее: нужно отметить, что ведомства при принятии или лоббировании тех или иных решений вынуждены учитывать интересы множества групп давления, как внутри политической элиты, так и за её пределами. Однако системные ведомственные интересы играют определённую роль в американской политической системе в целом.

Модель «оценки внутриполитических факторов» предложена С. Йетивом. Политики принимающие решения, уделяют большое внимание достижению целей внутриполитического характера, а не внешнеполитического. Первый тип целей – выполнение личных и институциональных задач (формирование положительного образа лидера, достижение успеха в решении внутриэкономических проблем). Второй тип целей можно назвать «популяризаторскими» (например, формирование у электората положительной оценки решения о военной кампании). С. Йетив полагает, что метод «конструирования образов» международных проблем может способствовать достижению обоих типов целей. В конкретном случае демонизация президента Ирака С. Хусейна и его сопоставление с А. Гитлером, а также создание стереотипа «Ирак – глобальная угроза» позволили администрации США решить целый ряд политических задач. Военно-индустриальный комплекс и министерство обороны получили врага, а республиканская партия добилась преимущества на промежуточных выборах в сенат в 1990 г. отчасти благодаря переключению внимания избирателей с проблем дефицита бюджета на ход военных действий в Ираке. Самому президенту посредством риторики о победоносной войне и формировании нового мирового порядка удалось на время сбить накал обвинений в недальновидности и «слабохарактерности». В результате даже журнал «Newsweek», с 1987 г. критиковавший Буша за «слабохарактерность», тем не менее назвал его в 1990 г. «истинно американским борцом» **[20, с. 90]**. В такой ситуации к концу октября 1990 г. Буш и его советники были настолько заинтересованы в войне с Ираком, что перспектива вступления в переговоры с ним стала попросту иллюзорной.

Внутренняя политика оказывает существенное влияние на процесс принятия внешнеполитических решений, но внутриполитические задачи, которые американская элита решала в период правления Дж. Буша старшего, вынудило администрацию отойти от постулирования идеи глобального «нового мирового порядка», оставляя её последующим поколениям, и сосредоточивается на наиболее рационалистических и функционально понятных для американцев идей.

Эволюция внешнеполитических инициатив республиканской администрации за четырёхгодичный период пребывания у власти демонстрирует перманентную ситуацию поиска решений в значительной трансформации сферы международных отношений. Идейные шатания от глобалистических положений концепции «нового мирового порядка» к реалистическим и функционально понятным положениям военной стратегии США говорят о поиске новой модели поведения американского государства в условиях осознаваемого единоличного лидерства. Анализ концептуально-теоретических оснований внешней политики администрации Джорджа Буша позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, трансформация всей системы международных отношений в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века вызвала острую необходимость

поиска новой модели взаимоотношений основных и второстепенных субъектов международных отношений. Старые наработанные внешнеполитические схемы не отвечали складывающимся обстоятельствам и требовали от их создателей принципиально новых теорий и концепций, обосновывающих происходящие и предстоящие изменения. В силу абсолютной неготовности соответствующих специалистов адекватно ответить на принципиальные вызовы международной системы, специалисты по безопасности вынуждены были использовать академические дискурсы («о новом мировом порядке», «о конце истории» и др.) для выработки своих внешнеполитических схем и в большей степени для сохранения за собой соответствующего статуса экспертов и профессионалов безопасности, способных делать прогнозы в области международных отношений;

Во-вторых, анализ внешней политики США времён правления Дж. Буша предполагает обязательный анализ целого ряда документов, официальных речей и статей позволяющих более или менее профессионально произвести соответствующий анализ, так как единого фундаментального документа, раскрывающего стратегию национальной безопасности США не существует.

В-третьих, концепция «нового мирового порядка» воспринималась как концепция по созданию после победы в холодной войне благоприятной для цивилизованных стран, и в первую очередь США инфраструктуры способствующей распространению растущего влияния на длительный период. Данная концепция в своей основе продолжала обосновывать зависимость проведения внешней политики США от национальных интересов, что является несомненным доказательством идеологической близости современных республиканцев с республиканизмом начала века Теодора Рузвельта и школой политического реализма Г. Моргентау. Все важнейшие внешнеполитические акции администрации Буша (операция в Панаме и в Персидском заливе) являются тому явным подтверждением;

В-четвёртых, в качестве центрального приоритета стратегия национальной безопасности США рассматривала распространение победившей либеральной демократии в её американском варианте и обеспечение глобальной безопасности. Положение об обеспечении глобальной безопасности наряду с контурами нового подхода к урегулированию потенциальных конфликтов являлись принципиально новыми положениями, сформулированными внешнеполитической стратегией США. Возможные конфликты американская администрация Буша предлагала урегулировать на основе принципов международного права. Однако один из важнейших принципов международного права принцип нерушимости границ начинает приходить в противоречие с принципом самоопределения. Республиканцы в этой связи впервые предложили изменить существующие критерии военного вмешательства во внутренние дела тех стран, которые не придерживаются принципов «победившей» либеральной демократии. Обозначение подобного положения во внешнеполитических документах США отражает осознание трансформации международных отношений, связанной прежде всего с крахом биполярной системы и осознание себя единственно оставшейся сверхдержавой;

В-пятых, глобалистические установки предложенной концепции «нового мирового порядка» в силу своей нереалистичности, глобальности и необходимости затрат на их реализацию значительных материальных ресурсов не нашли реальной поддержки не только у своих ближайших союзников по НАТО и ЕС, но в конечном счёте у себя дома. Благополучная Европа довольно уклончиво прореагировала на американское предложение по поддержанию мира и подавлению потенциальных и реальных вызовов складывающемуся мировому порядку. Рациональные европей-

цы до поры до времени не желали тратить значительные материальные ресурсы тем более в условиях плохой экономической конъюнктуры;

В-шестых, концепция «нового мирового порядка» не нашла поддержки у американского общества, которое согласно социологическим опросам вслед за европейцами отвергло новые внешнеполитические инициативы команды Буша, считая их нереальными и чрезмерными в условиях экономического падения, в котором находилась американская экономика во второй половине 80-х начале 90-х гг. Когда перед американцами стоит выбор между своим собственным материальным благополучием и распространением демократических ценностей где-то в Африке или Азии, то американцы выбирают первое. После того как национальному правительству удаётся восстановить данное благосостояние, американский народ более снисходительно относиться к глобалистическим устремлениям своего руководства;

В-седьмых, неприятие новой внешнеполитической концепции со стороны ближайших союзников и собственного населения, прежде всего, указывает на грубейшие ошибки «авторского коллектива» (чиновников государственного департамента и СНБ), её создавшего. Методы выработки решений, привнесённых, в частности, новым руководством внешнеполитического ведомство в лице Дж. Бейкера, имели как несомненные плюсы, так и значительные изъяны. Привлечение к работе в своём ведомстве специалистов из академической среды для генерации новых идей является несомненным достижением, однако отстранение от данной сферы значительной сферы профессиональных дипломатов не относится к достижениям Бейкера. Принцип пирамидального руководства в отличие от коллегиального Шульца также не принёс положительных дивидендов, а возможно негативным образом сказался на итоговом результате;

В-восьмых, кулуарность принимаемых решений не способствовала благожелательному восприятию данных решений не только принципиальными противниками демократами, которых можно условно отнести к «конъюнктурным изоляционистам», но, самое главное, вызвало серьёзную внутрипартийную критику со стороны её консервативной части. Неспособность администрации мобилизовать внутренние ресурсы на благоприятное и безболезненное прохождение новой внешнеполитической концепции кардинальным негативным образом сказалось на более важном политическом событии, а именно, на президентских выборах, в результате, которых в ноябре 1992 г. победили демократы.

В-девятых, в американской политической науке существует целый ряд подходов к анализу процесса принятия внешнеполитических решений. Американским исследователем С. Йетив выделяет пять основных типов моделей принятия внешнеполитических решений: модель рационального выбора; когнитивная модель; модель группового мышления; модель оценки политики правительства; модель оценки внутриполитических факторов. В принятии внешнеполитических решений о войне ключевую роль сыграл фактор личности президента Буша-старшего. Его личное влияние и опыт, прекрасные отношения со многими влиятельными политиками той поры, понимание международной ситуации, инициативность, оказываемая ему поддержка со стороны «сердцевинной группы» обеспечили ему возможность фактически безальтернативного продвижения к силовым действиям, например в Панаме и Кувейте. Наиболее оптимальные варианты интерпретации действий администрации Дж. Буша старшего, получаются при сочетании эмпирического анализа с политической теорией. Модель рационального выбора позволяет получить представление о том, как и почему Соединённые Штаты начали войну. Однако она не позволяет объяснить поведение субъектов, кото-

рые кажутся иррациональными или мотивированными интересами не государства, а отдельных групп или личностей. Эти «тёмные места» процесса принятия решений позволяет отчасти «осветить» анализ на базе использовании четырёх моделей, ориентированных на изучение внутриполитических факторов, таких, как психологические особенности и черты поведения политиков, их взаимодействие в ходе принятия решений в группе или в рамках формальных бюрократических процедур.

В-десятых, критика со стороны «последовательных изоляционистов» (консервативная часть республиканцев и демократов) и «конъюнктурных изоляционистов» (левоцентристская часть демократов), а также со стороны подавляющей части американского общества вынудила республиканскую администрацию Джорджа Буша отложить претворение в жизнь концепции «нового мирового порядка» и в срочном порядке разрабатывать более реалистичную и функциональную внешнеполитическую стратегию. В январе из недр Объединённого Комитета Начальников Штабов выходит «Военная стратегия безопасности США», которая в силу ведомственной принадлежности оказывается более «приземлённой» и преемственной по отношению к предшествующим документам подобного рода.

◆

Литература

1. Биго. Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы. / Рук. Авт. колл. Проф. П.А. Цыганков. - М.: Гардарика, 1998. 352 с.

2. Буш Дж. , Скоукрофт Б. Мир стал другим. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. 504 с.

3. Игнатьев И. Джеймс Эддисон Бейкер. «Младший брат» президента / О них говорят. М., 1991.

4. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова / Послесл. Г. А. Арбатова. М., Ладомир, 1997. 848 с.

5. Кто есть кто в мировой политике / Редкол.: Кравченко Л. П. (отв.ред.) и др. М.: Политиздат, 1990 559 с.

6. Михеев В.С. Новые подходы в Европейской политике Вашингтона. Концепция «нового атлантизма» // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 2. С. 23-31.

7. Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новости, 1992. 440 с.

8. Смитиенко Б.М. «Америкоцентризм» и полицентризм в мировой экономике на рубеже 20-21 столетий // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М.: Изд-во МГУ, 1997. 256 с.

9. Спасский Н. Новое мышление по американски: танго без партнёра // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 7.

10. Трофименко Г.А. Сверхдержава ли Америка? // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 88-97.

11. Устинова Ю. Как правильно начинать войну [Электронный ресурс]. URL: http://www.intertrends.ru/seventh/015.htm [Дата обращения: 30.10.2010 г.]

12. Уткин А.И. Сомнения сверхдержавы // США: экономика, политика,

идеология. 1994. № 11.
13. Khong Y.H. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton University Press. 1992. 304 pp
14. Hyland W. The case for Pragmatism. America and the World 1991-1992 // Foreign Affairs, 1992, January.
15. Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic changes and military conflicts from 1500-2000. N.Y., 1987
16. Kennedy P. Preparing for The Twenty – First Century. N.Y., 1993.
17. Modelsky G. The long cycle of global and the nation state // Comparative studies in society and history. 20. 1978. April, 214-238.
18. National Military Strategy of the USA, January 1992. [Электронный ресурс]. URL: http: // dosfan.lib.uic.edu/dosfan.html. [Дата обращения: 30.08.2001 г.]
19. Olson M.The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven: Yale University Press, 1982.
20. Yetiv S. Explaining Foreign Policy: U.S. Decision-Making and the Persian Gulf War. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 2004. 288 p.

УДК 929

Донских О.А.

Нина Михайловна Кристесен – основательница русистики на пятом континенте

Nina Christesen - Founder of Russian Studies at the fifth continent

Научное сообщение посвящено жизни и деятельности выдающейся представительницы русской эмиграции в Австралии – Н.М. Кристенсен.

Ключевые слова: *Австралия, русская культура, русская эмиграция, русский язык*

◆

The scientific message is devoted to the life and work of outstanding representative of Russian emigration to Australia – N.M. Christesen.

Key words: *Australia, Russian culture, Russian emigration, the Russian language*

Мне довелось знать Нину Михайловну Кристесен, урождённая Максимова, (23.12.1911 – 8.8.2001) в последние семь лет её жизни и близко общаться с ней по самым разным поводам, включая издание основанного ей журнала «Melbourne East European and Germanic Studies» и финансируемой ею серии «Русские в Австралии». В 2003 году под моей редакцией в этой серии вышел сборник воспоминаний о Нине Михайловне **[1]**.

Нине Михайловне довелось в жизни общаться с большим количеством людей, известных как в Австралии, так и в России. Со многими выдающимися австралийцами она общалась, потому что её муж Клем Кристесен был издателем журнала «Миэнджин», стоявшего на весьма левых позициях и объединявшего вокруг себя либеральную австралийскую интеллигенцию. В пятидесятые годы – годы разгара холодной войны – это было вызовом господствующему общественному мнению. Именно на это время приходится и расцвет созданного Ниной Михайловной в 1946 г. в Мельбурнском университете Русского отделения, когда на нём учится полторы сотни человек, а на некоторые циклы лекций, посвящённых русской культуре, приходит множество студентов других направлений.

ДОНСКИХ Олег Альбертович, д.филос.н., заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления, главный редактор журнала «Идеи и идеалы» (*г. Новосибирск*). **E-mail:** olegdonskikh@yandex.ru

Благодаря её усилиям это отделение выходит на самый высокий уровень преподавания, а библиотека Мельбурнского университета получает более 30 тыс. книг на русском языке. Как в Австралии, так и в России Нина Михайловна познакомилась и общалась с рядом крупных представителей русской науки и культуры, список которых поражает воображение – здесь Анна Павлова, А.Ф. Керенский, епископ Камчатский Нестор (Анисимов)[1], Татьяна Львовна Толстая, Корней и Лидия Чуковские, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Б.Г. Унбегаун, Патрик Уайт, Исайя Берлин, В. Палмер и мн. др. Виктор Некрасов написал о ней в своих путешествиях, о встрече с ней упоминает наш известный ведущий передачи «В мире животных» Николай Дроздов. (Кстати говоря, по матери, Татьяне Семёновне Максимовой, Нина Михайловна состояла в родстве с замечательным славистом, академиком М.П. Алексеевым).

Кроме названного выше сборника «Русский в Австралии» о ней написаны книги: J. Armstrong. The Christesen Romance. (Melbourne: Melbourne University Press, 1996) и Донских О.А. Остров Элтам, или одна счастливая русская жизнь. (Новосибирск: Сибирское соглашение, 2006).

К сожалению, так получилось, что при её жизни пожар уничтожил значительную часть её бумаг и материалов, а Сненхоуп - дом, который она хотела сделать филиалом Мельбурнского университета, - был продан, участок, на котором он стоял, разделён на несколько более мелких, которые уже почти полностью застроены. И вдобавок значительная часть из книг, которые она покупала для университета, была распродана из-за отсутствия места.

Настоящая статья посвящена главному делу Нины Михайловны –организации преподавания русского языка в Австралии.

Нина Михайловна всегда переживала, что ей не хватает образования. Дело в том, что по недостатку средств (Максимовы приехала в Брисбен в 1925 г. из Харбина, мама не работала, а отец, за редким исключением, перебивался на плохо оплачиваемых временных работах) ей приходилось содержать семью и поэтому (даже блестяще закончив школу и получив среди нескольких выпускников Квинсленда направление в университет) она смогла учиться лишь заочно и получила степень бакалавра искусств (*см. Приложение*). Это всегда её мучило, и она в любой момент готова была передать свою должность человеку, который бы имел докторскую степень. Сама же она не хотела заниматься докторской, поскольку считала, что в этом случае она не сможет сочетать организаторскую работу с научной и при этом выполнять семейные обязанности, поскольку к каждой из этих трёх сфер она относилась с максимальным уважением и добросовестностью. Хороший пример этому даёт в своих воспоминаниях М.И. Ульман: «Нина Михайловна приняла участие в сборнике работ о международных литературных связях, посвящённом М. П. Алексееву. Она дала в сборник небольшую статью о роли русской литературы в становлении художественного творчества Вэнса Палмера. В процессе работы над этой статьёй Нина Михайловна "прочесала" множество текстов Палмера, сделала массу выписок, перечитывала Толстого и Достоевского. Она просто не представляла себе, как можно отправить что-нибудь в печать, не всё додумав, чего-то не проверив. И, в конечном счёте, её статья отлично вписалась в контекст работ профессиональных компаративистов» **[1, с. 141]**. По своим наблюдениям могу сказать, что Нина Михайловна тщательно продумывала каждое слово в любом тексте, который выходил из-под её пера.

Все свои усилия она сосредоточила на сфере преподавания и опу-

[1] Впоследствии митрополит Новосибирский и Барнаульский, а потом митрополит Кировоградский и Николаевский.

бликовала всего несколько статей, посвящённых творчеству Льва Толстого, Вэнса Палмера и нек. др. При этом она старалась (и не просто старалась – считала своим долгом как заведующая отделением) всё время быть в курсе самых последних достижений в области русистики и именно с этой позиции оценивала работы своих сотрудников, имевших степени. Не боялась вступать с ними в споры, и часто эти споры выигрывала. Но учёной при этом она себя не считала. Тем не менее, она говорила мне, что подала в отставку со своей должности именно потому, что уже не могла, как прежде, читать журналы по славистике и по методикам преподавания и поэтому полагала, что она не вправе быть главой Русского отделения.

И уже будучи в отставке, она постоянно делала что-то для родного отделения: издавала серию «Русские в Австралии», собирала и редактировала статьи для журнала «Melbourne East European and Germanic Studies», приглашала для выступления учёных, приезжавших в Австралию (так, она организовала моё выступление в 1991 году, когда я приезжал в Мельбурн первый раз), продолжала пополнять библиотеку, организовала свой и своего мужа Клема архив в спецхранилище университета, и др.

Видя, что преподавание русского языка постепенно гаснет не только в Мельбурнском университете, но и в других университетах Австралии (то же в той или иной степени касалось и других языков), она обращалась с письмами к тем, кто мог повлиять на ситуацию. Уже буквально за несколько дней до кончины она сумела организовать большую встречу в университете с присутствием Канцлера университета и Главы школы языков. Поводом послужил выход в серии «Русские в Австралии» (№ 28) путевого дневника Александра Леонидовича Ященко, который проехал по Австралии в 1903 году. Перевод этой книги прекрасно сделал Питер Тилли, написавший ещё введение и примечания. Нина Михайловна надеялась, что эта встреча позволит усилить позиции русского языка в университете.

К сожалению, этого не произошло, и в настоящее время, насколько мне известно, преподавание русского языка ограничивается всего двумя университетами в Австралии (Мельбурнский и Квинслендский)[1], и ведут занятия всего два преподавателя. Они обращались за поддержкой к правительству РФ. При этом, зная, что такие страны, как Франция, Англия и другие, приглашают и оплачивают преподавание своего языка и культуры в других странах, они предлагали, чтобы Россия оплачивала работу хотя бы одной ставки преподавателя в течение года, и два человека могли бы приезжать на один семестр в год. Но ситуация пока не улучшается.

О начале Русского отделения сама Нина Михайловна рассказывала так[2]: «По ходу дела мне часто приходилось общаться с тремя профессорами, впоследствии «ангелами-хранителями» Русского отделения. Это были профессор Чизхолм (A. R. Chisholm), декан факультета гуманитарных наук, Гибсон (B. Gibson) – философ, и профессор Кроуфорд (R.M. Crawford) – историк. С ними я не раз говорила о том, что желательно ввести в университетскую программу изучение современных языков помимо французского и немецкого, в частности, русского, и, с их согласия, провела в университете несколько публичных дискуссий на эту тему».

---

[1] Кроме того, русский язык преподаётся в Университете Макуори (Сидней). *(Прим. ред. рубрики)*

[2] В дальнейшем тексте я без указаний страниц использую отдельные цитаты из моей книги «Остров Элтам», поскольку они содержат аутентичное воспроизведение записанных мной рассказов самой Нины Михайловны или близких к ней людей.

«И вот, наконец, было решено начать преподавание русского языка в Мельбурне. Был объявлен конкурс на замещение должности преподавателя русского языка и литературы (lecturer). Я, естественно, обрадовалась, но мне и в голову не приходило самой подавать заявление. Я считала, что мои квалификации не позволяют мне преподавать в университете. Главные предъявляемые кандидату требования были сформулированы довольно туманно – необходимо университетское образование (предпочтение отдавалось признанным английским или австралийским университетам) и «языковая компетентность». Не указывалась ни степень университетского образования, ни даже русский язык как таковой. Вроде бы я могла подать заявление со спокойной совестью. Соблазн был огромный. Я любила педагогическую деятельность вообще. А тут одна мысль, что предметом преподавания будет мой родной язык, родная литература, всё, что мне было мило и дорого, - это уже был соблазн, против которого я не могла устоять и не устояла. Я напечатала заявление на старой пишущей машинке декана и отдала его в руки председателю избирательного комитета за пять минут до заседания».

Конкурс происходил в 1946 году. Не было ничего – ни книг на русском, ни учебников, ни даже пишущей машинки с кириллицей. Кроме того, русский язык не преподавался ни в одном среднем учебном заведении, а это означало, что, в отличие от французского или немецкого, нужно было начинать с нуля. Что делает Нина Михайловна?

Понятно, что нужно было сначала сделать самое необходимое: подготовить раздаточный материал на русском языке, достать хотя бы какие-то книги, найти преподавателей, и т.д.

Более интересно, мне кажется, определить те способы, которые Нина Михайловна положила в основу обучения. Дело в том, что мне довелось встречаться с некоторыми бывшими её учениками, и результат здесь поразительный. Через много лет жизни в англоязычной среде и отсутствия общения на русском они практически свободно общались на языке. Поэтому и интересно, как же велось обучение. Надо сказать, что оно не вырабатывалось спонтанно. Нина Михайловна, уже будучи опытным педагогом и имея за спиной преподавание нескольких языков в средней школе Св. Эйдена, вовсе не полагалась на свой опыт, а внимательно изучала те системы обучения языкам, которые были в Австралии, а потом во время своих поездок в Европу и в Россию она в первую очередь знакомилась именно с тем, как учат языки. Кроме того, она несколько семестров преподавала в Оксфорде, общаясь с такими крупными славистами как Б.Г. Унбегаун и С.А. Коновалов, Д.Д. Оболенский. Очень положительно она отзывалась об Андре Мазоне и о ряде советских профессоров, включая А.И. Смирницкого, О.С. Ахманову, Н.К. Гудзии и др.

Наиболее бурная жизнь Отделения пришлась на конец 1950-х – начало 1960-х гг. Маргарет Траверс в статье «Первые двадцать пять лет» (Melbourne Slavonic Studies № 5-6. 1971) написала про расцвет Отделения: «После запуска спутника в 1957 году заявления подали 157 человек. В 1971 году в пяти австралийских университетах русский язык и литературу изучали около четырёхсот студентов, около тридцати, окончив обычный курс, продолжали учёбу. Общее число полных штатных преподавателей достигло 27, плюс 6 преподавателей работали на часть ставки». Позже, при самой Нине Михайловне, которая руководила Отделением до 1976 года и затем при её преемниках – проф. Роланде Сассексе и доценте Поле Кабберлее – Отделение уже никогда не было столь значительным. Правда, нужно отметить, что не без помощи Нины Михайловны в других университетах Австралии начали преподавать русский язык и литературу.

Итак, о способах. Нина Михайловна считала, что для обучения

языку необходимо создать соответствующую атмосферу. Даже столы у себя она поставила буквой Т, как их ставят в кабинетах в России. По её убеждению, Русское отделение должно было стать и стало территорией русской культуры. Здесь должна была звучать только русская речь. Кроме того, здесь должны отмечаться русские праздники и должны соблюдаться русские обычаи. При отделении был клуб поэтов (его вели преподаватели Отделения Д.М. Гришин и И.И. Межаков-Корякин), были театр и хор. Надо сказать, что Нина Михайловна очень уважительно относилась к преподавателям и в случае необходимости готова была их защищать любой ценой. Главными критериями качества преподавателя для неё являлись профессионализм и любовь к русской культуре.

Лучше всего об атмосфере, которая царила в Отделении, прекрасно сказал один из лучших учеников Нины Михайловны Том Готт: «Кто-то мне сказал: «А вы сходите на четвёртый этаж здания «Бэйбл» [так называлось здание, где преподавали европейские языки] и поговорите с заведующей отделением русского языка. Может быть, что-нибудь из этого выйдет…» Я поблагодарил за совет. Поднялся на лифте на четвёртый этаж и вышел в коридор. Одна дверь была приоткрыта, и оттуда был слышен женский голос. Кто-то разговаривает по телефону и повторяет одно слово: «Да. Да-да. Да-да-да». Нежный женский голос, как будто летит куда-то. Этот голос, это непонятное мне слово … и я сразу влюбился в русскую речь, в русский язык. Я заглянул в кабинет, увидел улыбающуюся женщину: «Входите, мальчик, чем я могу вам помочь?» И в этот самый момент я понял, что нашёл свой «родной» иностранный язык и уже предчувствовал, как приятно будет заниматься в отделении, которым заведует такой ласковый, интеллигентный, добрый человек, как Нина Михайловна …» «Сразу с первого курса Нина Михайловна незаметно, но настойчиво стала погружать нас в русскую речь. Все преподаватели говорили со студентами любого курса (включая и первый) только по-русски – бывало, коридоры прямо звенели музыкой русского языка. Мне кажется, и смех там звучал особый, именно русский. И когда Отделение переехало с четвёртого этажа на первый, всем входящим в здание казалось, что они попали в русский дом. Особенно это ощущалось ярко к концу каждого года, когда этот дом наполнялся запахами русских пирожков, блинчиков, хвороста – это Нина Михайловна во время экзаменов и зачётов подкармливала нас, бедных, измученных студентов» **[1, с. 55-56]**. Особенно любимым праздником была, как и положено, Пасха. В то время, как в Австралии, как и в Европе, главным христианским праздником является Рождество.

Вообще, Нина Михайловна была прирождённым учителем. Она никогда не боялась сказать, что чего-то не знает, и в этой ситуации предлагала разбираться вместе с учениками и со студентами. Могла тут же при студентах позвонить маме или другу и спросить то, что забыла или не знала. Рэй Мэтью (ставшая преподавателем русского языка в университете, Нина Михайловна называла её «Раечкой») вспоминает забавный случай: «Она умела воспользоваться всем происходящим вокруг для педагогических целей. Однажды на лекции на неё вдруг напала икота. Сначала она пыталась преодолеть её, но быстро сообразив, что тут налицо, так сказать, наглядная демонстрация легко понимаемого и спрягаемого глагола, залилась смехом и сказала: «Я икаю». По крайней мере хоть одна студентка запомнила это и помнит урок 40 лет спустя» **[1, с. 101]**.

Читать на русском начинали с самого начала, когда студенты ещё совсем не знали языка. Студенты должны были вечерами в 6:15 собираться и слушать русскую речь. Первыми шли маленькие рассказики Льва Николаевича Толстого из его «Азбуки».

В то время, когда у нас разрабатывали метод погружения, Нина Михайловна пользовалась этим методом при обучении языку: каждое лето Отделение выезжало в Шорхам – прелестное местечко неподалёку от Мельбурна, принадлежавшее другу Клема и Нины художнику Мак-Каллуму. Том Готт вспоминает: «Целую неделю мы жили в русской среде в доме её друзей. Нина Михайловна давала нам русские имена – Фома (я!), Лариса, Таня, Катя, Аня, Марина, Лиза, Алёша Маленький, Алёша Большой, и так далее. Была система штрафов за каждое нерусское слово. Говорили по-русски, читали по-русски, пели песни, обсуждали литературные произведения, ставили пьесы, и, конечно, ходили в лес собирать ягоды и грибы (рыжики и маслята). Всё как в России. В лагере мы должны были даже бояться по-русски! Я помню: однажды летучая мышь залетела в дом. Наша реакция должна была быть только русской! Это была моя первая встреча со словом «Помогите! Помогите!» **[1,с. 57]**. Обычно приезжали 15-20 человек и 2-3 преподавателя. Приглашались русскоязычные гости. Этому Нина Михайловна придавала особое значение. Она считала, что даже у лучших преподавателей русского языка и литературы за долгое время жизни в иноязычной стране язык становится деревянным, утрачивает пластику и живость. Поэтому необходимо или регулярно ездить в Россию, или как можно чаще общаться с людьми, приезжающими оттуда. Как вспоминает Рэй Мэтью, день в Шорхаме строился так: «Утром мы занимались. После обеда обычно ходили на пляж, купались, потом готовили ужин. А вечером кто-то читал вслух, кто-то декламировал стихи, читали пьесы, и, разумеется, много пели» **[1, с. 101]**. Ещё ходили за грибами. (Здесь надо сказать, что в австралийской культуре «собирание грибов отсутствует в принципе. Больше того, к грибам, собранным в лесу, а не купленным в супермаркете австралийцы относятся с большим подозрением и даже с брезгливостью,)

Ещё один интересный момент. В австралийских школах при обучении языку не преподают грамматику. Вместо этого ребята пишут множество эссе на разные темы. Но это становится проблемой при обучении иностранным языкам. Нина Михайловна начинала курс с того, что студенты в течение семестра проходили грамматику английского языка, чтобы потом можно было заниматься русской грамматикой.

При этом преподавателем она была очень строгим. Так, я сталкивался с людьми, которые считали её несправедливым педагогом. Оказалось, что это, как правило, были дети эмигрантов из России. Нина Михайловна считала, что они должны знать язык и литературу лучше и предъявляла им более высокие требования.

Наряду с языком преподавалась русская литература, к которой Нина Михайловна относилась с благоговением, считая её величайшей литературой мира. Она говорила, что английской литературы больше, но по глубине русская её превосходит. При этом в первую очередь она ценила моральную её направленность. И считала это главным в преподавании. Очень показательным здесь является случай с книгой Элен Демиденко «Рука, подписавшая приказ». Книга вызвала скандал. Смысл этой книжки в том, что украинцев всегда русские притесняли. Украинцы, ведь, от варягов произошли и были голубоглазые, высокие блондины, а русские с татарами смешались, с финнами, и украинцев ненавидели. А потом после революции русские, и в особенности евреи, решили вообще с украинцами-варягами покончить и голод организовали. Поэтому когда Гитлер напал на Украину, его хлебом-солью встретили, варяги – арийцев, и поэтому многие украинцы в лагерях потом служили, помогали Гитлеру. Написана книжка живо довольно, только многое в ней украдено из известных австралийских писателей. А те, кто книжку оценивал, не очень люди грамотные, и на основании кусков хо-

рошей прозы начали ей давать одну награду за другой. А затем пошла волна протестов со стороны австралийской интеллигенции, обвинявшей автора в национализме».

Рассказывая это, Нина Михайловна очень переживала всю эту историю, особенно из-за того, что один из её бывших студентов принял участие в дискуссии на стороне Демиденко. «Я не могу понять, как человек, который у меня учился и который знает русскую литературу, мог такое написать!» Нина Михайловна возмущалась: «Какой же смысл учиться и какой же смысл ходить в университет, считать себя учёным, если, прежде всего, тебе не хочется добиться до правды? Во всём мне хочется дойти до самой сути. Конечно, у Пастернака это немного искусственно, но всё же что-то в этом есть. Действительно, что-то хочется найти, правду».

Она понимала это так: «Насчёт преподавания литературы. Тут, конечно, надо давать знания. Можно давать схемы. Но если ты преподаёшь, скажем, язык и литературу – а я считала себя ответственной и за то и за другое – необходимо, чтобы они сами занимались и языком и литературой. Их надо заражать, это не только дело ума, но и чувства...» И ещё: «Существует такое мнение, что преподавать литературу неправильно, так, как её преподают в университете. И я отчасти с этим согласна. Иногда это кончается тем, что студент заучивает, это нетрудно, масса всяких есть критиков, и про Шекспира, и про других. И вы всё это прожуёте, продумаете, и потом вы можете очень складно, дельно говорить о любом каком-то моменте шекспировского производства». Нина Михайловна считала, что литература нужна для формирования личности, поэтому она так ценила русскую литературу за её моральную учительность, за страстный поиск правды-справедливости. Вообще она довольно скептически относилась к такому подходу к литературе, который реализовывался в обязательных докторских, а не в общей культуре личности. «Знаете, когда я начинала работать, в университетах было совсем немного людей с докторскими званиями. Очень народ был начитанный, много писали. Были очень образованные люди. А потом в Америке пошла мода, что надо обязательно защитить докторскую диссертацию, причём чтобы она отвечала известной схеме. Только поднатужиться надо».

Большое значение придавалось театру. Организовывала всё Нина Михайловна. Но поскольку она не была профессиональным режиссёром, для постановки пьес она приглашала специалистов. Так М.С. Стефани поставила «Сказку о царе Салтане», которая с успехом прошла на сцене Мельбурнского университета.

Из сказанного понятно, что преподавание литературы для Нины Михайловны было лишь частью погружения людей в русскую культуру. Заметную роль в истории университета сыграл цикл открытых лекций, который читали специалисты по русской культуре для студентов университета. Этот цикл посещали, конечно, не только представители Русского отделения. Нина Михайловна рассказывала: «Я тогда и обратилась к Дэвису[1] и попросила его прочитать три бесплатные лекции. Он согласился. Потом обратилась к историкам, советологам, и т.д. Они читали кто по одной, кто по четыре лекции. А после лекций я разбивала студентов на группы и мы организовывали дискуссии. И потом студенты писали всякие сочинения. Курс был очень популярный. В первый год пришли тридцать с чем-то человек, в следующий год – шестьдесят-семьдесят, третий год уже больше ста. Другие обрадовались, и итальянцы и французы, и тоже организовали подобные курсы. Мы ввели эту моду». Мне довелось встречаться с теми, кто с удовольствием вспоминал эти лекции через много лет после окончания университета.

[1] Дэвис МакКаги – в то время губернатор штата Виктория.

Таким образом, в заключение можно заметить только, что именно добрая память тех, кто соприкасался в своей жизни с замечательной женщиной – Ниной Михайловной Кристесен – и есть, наверное, самый главный итог её жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Автобиография Н.М. Кристесен
(С некоторыми дополнениями из CV)

1911– родилась в России 23.12.11. [В документах место рождения указано как Санкт-Петербург, в действительности Нина родилась в Благовещенске, куда мама приехала к мужу]. Отец: капитан Михаил Максимов, торговый флот, умер в 1967. Мать: урождённая Татьяна Семёновна Алексеева-Подоскина (1888-1979). Родители, а также дедушки, бабушки, прадедушки и прабабушки, - все жили в Санкт-Петербурге, где я провела своё детство до 1917 года. Я помню начало революции и наш путь из Санкт-Петербурга в Сибирь и потом в Манчжурию.

1918–1925 – жизнь в Харбине; школа; наш китайский повар; наш китайский садовник; епископ Нестор; голод 1920-х; «Русский дом». Первый опыт преподавания.

1925 – отбытие из Харбина – Япония – на «Танго Мару» в Австралию. Брисбен. Русские поселенцы. Школы, стипендии, работа. Член профсоюза разнорабочих. J.P. (Justice of the Peace). Квинслендский университет.

1934 – Бакалавр искусств.

1935 – 1943 – Старшая учительница (Senior Mistress) в школе для девочек им. Св. Эйдена. Президент ассоциации средних школ (Secondary Schools Mistresses Association). Судебное дело в отношении зарплат учителей негосударственных школ. Инструктор Института современных языков Квинслендского университета. Тьютор в женском колледже.

1942, 23 января – вышла замуж за Клемента Бирна Кристесена (Clement Byrne Christesen).

1944 – Старшая учительница (с обращением «Сэр») в англиканской школе для мальчиков в Брисбене (Boy's Grammar School – «Churchie»). Клем приглашён ректором Мельбурнского университета перевести его журнал Миэнджин Пэйперс (Meanjin Papers) в Мельбурн.

1945 – Переезд в Мельбурн. Тьютор-организатор (Organasing Tutor), Совет по образованию взрослых, Мельбурнский университет.

1946–1976 – Преподаватель (Lecturer) русского языка и литературы Мельбурнского университета. Основатель первого Отделения русского языка и литературы в Австралии; заведующая отделением (старший преподаватель – заведующий (Senior Lecturer-in-charge) 1952; Reader-in Charge 1967).

1949-50 – Командировка (Flying Scholarship) в Англию, Францию, Бельгию, Голландию. Оксфорд.

1956-1957 – Преподавание в Оксфорде (кроме того, в 1951 и 1960) первая поездка в Россию после 1917 года. Была приглашена читать лекции в МГУ в 1968.

1958 – Приглашена Академией Наук на Конгресс славистов в Москве; встретила внука Толстого, Ахманову, Фасмера, Унбегауна и др.

1950-е – Работала в Совете школ (Schools Board), AUMLA (Австралоазийская ассоциация университетских преподавателей языков и литературы), различных университетских комитетах, в женском совете комитета центра искусств... Организовала, с помощью двух выпускников, Луиса и Джорджа Каррингтон «Международные вечера» в мэрии в Вильсон-холле Мельбурнского университета: они принесли очень не-

плохой доход для библиотеки Бэйли (Baillieu) , кроме того, это были одни из первых значительных мероприятий «этнического» характера в штате Виктория.

Президент Ассоциации учителей русского языка.

Русское отделение организовало несколько пьес, концертов, публичных лекций и т.п.; много мероприятий вне программы.

1950-е – 1970-е – была на различных конгрессах в Австралии, Новой Зеландии, Европе и США, выступала с докладами, принимала участие в дискуссиях и в организации. Выступала по радио ABC с лекциями о Пушкине, Льве Толстом, Пастернаке, Солженицыне, Лидии Чуковской, Кузнецове, Шолохове и др.

1967 – 1977 – Основала журнал «Melbourne Slavonic Studies»; основала Австралийскую и новозеландскую ассоциацию славистов; представляла Австралию в Исполнительном комитете международной славистской ассоциации. Правительственный переводчик с русского на нескольких международных научных конгрессах. Австралийский педагогический колледж.

◆

Литература

1. Nina Christesen Remembered // Russians in Australia series (founded, sponsored and edited by Nina Christesen), now under the general editorship of Prof. Oleg Donskikh. University of Melbourne. 2003. No. 30. 159 p.

УДК 371

Фостер Л.А.

О роли приходских школ в изучении русского языка в США

The role of parochial schools in the study of russian language in the USA

Сообщение Л.А. Фостер посвящено роли приходских школ в сохранении родного языка у детей, живущих в инокультурном окружении.

Ключевые слова: *православная церковь, русская эмиграция, русский язык, США*

◆

The message of L.A. Foster is devoted to the role of parochial schools in the preservation of the native language of children living in another cultural environment.

Key words: *Orthodox Church, Russian emigration, the Russian language, United States*

Изучение русского языка среди эмиграции из России в США колебалось и менялось по ходу истории и политических событий. Так, до Первой мировой войны этнические русские приезжали в Америку преимущественно на заработки и через какое-то время возвращались на родину. Евреи из России, главным образом с Украины, приезжали навсегда, то есть иммигрировали, во избежание дискриминации и погромов. Ни та, ни другая группа не уделяла особенного внимания, каждая по своим соображениям, обустройству изучения русского языка, хотя царское правительство и Русская православная церковь выделяли фонды для русских школ за границей. Тем не менее, обе группы сохраняли свою религиозную принадлежность: русские, тогда преобладали русины-карпаторосы, создавали церковные общины, а евреи вступали в синагоги.

После большевистской революции картина кардинально изменилась: этнические русские были политическими беженцами и оседали в основном в Европе – Америка была далеко, да и не особенно их приветствовала, а еврейский поток более-менее иссох. Помощь русским школам из СССР, естественно, не поступала. Однако русские эмигранты в Америке также, как и в Европе и в других странах рассеяния, сразу же начали создавать церковные приходы, даже если их скудных доходов

ФОСТЕР Людмила Александровна, Ph.D. Гарвардского университета, бывший председатель Вашингтонского представительства Конгресса русских американцев (*г. Вашингтон, США*)

хватало лишь на «домашние церкви». Приходы стали повсюду местом общения для беженцев. Хотя своих детей и юношество они воспитывали в традициях русской культуры и при церквах начали появляться школы русского языка, влияние американского т.н. «плавильного котла» было очень сильно. Многие родившиеся в Америке, включая моего собственного сводного брата или отца моей невестки, по-русски не знали ни слова.

Когда в конце 1940-х – начале 1950-х годов в США хлынула потоком так называемая «вторая волна», картина начала постепенно меняться: создавались различные организации и объединения – профессиональные, молодёжные, благотворительные и пр. - при церквах повсюду появлялись воскресные школы русского языка. Большинство преподавателей были «волонтёрами», хотя попадались и профессиональные учителя. Все работали бесплатно. Тем не менее, дело развивалось медленно и только в конце 1960-х годов, когда в Америке произошла, если и не социальная революция, то во всяком случае резкие перемены в обществе, ситуация начала меняться. Каждая этническая группа, включая и местных негров живущих в Америке не одно поколение, начали самоутверждаться, искать свои корни. Возможно, что в этом сыграла роль книга «Корни» одного известного негритянского деятеля, Алекса Хейли, в которой он описывал поиски своих предков в Африке. К тому времени в продажу начали поступать учебники из СССР, а также детские и другие книги, что облегчило проблему с учебными пособиями.

Очень важная перемена в изучении русского языка произошла после запуска советского Спутника в 1957-м году. Америка спохватилась, что «русские» их опередили, а в стране нет даже профессионалов, умеющих прочесть научные статьи! Министерство образования США оперативно создало фонд стипендий для студентов университетов, а Военное ведомсство включило курс русского языка в свои программы. Сразу же выяснилось, что не хватает квалифицированных преподавателей. И дело поставили «на поток». Изучение русского языка и культуры продолжало пользоваться популярностью в американских университетах вплоть до распада СССР, когда Россия перестала считаться «уважаемым противником», и на смену пришёл интерес к китайскому и арабскому языкам.

Возможно, что эти два фактора – поиски «корней» и неожиданная значимость «России» – отразились и на обучении детей дошкольного возраста. Однако здесь иных возможностей, кроме приходских школ, не было. Я никогда не слышала о каких-нибудь русских частных детских школах или садиках, популярность же приходских школ возросла. Тем не менее, там, в основном, детей обучали волонтёры, как и раньше.

И только с появлением так называемой «четвёртой волны» из России после 1992-го года, хотя многие и не приезжали в США на ПМЖ, начали появляться русские частные школы и детские садики. Все они чисто светские, не связанные с религиозным обучением. Появились в них и профессиональные преподаватели. А учебники и различные учебные пособия просто нахлынули из России. Приходские школы, однако, продолжают свою работу. Их – сотни. Они процветают по всей стране во многих городах, где только есть русская церковь. Также как и в так называемых «воскресных школах» других конфессий, там детей обучают кроме языка и основам религии и знакомят с Библией.

Так что, на мой взгляд, приходские школы сыграли и продолжают играть важную роль в обучении детей русскому языку и пронесли эту роль через многие трудные годы.

◆

УДК 951.8

Белоглазов Г.П.

Жертвы «Чёрной смерти» (к 100-летию подвига русских врачей в Маньчжурии)

Victims of the «Black Death» (to 100 anniversary of the feat of Russian physicians in Manchuria)

В 1910 г. в Маньчжурии вспыхнула эпидемия чумы. Россия, реагируя на происходящую беду, направила в дальние края медицинскую экспедицию. Возглавил её эпидемиолог, профессор Д. К. Заболотный. Победить «чёрную смерть» удалось только благодаря героическому и самоотверженному труду русских медиков, подвергавшихся ежедневно смертельной опасности.

Ключевые слова: *Китай, Маньчжурия, эпидемия чумы, лечение больных, русские врачи, академик Д.К. Заболотный*

◆

In 1910 in Manchuria an epidemic plague broke out. Reacting on this disaster Russia had put the medicine expedition onto far foreign parts. The epidemiologist professor D. K. Zabolotny was the head of the expedition. Only owing to heroic and self-sacrificing daily dangerous efforts by russian medical men «black death» had been bet.

Key words: *China, Manchuria, epidemic plague, curing, russian medical men, academician D. K. Zabolotny*

«Чёрная смерть» – чума в её наиболее тяжёлой, лёгочной форме официально началась в Маньчжурии 6 октября 1910 г. Эпидемия лёгочной чумы, захватила главным образом пригород Харбина – китайский город Фуцзядянь и угрожала распространиться по пристанционным посёлкам КВЖД, русским селениям в Барге, Забайкалье, Приамурье, на всём Дальнем Востоке. Победить болезнь удалось к концу апреля 1911 г. благодаря подвигу русских «камикадзе» – врачей, самоотверженно боровшихся с эпидемией, многие из которых так и не вернулись на родину – погибли, заразившись чумой. За время бедствия чума унесла не менее 100 тыс. китайского населения края **[1, с. 194; 2]**.

К сожалению, вплоть до настоящего времени героический подвиг русских врачей в Маньчжурии не нашёл ещё должного отражения в литературе и СМИ.

БЕЛОГЛАЗОВ Геннадий Петрович, к.и.н., заведующий отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*). **E-mail:** Beloglazov1@yandex.ru

В своём страшном шествии эпидемия была остановлена русскими людьми, имена которых не должны быть забыты.

Впервые эпидемический очаг маньчжурской лёгочной чумы открыл (район г. Вэйчэна) и описал болезнь в 1898 г. русский эпидемиолог Д.К. Заболотный (впоследствии академик АН СССР и президент Всеукраинской АН) **[1]**. Он лично участвовал в ликвидации эпидемии в Вэйчэне и его окрестностях. В следующем, 1899 г., на конечной станции южной ветки КВЖД в порту Инкоу впервые зарегистрировали бубонную форму чумы. Администрация КВЖД оперативно отреагировала на страшную угрозу для населения, откомандировав в заражённый город отряд врачей. Предпринятые энергичные меры позволили локализовать очаг поражения и ликвидировать возможность дальнейшего распространения болезни. В 1905 г. появились вспышки заболеваний чумой и на западной линии КВЖД. По предположениям русских медиков причиной вспышки эпидемии явились больные степные зверьки – тарбаганы (сурки). Этот диагноз впоследствии научно подтвердил своими опытами с использованием современного лабораторного оборудования и биохимических препаратов проф. Д. Заболотный.

Пригород Харбина – Фуцзядянь, откуда в октябре 1910 г. началась эпидемия, представлял собой типичное китайское поселение с узкими улочками, глинобитными домами-фанзами, битком набитыми хозяевами и постояльцами из ближайших селений. Иногда в одной фанзе проживали несколько семей, состоявших каждая по 8-10 чел. Спали вповалку на кане или полу, укрывшись одним одеялом, пищу варили здесь же, где и спали, посуду не мыли. Бельё стирали изредка, мылись редко, без мыла. Обувь и одежду, как правило, меняли лишь тогда, когда она полностью изнашивалась и из-за своей ветхости не могла прикрывать тело. Стены и пол фанз были изъедены крысами; жилища и одежда их обитателей кишели насекомыми **[1, с. 162-163]**. Население мало что знало о санитарии и гигиене и не верило в европейскую медицину, предпочитая лечиться у знахарей. Китайский обычай обязательно хоронить покойника на родине приводил к тому, что труп долгое время хранился в жилом помещении или вблизи жилища, источая ужасающий запах и распространяя микробы.

В ноябре 1910 г. из Фуцзядяня чума, распространилась на китайские кварталы Харбина. Уже в декабре в городе зарегистрировали 240 случаев заболеваний. Эпидемия стремительно разрасталась. Медицинские отряды службы здравоохранения КВЖД не успевали отыскивать спрятанные трупы китайцев и вывозить их за город на кладбище. Вблизи ночлежек, опиекурилен, разнообразных притонов валялись разлагавшиеся трупы умерших от чумы людей. Очень скоро стали появляться случаи заражения чумой и среди русских служащих дороги, а также иностранцев, проживавших в Харбине **[4]**.

Администрация КВЖД, обеспокоенная повальным мором среди китайского населения города и заболеваниями своих служащих, предприняла ряд мер по проведению обсервации больных и закрытию китайских ночлежек, харчевен и других заведений, где скапливалось значительное число людей.

Для руководства борьбой с эпидемией в пределах полосы отчуждения при Управлении КВЖД была создана Главная санитарно-исполнительная комиссия (ГСИК) с 13 подкомиссиями по линии, а также образована городская Харбинская санитарно-исполнительная комиссия. Все созданные организации были снабжены инструкциями и необходимыми средствами дезинфекции. Сразу же по обнаружении чумы на станции Маньчжурия запретили въезд в Россию китайцев без предварительной обсервации на станциях Маньчжурия и Пограничная.

Врачи и администрация КВЖД прекрасно понимали, что только жёсткие карантинные меры могут спасти Маньчжурию от распространения эпидемии. Одновременно она официально обратилась к правительству России за помощью в ликвидации эпидемии, так как своими силами справиться с бедствием медицинская служба КВЖД оказалась не в состоянии. Под давлением российской общественности правительство изыскало средства и направило в Маньчжурию специальный противочумный отряд, во главе с эпидемиологом Д.К. Заболотным, который вместе с отрядом врачей-профессионалов и студентов-медиков выехал в Маньчжурию в ноябре 1910 г и непосредственно принял участие в спасении китайского населения. В состав экспедиции входил ряд известных впоследствии учёных: Л.В. Громашевский, С.И. Златогоров, Г.С. Кулеша, Л.В. Лодлевский, А.А. Чурилина и др.

В отряд вошли также студенты Томского университета и курсанты Петербургской военно-медицинской академии. В Харбине, на вокзале, их встретили местные организаторы борьбы с чумой – помощник главврача КВЖД Э.П. Хмара-Борщевский, член противочумного Бюро В.М. Богуцкий, заведующий чумной больницей доктор Хавкин и др. Вместе с русскими врачами работала и группа французских специалистов – врач-бактериолог Ж. Менье (Мени) и приехавшие с ним сёстры милосердия **[1, с. 167]**.

С приездом отряда Заболотного борьба с чумой была поставлена на планово-режимную основу. Были выделены основные направления деятельности противочумного Бюро, которое стало координатором борьбы с эпидемией на всей линии КВЖД. Планом намечались: усиление врачебной помощи населению, улучшение социально-бытовых условий малоимущего населения, выявление очагов чумы и фиксация всех больных чумой, устройство (под эгидой официальных властей) ночлежек и пунктов питания, устройство медицинских пунктов для осмотра больных и дезинфекция жилищ.

К началу 1911 г. в противочумных медицинских и вспомогательных организациях КВЖД сложился штат высококвалифицированных врачей, фельдшеров, санитаров. Определилась структура Бюро, она включала в себя мобильный отряд по выявлению и транспортировке больных и трупов, 10 санитарных пунктов, 4 дезинфекционных отряда, 7 врачебно-пропускных пунктов, 3 прививочных пункта, разведывательный отряд, 2 бактериологических лаборатории, противочумный пункт с бараками (обсерватории), или Московский чумный пункт, и ряд других учреждений **[1, с. 166-167; 4]**.

Наиболее тяжёлая, грязная и опасная работа выпала на долю санитарного мобильного (летучего) отряда, в обязанности которого входило выявление умерших и больных (не только в городе, но и в окрестностях), доставка их в Московский чумный пункт, сожжение трупов. Находили трупы, заключённые в ящики и выброшенные прямо в степи. Иногда попадались настолько прогнившие трупы, что не было никакой возможности подобрать их, так как при прикосновении к ним трупным крючком, они разваливались. Их зарывали со всеми возможными предосторожностями на месте с особыми мерами предосторожности. Попадались и объеденные собаками груды останков, которые сжигали на месте. В первое время, когда в городах были ликвидированы ночлежки и опиекурильни, китайцы прятали бездомных и трупы по фанзам, не доверяя русским врачам, враждебно относились к санитарам, выявлявшим умерших и больных. Очень часто медикам приходилось выкапывать из пола или канов фанз спрятанные родственниками умерших смердящие трупы, пролежавшие там по несколько месяцев. В Харбине местные жители замуровывали останки в канах тех фанз, в которых жили сами и

готовили себе пищу.

Нередко находили трупы с отрубленными ногами, так как их вкладывали в мешки и хранили до времени в погребах, затем, улучив удобное время, выкидывали на улицу или же на развалины сожжённых чумных фанз. Распространён был способ сокрытия останков как - это хранение их в погребах, в которые закладывали на зиму огородные овощи. В таких погребах жандармы отыскивали трупы, забросанные капустой, картофелем, свёклой или морковью, которые китайцы не стеснялись выносить на базар для продажи **[4]**.

Больных, привезённых летучим отрядом, отправляли в чумную больницу или на обсервационные пункты, где они проходили термометрию: их мыли в бане, переодевали в чистую одежду, устанавливали медицинское наблюдение, делали прививки, лечили. Здесь самоотверженно трудились русские врачи М.А. Лебедева, С.И. Петин, С.Н. Предченский, В.М. Михель, Г.И. Малов и др.

Проф. Д. Заболотный потребовал от администрации КВЖД изыскания средств на улучшение жилищных и санитарных условий для многочисленных китайских бездомных. Власти дороги выделили дополнительные финансовые и материальные ресурсы и открыли по всей линии КВЖД специальные ночлежно-питательные пункты (НПП) для малоимущих и бездомных китайцев. НПП представляли собой железнодорожные вагоны-теплушки, поставленные на станции Харбин в Механическом тупике. Тридцать три дощатых вагона с надписью "КВЖД. 40 чел. – 8 лошадей" служили ночлежкой для бездомных. Начальник ночлежки врач Исаев организовал для своих нищих и грязных питомцев баню, столовую, отвёл четыре вагона под амбулаторию, больницу и изолятор. НПП стали своеобразными пропускниками по выявлению больных чумой, тифом, холерой, кожными и другими заболеваниями. Китайцы, которые в первое время отнеслись с недоверием к открытию иностранцами НПП, со временем стали с охотой селиться в них. Здесь каждый поселенец, попадая в тёплое помещение, обеспечивался кроватью и бесплатным питанием, получал медицинскую помощь. Постепенно китайцы, благодаря общению с русскими врачами и видя их бескорыстную помощь, стали полностью доверять русскому персоналу больниц и ночлежных пунктов. Побывавшие в НПП бездомные или больные стремились ещё раз попасть сюда и приводили с собой родных и знакомых.

В конце 1910 г. в Харбине состоялось специальное совещание врачей, которое подтвердило необходимость всеобщей вакцинации (иммунизации) медицинского персонала города и служащих КВЖД. Тем более, что русская экспедиция врачей, прибывшая из России привезла с собой вакцину и сыворотку, результативность которых была доказана докторами В.М. Богуцким, Г.И. Марголиным и др.

Однако, несмотря на то, что практически весь персонал русских врачей имел противочумные прививки, смертность среди них была значительной. Сказывались тяжелейшие условия работы, постоянный контакт с больными, несовершенство или отсутствие защитной одежды. Наиболее высокой смертность была среди санитаров, которые работали в особенно тяжёлых условиях. Они заражались, разыскивая и перевозя трупы. Сжигая их, работая в больнице, называемой «морильней». В день приходилось сжигать по 3500 тел умерших. Всего за ноябрь 1910 – февраль 1911 гг., т.е. за 4 месяца борьбы с эпидемией, в Маньчжурии погибли 942 медицинских работника, из них – 8 врачей, 4 студента-медика, 6 фельдшеров и 924 санитара **[3]**.

В борьбе с эпидемией российские врачи проявили образцы такой самоотверженности и подвижничества, что их работу без преувеличения можно назвать настоящим подвигом.

Среди врачей и студентов, непосредственно помогавших в работе экспедиции Заболотного, поплатилось жизнью 28 человек. Все они добровольно приехали в Маньчжурию, чтобы помочь жителям далёкого края в трагические дни народного бедствия. Героически встретил свою смерть доктор Владимир Мартынович Михель (1876 – 1911), зав. Обсервационным пунктом, заразившийся при неосторожном приготовлении препарата. Спокойно узнав о своей болезни, он оставался бодр и в сознании до самой смерти. При осмотре больного заразился чумой 5 января 1911 г. студент-медик 4-го курса медицинского факультета Томского университета Лев Михайлович Беляев (1883 – 1911). 14 января он скончался, прожив 9 дней со времени заражения – рекордное число дней для больного чумой. В истории отечественной медицины навсегда останутся имена доктора Марии Александровны Лебедевой (1872 – 1911), медсестры А.Г. Снежковой, студента 5 курса Военно-медицинской академии Ильи Васильевича Мамонтова (1889 – 1911), фельдшеров В.П. Огнева, И. Василенко, М. Галайя и 17 санитаров **[1, с. 193; 4; 5]**.

Последние очаги чумной эпидемии в Маньчжурии удалось ликвидировать весной 1911 г. Страшная болезнь была побеждена, и это была победа русских врачей, многие из которых остались жертвами «чумной Цусимы».

◆

Литература

1. Голубев Г.Н. Житие Даниила Заболотного. М.: Молодая гвардия, 1962. 256 с. с илл. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 18 (351)).

2. Грибанов Э. Наградной жетон Даниила Кирилловича Заболотного. URL: http://www.histomed.kiev.ua/agapit/ag78-59r.html. [Дата обращения: 17.12.2010].

3. Калита В. Светя другим, сгораю. URL: http://www.health-ua.com/issue/163/ [Дата обращения: 17.01.2011].

4. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Очерк XXXI. Эпидемия лёгочной чумы в Маньчжурии и Забайкалье (1910-1911). URL: http://www. supotnitskiy.ru/book3-31.htm. [Дата обращения: 10.11.2010].

5. Харбин: начало истории. URL: http://www.asiadata.ru [Дата обращения: 15.01.2011].

Лукин А.Л.

В Северо-Восточной Азии появилась новая структура по многостороннему сотрудничеству

Northeast Asia gets one more multilateral cooperation mechanism

22-23 ноября 2010 г. в Инчхоне (Республика Корея) состоялось межправительственное консультативное совещание, организованное под эгидой Экономической и социальной комиссии ООН по делам Азии и Тихого Океана (ЭСКАТО)[1]. Его главная цель заключалась в том, чтобы обсудить план действий недавно созданного Субрегионального отделения ЭСКАТО для Восточной и Северо-Восточной Азии (СРО-ВСВА).

Это отделение ЭСКАТО, которое базируется в южнокорейском Инчхоне, – одно из трёх, образованных в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 63/260 от 24 декабря 2008 г. Два других аналогичных подразделения ЭСКАТО предназначены для Южной и Юго-Западной Азии (со штаб-квартирой в Дели) и для Северной и Центральной Азии (место расположения – Алмата).

При этом Субрегиональное отделение для Северо-Восточной Азии первым приступило к работе: его открытие состоялось в мае 2010 года. Такой быстрый старт во многом объясняется значительной поддержкой, которую оказало новой ооновской структуре правительство Республики Корея. Корея также изъявила готовность финансировать значительную часть проектов Субрегионального отделения ООН. Кстати, его штаб-квартиру разместили практически идеально – не больше получаса езды от Международного аэропорта Сеула, в только что отстроенном ультрасовременном районе Инчхона, который специально предназначен для деятельности международных организаций и компаний. Межправи-

ЛУКИН Артём Леонидович, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** artlukin@mail.ru

[1] Официальный сайт Экономической и социальной комиссии ООН по делам Азии и Тихого Океана находится по адресу: http://www.unescap.org/

тельственная консультативная встреча в Инчхоне стала, по сути, первым крупным мероприятием, организованным Субрегиональным офисом ООН.

Членами субрегионального отделения являются все шесть государств Северо-Восточной Азии: Китай, Республика Корея, КНДР, Монголия, Россия и Япония. Основная задача новой структуры ООН состоит в том, чтобы содействовать социальному и экономическому развитию региона. Приоритетные направления деятельности включают в себя продвижение экологически устойчивого развития, борьбу с бедностью и защиту наиболее уязвимых слоёв населения, совершенствование транспортной и торговой инфраструктуры в регионе, а также работу по уменьшению рисков природных и техногенных катастроф.

Кроме того, новое отделение будет выполнять функции секретариата Программы по экологическому сотрудничеству стран Северо-Восточной Азии. Эта программа была инициирована ООН ещё в 1994 г., и в ней участвуют КНР, Япония, Россия, обе Кореи и Монголия.

Кстати сказать, персонал субрегионального отделения ООН в Инчхоне абсолютно интернационален. Руководителем является бельгиец Питер ван Лаере, а должность его заместителя занимает наш соотечественник Евгений Герман. Кроме того, там работают представители Японии, Монголии, Таджикистана и, разумеется, Республики Корея.

В ноябрьском совещании приняли участие правительственные делегации пяти стран Северо-Восточной Азии (кроме Северной Кореи, которая была приглашена, но не прислала своих представителей). Помимо официальных лиц на встрече присутствовали учёные, эксперты и представители неправительственных организаций.

Своё обращение участникам встречи направила заместитель Генерального секретаря ООН, исполнительный директор ЭСКАТО Ноэлин Хейзер. Кроме того, перед собравшимися делегатами выступили мэр Инчхона Енгил Сон и бывший премьер-министр Республики Корея Хан Сонсу, который сейчас возглавляет Глобальный институт экологически чистого развития (Global Green Growth Institute).

Организаторы совещания пригласили в Инчхон двух российских учёных из Владивостока - научного сотрудника Биолого-почвенного института ДВО РАН Татьяну Вшивкову и доцента Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета Артёма Лукина.

А. Лукин выступил в качестве основного докладчика по проблеме многостороннего сотрудничества государств Северо-Восточной Азии в сфере устойчивого (то есть экологически ответственного) развития. Как известно, вопросы экологии по своей сути носят трансграничный характер и поэтому требуют тесного межгосударственного сотрудничества. Сегодня в регионе уже действует целый ряд межправительственных структур, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов океана. В их числе – Трёхстороннее сотрудничество Китая, Республики Корея и Японии; План действий для северо-западной части Тихого океана (Китай, Япония, Республика Корея, Россия); Комиссия по анадромным рыбам в северной части Тихого океана (Россия, Япония, Республика Корея, США и Канада); Форум руководителей береговых охран северной части Тихого океана (Китай, Россия, Япония, США, Канада). Проблема в том, что их работа не всегда эффективна и скоординирована, что, в свою очередь, объясняется дефицитом доверия между странами региона, а также существенными различиями в их национальных приоритетах.

По мнению А. Лукина, необходимо вести дело к созданию широкой и инклюзивной системы многостороннего сотрудничества в Северо-

Восточной Азии, в которую вошли бы участники нынешних шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Северной Кореи, а также, возможно, Монголия. Проблемы экологии и устойчивого развития должны занять одно из приоритетных мест в повестке будущего регионального механизма.

На совещании в Инчхоне можно было встретить немало интересных людей. В их числе Рёкичи Хироно, заслуженный профессор Университета Сэйкэй в Токио, известный в Японии и на международной арене экономист и эколог. Несмотря на весьма почтенный возраст (79 лет) профессор Хироно оказался, пожалуй, самым активным участником дискуссий. В своём выступлении он, в частности, рассказал об «Инициативе Китакюсю», которая ставит своей целью формирование экологически чистой среды в городах. В рамках этого сообщества уже сотрудничают более 60 городов 18 стран АТР. К сожалению, ни одного российского представителя в этом перечне пока нет.

В заключение следует сказать, что для Северо-Восточной Азии, которая зачастую страдает от низкого уровня взаимного доверия и повышенной конфликтности, форум под эгидой ООН для налаживания диалога и партнёрства будет явно нелишним. Более стабильная обстановка в регионе несомненно пойдёт на пользу и российскому Дальнему Востоку, который жизненно заинтересован в развитии сотрудничества с соседями в областях транспорта, торговли, энергетики, экологии. Это как раз темы, которыми будет в первую очередь заниматься Субрегиональное отделение ЭСКАТО ООН. И тут уже прежде всего от нас самих зависит, насколько активно мы будем использовать эту новую международную площадку.

◆

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Сокращения

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АМАЭ РАН	– Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук
АОИАК	– Архив Общества изучения Амурского края
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГБ ОР	– Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РНБ ОР	– Российская национальная библиотека. Отдел рукописей
NAA	– National Australian Archives

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, декан факультета международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Калугина Марина Альбертовна – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)

Киреев Антон Александрович (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Кирсанова Лидия Игнатьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Лобода Оксана Витальевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Чой Нак Джун – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, руководитель центра социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- Мировая система и межрегиональные отношения
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Эмпирика
- Аналитика
- Прагматика
- Науковедение
- Регион в документах и свидетельствах
- Научная жизнь
- Рецензии и обзоры
- Программы учебных курсов
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5)**.
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кирилице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Сылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, **[Электронный ресурс]. URL: http://www.ojkum.ru/ [Дата обращения: 01.01.2010 г.]**.
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
12. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2011 № 1 (16)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 26. 02. 2011 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 13,13. Уч. -изд. л. 12,92. Тираж 200 экз. Заказ 30
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7